

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
РОССИИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX в.**

XVI МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
11-12 октября 2024 г., г. Орел

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова

Орел
Издательский дом Орлик
2025

УДК 93/94

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

О 28

ISBN 978-5-6051595-9-9

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор

Кара-Мурза А.А.,

доктор исторических наук, профессор

Журавлев В.В.

О 28 *Общественно-политические и экономические аспекты развития России в политико-правовой практике российского либерализма конца XIX - начала XX в.* / материалы Международной научной конференции. 11-12 октября 2024 г. г. Орел, / Под общей редакцией д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2025. 160 с.

В настоящий сборник вошли материалы шестнадцатых «Муромцевских чтений», традиционно прошедших осенью 2024 г. в г. Орле. Сборник продолжает традицию подведения текущих итогов изучения истории российского либерализма, связанного с «Муромцевскими чтениями», ставшими сегодня одной из немногочисленных площадок, посвященных изучению истории дореволюционного отечественного либерализма.

Представленные в материалах сборника статьи отражают традиционные направления работы «Муромцевских чтений» – возникновение и генезис либеральной идеологии в России, история либеральных партий и движений, персоналии российского либерализма, разнообразные аспекты парламентской деятельности либеральных фракций, ряд статей раскрывает специфику либерального мировоззрения в современной политической практике.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

*Сборник подготовлен при поддержке
фонда «История Отечества»*

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

ISBN 978-5-6051595-9-9

© ОГУ, 2025.

© Издательский Дом «ОРЛИК», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Шелохаев	Предисловие	5
	<i>Достойный вклад в изучение истории российского либерализма</i>	6
А.Н. Медушевский	Конституционное правосудие как элемент либеральной теории и практики правовой модернизации	8
И.В. Сабенникова	Пути изучения либерального направления в русской постреволюционной эмиграции (К выходу информационного справочного издания: Атлас зарубежной архивной россики. М., 2024)	32
А.А. Сорокин	Вопрос об изменении порядка выборов в земские управы на рубеже XIX-XX вв.	39
В.В. Вострикова	Проблема взаимоотношения личности и общества в либеральной мысли начала XX века	44
О.Л. Протасова	Вместе с либералами: «Союз освобождения» как организационно-политический старт умеренного народничества	54
А.Н. Егоров	Парламентская проблематика в вологодской прессе периода Первой российской революции	62
О.А. Харусь	Сибирские отделы конституционно-демократической партии: факторы и индикаторы организационных процессов в межреволюционный период (1907 – февраль 1917 гг.)	71
Д.С. Лавринович	Деятельность конституционно-демократической партии на территории Беларуси в 1917-1918 гг.	81

С.Л. Чижков	Конституционный вопрос в России 60-х – 80-х гг. XIX в.: либеральные проекты правительства и их оценка Б.Н. Чичериным	92
Ф.А. Гайда	Кн. Д.И. Шаховской в 1880-е гг.: путь к новому либерализму	101
А.И. Нарезный	П.Н. Милюков об истоках конфликта власти и интеллигенции в России	107
Д.В. Аронов, В.И. Астрахан	Верхняя палата парламента в теории и политико-правовой практике российского либерализма начала XX в.	116
С.А. Аронова, П.А. Калугин	Экономические дебаты в парламентской практике российского либерализма в начале XX в.	123
В.В. Соколов	Либеральное законотворчество 1917 г. на примере нормативно-правовой регламентации электоральных процессов	138
И.А. Чупов	Л.Н. Толстой в политико-правовой практике региональных властей по противодействию общественному движению в тульской губернии конца XIX – начала XX в.	148
В.В. Шелохаев	Заключительное слово	156

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если попытаться обобщить итоги пятнадцати предыдущих «Муромцевских чтений», то можно констатировать, что они способствовали значительному осмыслению многих проблем истории российского либерализма. Причем речь идет не только о расширении проблемного поля исследований, но и глубине понимания либерализма как целого исторического явления как общемирового, так и собственно общероссийского характера. Этому, несомненно, способствовало привлечение исследователями новых источников, как из отечественных, так и зарубежных архивов.

Акцент XVI «Муромцевских чтений» перемещен в сферу «политико-правовой практики», т.е. речь идет о «переводе» либеральной идеологии и программтики на «язык» конкретной практической деятельности российских либералов в самых различных сферах общественно-политической и законотворческой деятельности, которая одновременно позволяла осуществлять «проверку» той же идеологии и программтики, внося в нее соответствующие коррективы, отражавшие соответствующие подвижки, имевшие место в реальной жизни. Все это вместе взятое свидетельствовало о наличии у российских либералов значительного творческого потенциала, их способности адекватно реагировать на меняющуюся историческую ситуацию в стране. Доказательством этому является не только законотворческая деятельность либеральных фракций в Государственной думе в России, в изучении которой уже сделано довольно много, но и либерального крыла Временного правительства, к изучению деятельности которого сделаны лишь первые шаги. Кроме того, крайне важно было бы продолжить изучение многогранной практической деятельности либералов в эмиграции.

Надеюсь, что и этот исследовательский «разворот» будет также способствовать дальнейшему продвижению в научной разработке истории российского либерализма.

¹ Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, руководитель центра «История России в XIX - начале XX в.», главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

В.В. Шелохаев

Достойный вклад в изучение истории русского либерализма

Научные судьбы складываются, а затем тесно переплетаются совершенно неожиданно и причудливо. В 70 -е годы XX в. на одной из научных конференций ученый секретарь Научного Совета по истории Великой Октябрьской революции В.И. Миллер познакомил меня с орловским историком Е.И. Чапкевичем. Знакомство оказалось знаковым, возникла взаимная заинтересованность, постепенно установились дружеские отношения. У Е.И. было много учеников, которые занимались близкой мне темой – историей русских политических партий и историей русского либерализма. По просьбе Е.И. я читал их кандидатские диссертации, а по некоторым из них выступал в качестве официального оппонента. Так, 26 мая 2000 г. в Диссертационном совете Орловского университета был оппонентом по кандидатской диссертации А.Г. Клушина, посвященной выдающемуся русскому юристу, члену ЦК кадетской партии Ф.Ф. Кокошкину. Рядом со мной (уже на банкете) сидел еще один ученик Е.И. Чапкевича – Дмитрий Аронов, с которым завязалась интересная беседа по разным аспектам истории либерализма, в том числе и по теме его будущей докторской диссертации. В 1999 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Научная и общественно-политическая деятельность Сергея Андреевича Муромцева». Впоследствии Дмитрий посвятил своему герою ряд монографий и научно-популярных книг.

Молодой человек любезно согласился проводить меня на вокзал. По дороге и в ожидании поезда он читал стихи поэтов Серебряного века. По приезде в Москву я сделал запись в дневнике об Аронове: «Он эрудит, знает массу стихов, очень коммуникабелен и работоспособен». В принципе мы договорились снова встретиться в Москве и подробно обсудить тему его будущей докторской диссертации.

Бывая в Москве, Дмитрий приезжал ко мне или на работу в Российский независимый институт, а затем Российский исторический архив социально-политической истории, или же домой; много беседовали, причем не только на научные и конкретно диссертационные темы. Работоспособность Дмитрия была действительно невероятна. Через четыре года он представил первый вариант огромной рукописи диссертации «Государственно-правовая деятельность русских либералов в Государственной думе (1906-1914)». Ознакомившись с ее текстом, я посоветовал несколько изменить ракурс исследования. Дело в том, что, в соответствии с его тогдашним местом работы, он сделал акцент на собственно юридическую проблематику. Я же советовал «перевести» текст с юридического языка на исторический. Согласившись с моим предложением, Дмитрий скорректировал название диссертации и расширил хронологию исследования, придав ему заверченный характер. В итоге диссертация получила название «Законотворческая деятельность русских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.)». Ее защита состоялась в Диссертационном совете Московского областного государственного университета в 2005 г. Ведущая организация и все три оппонента были единодушны в том, что в диссертации были впервые столь обстоятельно показаны все стороны законотворческой работы либеральных думских фракций по основным проблемам реформирования России. В свою очередь, изданная на основе диссертации монография, получила высокую оценку научной общественности, а ее материалы активно используются в различных гуманитарных исследованиях, в том числе и в юридической науке.

Наряду с работой над докторской диссертацией, Д.В. Аронов продолжал активно разрабатывать различные аспекты жизни и деятельности С.А. Муромце-

ва, к личности которого был явно не равнодушен. По его просьбе к одной из его книг, посвященных Муромцеву – «Парламентарий-первопроходец» – я в 2006 г. написал предисловие. Неслучайно, именно из полюбившейся автором «муромцевской темы» выросли в дальнейшем «Муромцевские чтения». С 2009 г. и по настоящее время они проходят на базе Орловского государственного университета. К сегодняшнему дню проведено уже 15 таких Международных научных конференций. По сути, за это время Орел стал главным региональным центром изучения российского либерализма. Эти конференции, инициированные Д.В. Ароновым, сыграли важную роль в разработке актуальных проблем российского либерализма в широких хронологических рамках. На них ставились и обсуждались как общие теоретико-методологические проблемы истории российского либерализма, так и его конкретно-практическая деятельность во всех сферах общественной и политической жизни. Большое внимание на этих форумах было уделено взаимодействию либеральных политических партий и организаций, роли и месту деятельности его выдающихся представителей общероссийского и регионального масштаба. Изданные материалы Международных конференций «Муромцевские чтения» активно используются как российскими, так и зарубежными исследователями.

Хочу особо отметить вклад Д.В. Аронова в подготовку энциклопедии по истории российского либерализма, многочисленных сборников статей, включая двухтомное издание «Российский либерализм: идеи и люди», презентация которого состоялась в ВШЭ 20 апреля 2018 г. В рамках этой презентации состоялся «Круглый стол» «Российский либерализм: существует ли национальная модель»? На этой площадке выступление Д.В. Аронова прозвучало, как это ему присуще, ярко и эмоционально.

Отмечу активное участие Д.В. Аронова в работе Научных фондов (РГНФ, РФФИ, РНФ), а также Российского исторического общества. По его инициативе в Орле открыты скверы С.А. Муромцеву и П.А. Столыпину, поставлен первый в России памятник Председателю Первой Государственной Думы. Надеюсь, что местные власти поддержат его предложение о присвоение имен этих выдающихся деятелей России орловским улицам.

С момента нашего знакомства прошло почти четверть века. За это время Аронов не только стал доктором исторических наук, но и профессором, заведующим кафедрой, активным членом Российского исторического общества, автором более 400 научных и научно-популярных работ.

Поздравляя Дмитрия Владимировича с его 60-летием, хочу пожелать ему здоровья и дальнейших творческих успехов на ниве исторической и юридической науки, а также его обширной педагогической и общественно-политической деятельности.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРАВОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ²

Введение. Конституционное правосудие выступает краеугольным камнем в политической философии либерализма, представляя важнейший элемент правового государства и гарантий верховенства права. Из теории разделения властей вытекает формирование особой судебной ветви власти, но ее место в политической системе остается предметом дискуссии. Ключевая политическая проблема – определение легитимности институтов конституционного правосудия в современной демократии. В самом общем виде конституционная юстиция – означает способность Конституционного Суда сказать «нет» законодательной власти, выступая в роли полноценного «негативного законодателя». Однако эта роль институтов контроля конституционности появилась сравнительно недавно. Ранее Суды признавались «наименее опасной властью» в системе разделения властей, а их функции ограничивались определением «уста закона». Развитие конституционного правосудия в его современных формах в Европе и на других континентах происходит преимущественно в XX веке и связано с продвижением идеологии прав человека, либерального (плюралистического) измерения демократии, усложнением управления и растущей социальной ролью государства.

В этом смысле роль судебной власти в создании современного конституционализма очень велика, но получает принципиально различные оценки – если одни приветствуют ее и считают вполне логичной, то другие – говорят об опасности развития данного тренда. Они указывают на то, что эта роль Суда противоречит основному принципу демократии (если понимать его как волю большинства), поскольку не избираемые суды становятся на деле конкурентом избираемых парламентов. По мнению современных популистских противников конституционного правосудия, его экспансия способна с позиций юридического формализма блокировать проведе-

¹ Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных наук).

² К выходу в свет коллективной монографии: Конституционный суд России: осмысление опыта / под общей редакцией профессора А.Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022. 645 с.

ние необходимых экономических реформ, либо подорвать коллективное выражение народного волеизъявления, объявляя его несовместимым с либеральными конституционными принципами.

Представляется важным рассмотреть эту дискуссию в историческом контексте развития западной и российской либеральной мысли, оценив ее вклад в становление современного российского конституционного правосудия, а также готовности последнего следовать либеральным принципам.

Идея независимого конституционного правосудия в либеральной мысли

Эти споры о значении конституционного правосудия, оптимальном конструировании его институтов и их полномочий восходят к истокам либеральной политической философии XVIII-начала XX вв., раскрывшей важность независимой профессиональной (в том числе судебной) экспертизы принимаемых законов как значимой гарантии против монополизации власти, ее узурпации и нарушения прав человека. В отличие от США и большинства стран Западной Европы практическое решение вопроса о создании независимого конституционного правосудия в России имело место достаточно поздно – лишь в конце XX в., причем в ситуации масштабного кризиса государства, выход из которого был связан с принятием Конституции 1993 г. и созданием современной модели Конституционного Суда.

Однако предпосылки этого шага имеют значительно более глубокие исторические корни, восходящие к обсуждению роли независимой судебной власти в Российской империи. Они охватывают период от судебной реформы Александра II до конституционных проектов русских либералов начала XX века. Проблема организации независимого правосудия поставлена в трудах основоположников русского конституционализма – А.Д. Градовского, Б.Н. Чичерина, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского, С.А. Муромцева, Ф.Ф. Кокошкина и других, вынужденных (за отсутствием соответствующих институтов в России) обсуждать ее преимущественно на опыте западных моделей конституционной демократии¹. Петражицкий, вероятно, наиболее точно сформулировал специфику этих российских дискуссий, подчеркнув значение «интуитивно-правовой совести» в решениях судов, которые таким образом создают «соответствующее новое позитив-

¹ Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский. М.: РОССПЭН, 2018.

ное право, не заполняющее пробелы старого, а разрушающее и вытесняющее его»¹. Тема конституционного правосудия получила отражение в трудах по государственному праву М.М. Ковалевского, Н.И. Лазаревского, Л.А. Шалланда, А.С. Яценко и других русских юристов, отражая поиск эволюционной стратегии российской правовой модернизации в противовес ее революционным стратегиям². Наиболее четко эта проблема сформулирована в конституционных документах русских либеральных организаций начала XX в. – проектах Союза Освобождения и Конституционно-демократической партии.

Первый проект Основного закона Российской империи, разработанный Союзом Освобождения при участии В.В. и И.В. Гессеных в 1904 г. в связи с подготовкой к первому (ноябрьскому) съезду земских деятелей, представлял скорее общую программу либерального движения, но отводил существенное внимание вопросам конституционного правосудия. В специальном разделе «О верховном суде» предполагалось, что он учреждается для «охранения основного государственного закона от нарушения или для разрешения споров о его истолковании». В компетенцию данного органа входила власть отменять «правительственные распоряжения, несогласные с законами»; правительственные распоряжения и судебные приговоры, основанные на распоряжениях, «противных основным государственным законам»; «незаконно произведенные выборы в Государственную Думу», а также разрешать «все могущие возникнуть споры об истолковании основного государственного закона». Рассмотрению Суда подлежали дела, поступающие в него по жалобам частных лиц и общественных учреждений, представлениям министра юстиции или государственного канцлера, по указам императора и по постановлению одной или обеих палат Государственной Думы³.

Второй проект Основного закона, заложивший основу программы Конституционно-демократической партии, составленный С.А. Муромцевым при участии Ф.Ф. Кокошкина в 1905 г., отказался

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 455.

² См. сводные труды: Общественная мысль России XVIII-начала XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2005; Российский либерализм: идеи и люди. М.: Новое издательство, 2007; Российский либерализм середины XVIII-начала XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. А также: «Муромцевские чтения»: публикации 15 трудов Чтений, проходивших в Орле с 2009 до 2023 г.

³ Проект Основного Закона Российской Империи // Конституционные проекты в России XVIII - начала XX в. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 685-686.

от идеи выделения специального Верховного Суда, вероятно, не столько по принципиальным, сколько по тактическим соображениям – в виду стремления к эволюционной трансформации власти при переходе от самодержавия к конституционной монархии¹. Однако проект фактически подразумевал конституцию, подчеркивая, что «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке сим основным законом установленном». Специальный раздел «О судебной власти» устанавливал, что она должна быть независима от правительственной власти, а «судебные установления не могут быть в подчинении иной власти, кроме судебной»². Этот вопрос обсуждался, далее, в документах Юридического совещания при Временном правительстве – в общей конструкции разделения властей в период созыва Учредительного Собрания. Ориентирами политического устройства переходного периода выступали Третья Французская республика, но также круг идей, представленных в проектах Веймарской конституции Германии, зафиксировавшей один из первых прообразов Конституционного суда в Европе. Возвращение к этой теме в русской либеральной эмиграции было связано с обсуждением перспектив федеративного устройства России и введения института Верховного Суда (по образцу США) для регулирования отношений по линии федерализма. Частью проблемы стал выбор оптимальной формы конституционного правосудия – принятия его американской (Верховный Суд США) или европейской (Конституционный Суд) моделей, – дискуссия, возобновившаяся в России в 1990-е годы³.

Данные проекты не могли получить реализации в условиях установления однопартийной советской диктатуры, в принципе отрицавшей разделение властей и независимость ее судебной ветви, но стали актуальны с ее уходом с исторической арены. Это ставит ряд вопросов: насколько современная модель российского конституционного правосудия выражает преемственность с учениями прошлого и соответствует ожиданиям либеральной мысли начала XX века? И наоборот: можно ли отыскать в этих учениях рекомендации, важные для понимания траектории развития современного российского конституционного правосудия и трудностей, с которыми оно сталкивается? При ответе на эти вопросы обратимся к

¹ Аронов Д. Сергей Андреевич Муромцев. Жизнь, отданная борьбе за право. Орел: Орлик, 2019.

² Проект Основного закона Российской Империи, измененный земским бюро (Проект С.А. Муромцева)// Конституционные проекты. С. 710.

³ Кряжков В.А., Митюков М.А. История конституционного правосудия в России. М.: Норма, 2022.

сводному коллективному труду, подводящему итоги тридцатилетнего развития данного института – *«Конституционный Суд России: осмысление опыта»* (2022 г.).

Конституционный Суд в дизайне российской правовой и политической системы

Концепция Конституционного Суда РФ в его современном виде стала результатом конституционной революции 1993 г., ознаменовав решительный отказ российского общества от советской однопартийной диктатуры в пользу принятия международных (европейских) принципов правового государства, разделения властей и независимого конституционного правосудия. Формирование модели Конституционного Суда РФ шло с учетом трех факторов: международного (иностранные образцы), исторического (советская модель и конституционный кризис 1993 г.) и функционального (вертикальное и горизонтальное разделение властей). Обращение к иностранному опыту на стадии формирования модели включало внимание к известным моделям США, Франции и Германии, но завершилось избранием в качестве общего ориентира модели Конституционного Суда ФРГ, оказавшей наибольшее влияние в организации, функционировании и методологии деятельности российского КС. Общее значение этого выбора состояло в принятии кельзеновской модели абстрактного нормоконтроля.

Место КС в российской системе разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной, – раскрывает институциональную логику его развития. Известно, что создатели действующей российской Конституции 1993 г., принимавшейся в условиях жесткого политического противостояния сторонников советских и либеральных ценностей, оказались перед сложной дилеммой – закрепить либеральный принцип разделения властей, отсутствовавший в предшествующей советской доктрине, но одновременно, обеспечить защиту этого принципа от его разрушения и возможного поворота вспять – введением института гаранта Конституции в виде сильной президентской власти, наделенной почти монархическими прерогативами. Они, следовательно, сталкивались с дилеммой русских либералов начала XX в. – как совместить организацию независимой судебной власти с приоритетами мощной власти главы государства, стоящего, по существу, над системой разделения властей¹.

¹ Как показывают документы, связанные с разработкой Конституции 1993 года и концепции конституционного правосудия, влияние либеральных идей начала XX в.

Результатом, как известно, стала конструкция формы правления, внешне схожая с французской моделью (Пятой республики) – смешанной президентско-парламентской республики, – но на деле существенно отличная от нее с точки зрения адекватных механизмов сдержек и противовесов. При этом в основу организации конституционного правосудия в России была положена не французская (Конституционный Совет), а немецкая модель (КС ФРГ), получившая развитие в республике парламентского, а не президентского типа. Именно в эту оригинальную российскую форму правления и систему разделения властей оказался встроен Конституционный Суд РФ, перманентно вынужденный искать равновесие между институционально слабым парламентом (Государственная Дума) и сверхсильным президентом, наделенным практически неограниченными полномочиями по изданию указов с силой закона.

Обращает на себя внимание определенное воспроизводство в новейшее время той политической конструкции, которая была характерна для монархического конституционализма начала XX в., особенность которой выражалась понятием «мнимого конституционализма» – формального и фактического доминирования главы государства (монарха) над всеми институтами власти, включая судебную. Конструкция политической системы 1993 года в целом отводит Конституционному Суду важное, но не определяющее место, поскольку гарантом Конституции остается президент. Современные судьи Конституционного Суда прекрасно осознают эту двойственность своего положения и даже дают ей теоретическое обоснование, напоминающее размышления юристов имперского периода. Возможно ли, – спрашивает судья Г. Гаджиев, – совместить сильное (и не обязательно правовое) государство и независимое конституционное правосудие? «В сильном государстве, – продолжает он, – неуютно не только парламентаризму, но и конституционной юстиции, которая обычно находится в темном пространстве, между правом и политикой. Границы конституционного контроля находятся внутри «игрового пространства» политической власти, и установить их с топографической точностью невозможно. Судьи, как правило, патриотичны и ответственные. В результате возникает слож-

здесь практически отсутствует. В этом нет ничего удивительного, поскольку юристы, участвовавшие в этом процессе, имели советское образование, в принципе отвергавшее подходы либеральной юриспруденции прошлого. Тем не менее, некоторые из них проявляли интерес к данному наследию. Знаменателен тот факт, что действующий председатель Конституционного Суда посвятил свою диссертацию, фактически, именно Муромцеву. См.: Зорькин В.Д. Муромцев. М.: Юридическая литература, 1979.

ная дилемма между поддержанием верховенства права и пониманием того, что сильное государство объективно необходимо для постепенного перерастания в правовое государство»¹.

Разрешение этой дилеммы, – полагает судья Н. Бондарь, – лежит в области теории «судебного конституционализма», который определяется как «политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права» на основе «баланса власти и свободы»². «Наш идеал, – говорил В. Зорькин, подводя итоги 20-летия Конституции, – соединение власти и свободы. Идти к этому идеалу можно, только сочетая либеральные меры и сильную власть. Это и есть подлинное выражение консервативно-правовой модернизации»³. Данная позиция, в сущности, выражает представления умеренного русского либерализма и, фактически, воспроизводит формулу С.А. Муромцева.

Место Конституционного Суда в трансформации постсоветской правовой системы

Конституционное решение 1993 г. определило общий дизайн устройства российского конституционного правосудия, его правовые основы, ограничения компетенции (исключительно вопросами права, но не факта) и практику функционирования, которые лучше всего раскрываются с позиций институционального метода. В рамках этой постановки вопроса проанализирован первый опыт создания института квазиконституционного контроля, возникшего в условиях крушения советской однопартийной диктатуры – Комитета Конституционного Надзора СССР, сохранявшего полную зависимость от Верховного Совета СССР и коммунистической партии, и сменившего его первого Конституционного Суда РСФСР (1991-1993 гг.), ставшего, вопреки ожиданиям, не только юридическим, но активным политическим участником конституционного кризиса 1993 г. Прерогативы современного Суда были определены Конституцией 1993 г. и Федеральным конституционным законом 1994 г., превратившим его из преимущественно института конституционного надзора (каким он был ранее) в институт конституционного контроля, призванный рассматривать исключительно вопросы права,

¹ Гаджиев Г.А. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: Юстицинформ, 2013. С. 220.

² Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2014. С. 36.

³ Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. М.: Юстицинформ, 2013. С. 33.

прямо не вмешиваясь в компетенцию политических властей (что характеризовало его роль в предшествующий период)¹.

Это решение обусловило место КС в российской правовой и политической системе, роль в трансформации российского конституционализма. В качестве негативного законодателя Суд своими решениями по вопросам конституционности принятого законодательства сыграл важную роль в становлении правовых институтов и развитии основных конституционных принципов – демократии, федерализма, местного самоуправления, рыночной экономики, гарантий прав и свобод личности, став институтом, активно транслировавшим через свои решения идеологию правового государства и, вместе с тем, осуществлявшим пересмотр отживших норм советского отраслевого права – гражданского, уголовного, административного, процессуального и др.²

Логика развития конституционного правосудия в России отражает общие параметры постсоветского конституционализма, проделавшего путь от идеалистических устремлений 1990-х гг. к реализму 2000-х гг. и консервативно-реалистическому переосмыслению основополагающих принципов на современном этапе. Периодизация развития любого института включает формально-правовые, организационно-функциональные и персональные характеристики. Для КС – основным формальным критерием являются поправки, вносившиеся в ФКЗ о КС, однако ими определяются качественные изменения структуры, функционирования и состава КС, роли его структурных подразделений (палат), председателя, секретариата, научно-аналитических подразделений, а также порядка рассмотрения дел. Для такого института как Конституционный Суд, существующего достаточно длительное время (длительное, конечно, по меркам новых демократических государств), основой его стабильности и преемственности служит воспроизводство своего состава на основе определенных критериев, получающих нормативное закрепление в ФКЗ о КС. К ним относятся: порядок назначения и прекращения полномочий судей, продолжительность их мандата и его длительность, возраст судей (в том числе – предельный возраст), профессиональные и этические требования к ним, полномочия председателя и его заместителей, процедуры их вступления в должность (выбор судьями или назначение), продол-

¹ Библиография по конституционному правосудию. Автор-составитель проф. М.А. Митюков. М.: Кнорус, 2011.

² Конституция в постановлениях Конституционного Суда России (1992-2016). Под ред. Л.О. Иванова. М.: ИППП, 2017.

жительность осуществления своих полномочий и ряд других факторов. Эти критерии определяют состав Суда, а их пересмотр влечет качественные изменения его социального профиля, делая данный институт более или менее подверженным внешним воздействиям.

Изучение эволюции действующего Конституционного Суда за период 1994-2020 гг. позволило констатировать: при сохранении общей преемственности этой эволюции, заданной конституционными рамками и положениями закона о КС 1994 г., в его развитии прослеживается четкая периодизация, позволяющая выделить пять ключевых этапов: 1991-1993; 1994-начало 2000-х; 2001-2010; 2011-2020; 2020- по настоящее время. Рассмотрение КС в длительной перспективе позволяет констатировать, что при внешней эволюционной преемственности, он претерпел существенные внутренние изменения, став из вполне независимого института, способного оппонировать другим ветвям власти, включая президента (каким был на первом этапе), институтом, ориентированным преимущественно на достижение лояльного компромисса с ними (на втором этапе), с тем, чтобы превратиться (на третьем и последующих этапах) в институт, решения которого становятся более чем предсказуемыми.

Внешние вызовы легитимности конституционного правосудия в России

Трансформация российского конституционного правосудия связана с серьезными внешними и внутренними вызовами российской политико-правовой системе. Внешние вызовы легитимности российского конституционного правосудия определяются теми изменениями глобального характера, которые вызвали переосмысление роли международного права в обеспечении прав человека. Процесс конституционализации международного права открыл пути расширению влияния международных судов на политику права национальных конституционных судов, породив острые противоречия между ними. Закрепив в Конституции 1993 года приоритет ратифицированных международных договоров и ратифицировав в 1998 году ЕКПЧ, российская правовая система обрела новую легитимирующую основу, поставив в центр доктрину естественных прав и защиту прав и свобод индивида. Но одновременно создала предпосылки конфликтности решений Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда России.

С этих позиций общая эволюция легитимирующей доктрины КС включает три этапа. На первом этапе, который следует определить как идеалистический (1994-2000 гг.), Конституционный Суд РФ по-

нимал свою миссию как проведение либеральных начал в конституционном правосудии¹, видя смысл своей деятельности в последовательной конституционализации права, заполнении пробелов, модернизации отраслевого законодательства и укреплении либеральных правовых институтов и практик. Формулой этого этапа выступает в общественном сознании «приоритет международного права над национальным»². На втором этапе, который мы определим как «реалистический» (2001-2013 годы), позиция Конституционного Суда в рамках общественной дискуссии определялась поиском компромисса принципов международного права и «национальных интересов» в том виде, как их интерпретировала политическая система, особенно в контексте концепции «суверенной демократии». Формула этого этапа – установление баланса международного и национального конституционного права с учётом российских политических интересов³.

¹ Оценка либерального эксперимента в России 1990-х годов до сих пор остается противоречивой. Если одни считают его состоявшимся явлением, то другие исключают данный вывод, говоря о «суррогатном» или «имитационном» либерализме. Для сторонников последней точки зрения характерно противопоставление подлинного классического либерализма начала XX в., предложившего целостную концепцию переустройства общества, его редуцированной версии конца XX в., сводившей задачи этого переустройства едва ли не исключительно к введению рыночной экономики. Не отрицая *raison d'être* данного довода, отметим, что вообще инстинкт к подражанию и имитации, как показывают сравнительные исследования, является начальной стадией заимствования более продвинутых политических форм в обществах переходного типа разных стран. В этом отношении классический и современный либерализм имеют много общего, сталкиваясь на практике с проблемой утверждения правового идеала в условиях традиционной социальной апатии и мнимого конституционализма. Исходя из этого, проведение либеральных начал в конституционном развитии постсоветской России следует признать важным самостоятельным фактором политической модернизации, несмотря на достигнутые результаты.

² В данном случае мы используем формулу о «приоритете международного права над национальным» как конструкцию общественно-политической дискуссии, а не фактическое определение ситуации. Конституция 1993 года закрепляла не приоритет международного права, а приоритет ратифицированных в форме федерального закона международных договоров перед законами. Конституция никогда не признавалась имеющей силу ниже, чем международные нормы (это противоречило бы части 1 статьи 15). Конституционный Суд никогда не утверждал, что национальное право стоит выше международного. Он говорил только, что Конституция имеет высшую силу. Политизация юридической дискуссии выглядит как способ «повышения ставок» в международном соперничестве.

³ Переломным моментом в этих «войнах толкования» признается дело Кононова (2010 г.), при рассмотрении которого ЕСПЧ, по мнению ряда экспертов, «отважился перейти от толкования и применения ЕКПЧ к разрешению комплексных проблем международного права», занявшись «политизированными вопросами» переосмысления итогов Второй мировой войны, что, по мнению российской стороны, однозначно оценивалось как «политически мотивированное решение и применение двойных

Третий этап, который можно определить как консервативно-реставрационный (2014–2020 годы), иллюстрирует, по мнению критиков, последовательный пересмотр Конституционным Судом легитимирующих установок начального этапа деятельности, характеризуется защитой «правовой идентичности», понимаемой как отстаивание национального правового суверенитета по отношению к международному праву и транснациональным институтам. Формула этого этапа, выраженная в публичном пространстве, – «восстановление суверенитета»: приоритет Конституции РФ над международными договорами в части их интерпретации транснациональными политическими и судебными институтами.

Безусловную конфликтность имели новейшие решения ЕСПЧ, носившие, по мнению российских властей, политизированный характер, выраженную антироссийскую направленность и характер вмешательства во внутреннюю политику страны. Наиболее резонансными из них следует признать: 1) Решение ЕСПЧ по делу ЮКОС (2014 г.), продолженное рядом обвинительных вердиктов апелляционного суда в Гааге (о выплате компенсации и судебных издержек акционерам ЮКОСА), противоречивших позиции российских властей – побудительная причина и отправная точка изменения закона о КС; 2) Решение о присоединении Крыма (Постановление №6-П от 19 марта 2014 г.), которым договор о принятии Крыма в состав РФ признан конституционным – решение, категорически отвергнутое Западом; 3) Решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» (2013 г.), при оценке которого КС (в Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П) впервые воспользовался предоставленным законом правом отказать в исполнении решения Страсбургского суда, посчитав, что международный орган превысил свои полномочия и нарушил суверенитет страны (потребовав от России предоставления избирательных прав заключенным, отбывающим наказание в колониях – что прямо противоречит Конституции РФ).

Понятие «конституционной идентичности» Конституционный Суд ввел 14 июля 2015 в постановлении о своем праве признать неисполнимыми решения ЕСПЧ. Эти установки применялись затем в 2016 г. (в решении об отказе исполнить постановление ЕСПЧ по делу Анчугов и Гладков против РФ) и в 2017 г. («ЮКОС против

стандартов». См.: Бауринг Б. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека по делу «Кононов против Латвии» (17 мая 2010 г.): права ли Российская Федерация в своем понимании отношения политики и международного права? // Международное правосудие. 2012. № 2 (3). С. 75-83.

РФ»). Общим результатом данного противостояния стало постановление КС о возможности неисполнения решений ЕСПЧ (Постановление от 14 июля 2015 года № 21-П)¹, принятие поправок в Федеральный конституционный закон о КС (2015 год)² и Конституцию РФ (новая редакция статьи 79 и статьи 125, принятая конституционной реформой 2020 года). Завершением данного тренда следует признать выход России из Совета Европы и разрыв с юрисдикцией ЕСПЧ в условиях международного кризиса 2022 г. Суммируя баланс общественно-политических дискуссий о роли международной легитимности конституционного правосудия – конфликте ЕСПЧ и КС, – можно констатировать, что они прошли три стадии, обозначенные нами как либеральный идеализм, реализм и консерватизм.

Внутренние вызовы легитимности конституционного правосудия

Внутренние вызовы легитимности конституционного правосудия связаны с особенностями формирования российского постсоветского политического строя, приоритетами которого на разных этапах становились задачи трансформации правовой системы в переходный период, обеспечения стабильности власти и проведения необходимых реформ по модернизации страны. В правовом развитии данная ситуация характеризуется конфликтной динамикой соотношения права и справедливости, нормы и традиции, законности и легитимности, воспроизводящейся на разных уровнях правового регулирования³. Задачи правовой модернизации, как показали еще либеральные теоретики начала XX в., требуют гибкости подходов, поскольку во многом ставят противоречивые цели – переход к демократии требует стабилизации общества, стабилизация невозможна без сильного правительства, но последнее имеет тенденцию к авторитарным методам управления, что может затормозить процессы демократической модернизации.

В этом контексте информативна смена установок Конституционного Суда и используемой им аргументации. Одна из них – активное участие Суда в политическом процессе, когда Суд стремился выступить арбитром в конфликте властей в качестве самостоятельного политического актора, оппонирующего другим ветвям вла-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 № 21-П // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

² Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2015. № 51 (ч. 1). Ст. 7229.

³ Основы конституционного строя России: двадцать лет развития. М., 2013.

сти и президенту (1991-1993 гг.). Поворотными точками в самоопределении Суда как политического института следует признать его решение по делу КПСС (Постановление №9-П от 30 ноября 1992 года) и решение о конституционной реформе (Заключение № 3–2 от 21 Сентября 1993 года), которым оспаривалась конституционность Указа президента Б. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», а введение им президентского правления признано основанием для отрешения президента Ельцина от должности. КС также демонстрировал активную позицию, противостоя неконституционным действиям президента. Характерно решение КС о сроках правления (Определение №134-О от 5 ноября 1998 г.), которым одному лицу запрещалось быть Президентом России более двух сроков подряд.

Иная установка – поддержка позиции других ветвей власти – Государственной Думы и президента по наиболее острым вопросам внутренней политики. Данный тип решений выражает консенсус всех ветвей власти, включая сам Суд. Это – решение о смертной казни (Постановление №3-П от 2 февраля 1999 г.), продлившее мораторий на смертную казнь. В этом случае Суд взял на себя фактически функции законодательной власти, по существу делегировавшей ему (возможно, на основе неформальных договоренностей) решение задачи корректировки применения конституционной нормы без принятия соответствующего закона. Более ранний пример – важное решение о Чеченском конфликте (Постановление №10-П от 31 июля 1995 г., которым КС признал конституционным Указ Президента Б. Ельцина от 9 декабря 1994 года «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» и прекратил проверку других указов, положивших начало контртеррористической операции в регионе. На этой основе Судом сформулирована идея презумпции конституционности указов президента, если они не выходят за конституционные рамки.

Наконец, третья установка – изменение позиции Конституционного Суда в свете изменившихся обстоятельств. КС, по общему признанию сыгравший важную роль в становлении конституционных принципов федерализма в 90-е гг. XX в., существенно менял свою позицию, давая повод для критики профессиональных экспертов. Это – спорное решение об отмене выборов губернаторов (Постановление № 13-П от 21 декабря 2005 г.), которым новая процедура утверждения губернаторов (ранее действовали прямые выборы) признана конституционной. Изменение позиции КС по вопросу

выборности губернаторов является, вероятно, наиболее показательным примером эволюции его установок в контексте задач стабилизации политической системы.

Преобладание консервативных установок отражено в серии решений Суда новейшего времени по вопросам внутренней политики, которые получили наиболее критическую оценку со стороны либеральной оппозиции. В этих решениях Суд, по мнению оппонентов, вышел далеко за рамки аутентичного (либерального) понимания конституционных принципов, дав их ограниченное толкование или избирательное применение в отношении определенных экономических и политических субъектов или лиц (Решение КС об НКО – «иностранных агентах» – Постановление №10-П от 8 апреля 2014 г., которым закон об «иностранных агентах» признан конституционным); продемонстрировал известную противоречивость в конкретизации неопределенных положений законодательства в политических целях (Постановление № 4-П от 14 февраля 2013 г., в котором некоторые репрессивные нормы закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и Кодекса об административных правонарушениях «о митингах» были признаны неконституционными, но другие были оставлены в силе); вынес решения с нарушением ранее принятых правовых позиций (правовая позиция, зафиксированная Судом в Постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» не была учтена в аналогичном деле К. Котова 2019 г. и лишь впоследствии принята под давлением общественности).

Наконец, своеобразным проявлением «активизма наоборот» признается критиками отказ Суда в рассмотрении депутатского запроса о конституционности пенсионной реформы – Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (принятие «отказного определения», в котором Суд счел, что вопрос целесообразности реформы «не может быть разрешен Конституционным Судом РФ», поскольку «иное выходило бы за пределы его компетенции»). Упреки в ангажированности Конституционного Суда со стороны либеральной оппозиции, более или менее оправданные, основаны на несогласии как с существом вынесенных решений, так и с оценкой представленных аргументов, которые рассматриваются как отступление если не от буквы, то от духа конституционных принципов в их первоначальном либеральном пони-

мании. Эта критика суммируется понятиями конституционной и судебной контрреформы, взятыми из либеральной лексики России периода от Великой реформы 1861 г. до начала XX века¹.

Конституционный Суд и поправки к Конституции 2020 года

Центральным вопросом определения места конституционного правосудия в российской политической и правовой системе стала роль Конституционного Суда в ходе конституционной реформы 2020 года. Оценка этой роли различными политическими силами оказалась прямо противоположной – от апологетической или формально нейтральной до вполне критической – демонстрируя различие представлений о перспективах развития российского конституционного строя. Это различие позиций определяется как идеологическими предпочтениями, так и решением вопроса о том, насколько принятие Закона о конституционной поправке соответствовало конституционной процедуре ее проведения. Порядок участия КС в проведении реформы и принятии Заключения КС демонстрируют определенные правовые противоречия. Согласно Конституции, ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», а также практике (обобщенной в определении Суда № 1567-О), КС был неправомочен давать заключение о соответствии Конституции процедуры внесения в нее поправок и их содержания. Закон о поправке к Конституции, которым он при этом руководствовался, не упоминается в самой Конституции в качестве акта, допускающего расширительное истолкование полномочий суда. Данные противоречия и способы их преодоления имеют значение для определения роли Конституционного Суда в решении центрального вопроса конституционной реформы 2020 г. – транзита власти, осуществленного путем обнуления истекших сроков полномочий президента.

Включенная в Конституцию поправка к ч. 3 ст. 81 выражает преемственность и разрыв конституционного строя, противоречиво сочетая различные типы легитимации власти – правовую (регулярную) и персоналистскую (исключительную). Первая отражена в воспроизводстве принципа сменяемости власти, даже усилении жесткости его формулировки – «одно и то же лицо не может занимать должность президента РФ более двух сроков» (в новой редакции устранено слово «подряд», уже отыгравшее свою роль для предоставления В. Путину третьего и четвертого мандата). Вторая – представлена в «оговорке» к той же норме, согласно которой дан-

¹ Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. М.: DirectMEDIA, 2014.

ное ограничение не распространяется на лиц, занимающих (или ранее занимавших) эту должность на момент вступления в силу данной поправки. Конструируется, таким образом «переходное положение» от старой конституционной нормы к новой, открывающее перспективы для действующего лидера участвовать в качестве кандидата в выборах президента и занимать эту должность вне зависимости от числа сроков, которые он занимал до вступления данной поправки в силу.

В результате данной ревизии, получившей название «обнуления» старых полномочий во имя их продления в будущем, возникла проблема их теоретического обоснования. Она получила спорное разрешение в «Заключении» КС, предложившего новую формулу конституционной легитимности. Здесь, – полагает Суд, – встает вечная проблема «выбора баланса между различными конституционными ценностями»: с одной стороны, «конституционная характеристика демократического правового государства предполагает, хотя и не предопределяет, установление в этом аспекте достаточно жестких ограничений»; с другой – «конституционный принцип народовластия подразумевает возможность реализации народом права избрать на свободных выборах то лицо, которое он считает наиболее достойным должности главы государства», – само это право остается незыблемым в условиях сохранения рамок electoralной конкуренции, состязательности выборов, подотчетности главы государства за результаты своей деятельности¹.

Приняв данную линию аргументации, КС отказался видеть в изменении ст. 81 факт «присвоения власти» (запрет которого фиксируется ч. 4 ст. 3 Конституции); согласился с широкой трактовкой дискреционных полномочий законодательной власти; признал возможность «преодоления в качестве переходной меры ранее установленных ограничений» по срокам пребывания у власти; дезавуировал собственное определение (от 5.11.1998 г.) о неконституционности такого решения (на основании отсутствия соответствующей «оговорки» в первом случае и ее появления во втором); вынес это решение исключительно на основании закона о поправке 2020 г.,

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.

одновременно наделяющего его правом ее рассмотрения; и, наконец, привел совокупность политических аргументов в пользу «обнуления» сроков, включающих «конкретно-исторические факторы» принятого законодателем решения – «состояние политической системы» и «степень угроз для государства и общества». Вакуум юридических аргументов был заполнен, поэтому, очень широкой и неопределенной трактовкой ряда конституционных принципов, граничащей с пересмотром основ конституционного строя в вопросах разделения властей и сменяемости власти в пользу искомого политического решения - обнуления президентских полномочий для обеспечения его переизбрания.

Оценка этого решения оппонентами реформы как «конституционного переворота» открыла обсуждение трансформации российской политической системы в направлении плебисцитарного авторитаризма – проблемы, поставленной классическим западным либерализмом в Европе XIX века и русским либерализмом в условиях революций начала XX века¹. В целом, результаты реформы 2020 г., решая задачи стабилизации и преемственности власти, делают ее менее контролируемой, а судебная власть, формально выступающая гарантом системы разделения властей, становится институтом, все более подконтрольным одной из них – президенту.

Конституционный Суд и общество: либеральная критика российского конституционного правосудия

Легитимность Конституционного Суда и принимаемых им решений по наиболее значимым вопросам конституционной повестки определяется доверием общества. Проблема доверия, его обеспечения и утраты становится для КС едва ли не центральной во взаимоотношениях как с внешним миром – интернациональным правовым и судебским сообществом, так и внутри страны – с обществом (несмотря на его аполитичность и индифферентность в отношении конституционной проблематики) и прежде всего его продвинутой частью – либеральной общественностью, способной оценить ситуацию на уровне понимания смысла.

Критические оценки работы КС со стороны либеральной общественности и части профессионального сообщества связаны с рядом факторов:

¹ Эта тема подробно рассмотрена нами в предшествующем томе «Чтений»: Медушевский А.Н. Демократический цезаризм: от исторических форм к современной конституционной диктатуре //Российский либерализм в системе политических партий России в начале XX века. Пятнадцатые «Муромцевские чтения». Орел, 2023. С. 47-71.

1) Структурными реформами КС, осуществленными поправками в ФКЗ о нем 2009-2010 гг. – пересмотром структуры Суда (отмена палат), статуса его членов, утративших возможность избирать председателя, расширением объема его реальной власти, ослаблением научно-аналитической составляющей его деятельности и бюрократизацией секретариата.

2) Принятыми Судом трактовками доктрины уважения (или не уважения) к Суду. Эти трактовки позволили отстранить ряд судей-диссидентов, выступивших с критикой растущей политизации Суда, и отставленных от выполнения функций на основании обвинения в несоответствии судейской этике.

3) Прогрессирующее сокращение дел, в которых КС оппонирует позиции власти или высказывает собственную позицию в оценке спорных норм законов или указов президента (как это было даже в решениях, поддерживавших позицию политической власти - в оценке указов периода Чеченской войны, о назначении губернаторов или закона о пенсионной реформе).

4) Сокращение независимости судей по линии формирования Суда: порядок назначения и смещения судей (зафиксированный реформой 2020 г.), – по мнению критиков, – делает их зависимыми и обеспечивает корпоративную дисциплину. Констатируется практическая несменяемость председателя КС, общий срок полномочий которого составил 20 лет. В 2018 г. Совет Федерации переназначил В. Зорькина главой КС на пятый срок подряд по представлению Президента.

5) Растущая политизация решений КС, нараставшая в последнее десятилетие по делам, связанным с оценкой оппозиционной деятельности. Она стала очевидной с принятием поправок 2020 г. и выяснением роли самого КС в их проведении.

6) Растущее ограничение информации о принятии судебных решений – отказ от публикации особых мнений судей после реформы 2020 г. Ранее именно особые мнения содержали альтернативную, а подчас критическую оценку принятых Судом решений¹. В целом эти тенденции достигли завершения в реформе КС 2020 г.

7) Ряд новейших трендов, связанных с выходом России из ЕКПЧ, Совета Европы и юрисдикции ЕСПЧ (2022 г.) и пересмотром содержания ряда важных конституционных принципов в контексте текущей политики. Общий вывод критиков – снижение доверия профессионального сообщества к Суду, который утратил ту степень автономности, которая ранее делала его относительно неза-

¹ См.: Кононов А.Л. Особое мнение судьи Кононова. М.: Кучково поле, 2017.

висимым элементом системы разделения властей. Это превращает КС в институт, фактически легитимирующий действия власти.

На пути компромиссов с властью, – следуя оппонентам, – КС рискует утратить собственную легитимность, опирающуюся не столько на знание, сколько на доверие к нему как беспристрастному, независимому и профессиональному арбитру в разрешении правовых конфликтов. Такими ударами по легитимности КС стали его политические решения: в международных отношениях – постановление об отказе выполнять решения ЕСПЧ, в социальной политике – пенсионная реформа, в экономике – дело ЮКОСа, в политике – серия решений, оправдывающих действия власти – от Чеченской войны до принятия Заключения о поправках к конституции 2020 г. О различии понимания перспектив конституционного правосудия говорит этический конфликт внутри Суда 2008 г., связанный с диаметрально противоположным пониманием его роли и задач, степени независимости от других ветвей власти и того, в чем состоит уважение или неуважение к Суду.

Эволюция российского конституционного правосудия с позиций теории конституционной цикличности

Теория конституционных циклов, предложенная нами в 2005 г.¹, увязывает воедино такие параметры как трансформация представлений общества о конституционализме и изменение позитивного права – Конституции и конституционного законодательства. Эта трансформация предстает в виде больших конституционных циклов, каждый из которых включает три основных фазы – отказ от старой конституции (деконституционализация); принятие новой и развитие ее положений (конституционализация) и преобразование положений новой конституции под влиянием более консервативной социальной реальности (реконституционализация) – вплоть до возврата к исходной ситуации начала большого конституционного цикла. С позиций этой теории информативен взгляд на российское конституционное правосудие и взаимоотношение в нем юридической и политической составляющей.

Первая фаза развития большого цикла постсоветского конституционализма связана с отказом от предшествующей модели советского номинального конституционализма и поиском его новой модели. Эта фаза отражена в позициях КС на начальном этапе его деятельности – с 1991 по 1993 гг. и выражена в компромиссной позиции по делу КПСС, а также всей совокупности решений периода

¹ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Изд. ВШЭ, 2005.

конституционного кризиса и конфликта Верховного Совета РСФСР и президента Ельцина. Результатом конфликта стал раскол внутри самого КС, приостановление его деятельности президентом с последующим введением более ограниченного статуса КС в российской политической системе (по Конституции 1993 г. и ФКЗ о КС 1994 г. он был трансформирован из органа надзора в орган конституционного контроля с компетенцией оценивать исключительно правовую составляющую законодательного процесса, но не фактические обстоятельства дел). Более того, в Законе о КС прямо исключалась политическая составляющая его деятельности. Но это пример того, как формально-юридическое ограничение института не исключает его фактической политизации.

Вторая фаза (1994-начало 2010-х гг.), определенная нами как конституционализация, началась с момента принятия Конституции 1993 г., ФКЗ о КС и трансформации всего российского законодательства. На этой стадии КС стал играть важную роль именно в процессе конституционализации права – обеспечении соответствия российских законов новой Конституции. Важнейшими функциями Суда стали – проведение в России положений международного права – реализация ЕКПЧ, опора на опыт ЕСПЧ, проведение важнейших конституционных принципов в российском законодательстве о федерализме, разделении властей, гражданском, коммерческом и уголовном праве, выстраивании партийной системы и, позднее, так называемой вертикали власти. Этот тренд со временем привел к трансформации позиций КС – движению от гармонизации российской правовой системы по европейским стандартам к защите суверенитета, сопровождающейся ростом поддержки законодательной и исполнительной власти, в особенности, указов главы государства. Это продемонстрировано, как отмечалось, в принятии Судом своеобразной презумпции конституционности указов президента в случае, если они не выходят за общие конституционные рамки.

Обобщением этого опыта стал пересмотр Конституции (в 2008 и 2014 гг.), ФКЗ о КС в 2009-2010 гг., приведший к изменению его структуры, организации и механизмов работы. Выражением политики права стал отказ Конституционного Суда от безоговорочного следования решениям ЕСПЧ в качестве обязательных прецедентов. В 2010 г. в программной статье "Предел уступчивости" В. Зорькин подчеркнул, что любое решение ЕСПЧ – не только правовой, но и политический акт, поэтому, когда решения Страсбургского суда прямым образом затрагивают национальный суверенитет, осново-

полагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений. С этого момента прослеживается поворот Конституционного Суда и его председателя в сторону концепции самобытности российской цивилизации и необходимости учета ее особенностей в правовом развитии, вплоть до признания того, что «крепостничество было главной скрепой внутреннего единства нации». Этот подход подготовил позицию Суда по ряду принципиальных политических дел, включая поддержку решения о присоединении Крыма в 2014 г.

Третья фаза большого постсоветского цикла (2015 – 2020 г.) – реконституционализация, выражением которой стали реставрационные тенденции российского конституционализма – когда предшествующие ценности, принципы и нормы судебного толкования были подвергнуты общей ревизии. Рубежным является здесь решение о неисполнении решений ЕСПЧ (Постановление № 21-П от 14 июля 2015 г.), которым КС наделил себя полномочиями признавать неисполнимыми решения ЕСПЧ по запросу госорганов. А итогом данного периода стало Заключение КС о конституционных поправках 2020 г.

С 2015 г. КС начал выработку особой доктрины конституционной идентичности, представленную на IV Юридическом форуме стран БРИКС. Данный проект, как отмечал председатель КС, направлен против западной «идеологии индивидуализма», ведущей к росту глобального неравенства и разрушению национальных государств с их идентичностью, и имеет целью совершить «солидаристский поворот», установить «приемлемый для всех правопорядок», гарантом которого усматривается «глобальное гражданское общество». Вклад России в «солидаристский проект» должен быть сделан на основе «присущего российскому народу коллективизма», использования опыта осуществления права «через традиции русской общины» во имя создания противовеса «либерально-индивидуалистическому правопониманию Запада. Понятие «конституционной идентичности» Конституционный Суд действительно ввел 14 июля 2015 в постановлении о своем праве признать неисполнимыми решения ЕСПЧ. Конструирование конституционной идентичности шло по линии противопоставления традиционных ценностей либеральным, солидаризма индивидуализму и государства – личности. Выступая на открытии XX Всемирного русского народного собора в Москве (2016 г.) наряду с Патриархом, В. Зорькин цитировал предостережение апостола Павла о том, что «тайна беззакония уже в действии», имея в виду утрату правовыми кон-

струкциями прочности и надежности в международном праве (нарушение ялтинских договоренностей 1945 г.), а также отказ от традиционных семейных ценностей на Западе и утверждения об американской исключительности.

Констатируя свойственный российскому обществу конфликт права и справедливости, Председатель Конституционного Суда выступил за его преодоление с позиций утверждения нового правосознания. Во избежание повторения революционной катастрофы 1917 г. необходимо преодоление социальной несправедливости – «социального напряжения, порождаемого чувством несправедливости», которое усугубляется усталостью населения от реформ и санкционным давлением Запада на Россию. Для поддержания социальной стабильности подчеркивалось значение консервативных начал в развитии правовой системы, а Конституционный Суд сравнивался его председателем с «Лабораторией Касперского». В этом понимании деятельность Суда направлена на то, чтобы «не было «вирусов» в нашей законодательно-нормативной системе, которые мы вылавливаем, и пытаемся помочь законодателю, исполнительной и законодательной власти, да и судебной власти тоже».

В целостном виде данная программа выражена в статье В.Д. Зорькина – «Буква и дух Конституции»¹. Опыт работы Конституционного Суда представлен его председателем как поиск новой концептуальной формулы конституционного правосудия, отвечающей вызовам глобализации: «нам нужна сейчас такая корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию (доминирующего в современной мировой теории и практике) которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма, т.е. нужна правовая теория, синтезирующая в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной солидарности. Такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию». Соотношение права и политики в этом реставрационном тренде вполне очевидно. Россия, – заключает Зорькин, – еще не стала правовым государством и ей еще предстоит взять соответствующий «правовой барьер»². Но это означает, что роль КС в трансформации российской правовой системы достаточно ограничена: принимая правовые решения, Суд не может игнорировать во-

¹ Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета- Федеральный выпуск 2018, № 226 (7689).

² Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М.: Норма: ИНФРА-М., 2018.

просы политической целесообразности, а иногда и императивы авторитарного характера в публичном порядке.

Введение в Конституцию принципа единства системы публичной власти в результате реформы 2020 г. открыло путь нелиберальному ее прочтению. Практика российского конституционного правосудия реагирует на общие мировые тренды, но в российском контексте они получают совсем иное проявление, трансформируя правовую систему под влиянием теоретических и законодательных представлений о согласованном функционировании властей. Выражением этого стало разрешение дилеммы «активизма или самоограничения» Суда в сторону последнего – сужения своей конституционной компетенции – как способа «самоопределения в сложившейся правовой и общественно-политической среде». «Тем самым – отмечает Т.Г. Морщакова, – обусловливается молчаливый консенсус в пользу неосновательных попыток ограничения функций и предмета судебного конституционного контроля, что обнаруживается в судебной практике во всех видах судопроизводства, включая и конституционное, и не может не вызывать критического отношения»¹. С принятием конституционных поправок 2020 г. очевидно завершается большой цикл постсоветского конституционализма: начинается новый этап эволюции российского конституционного правосудия. Перспективы конституционного правосудия в России остаются неопределенными и зависят от логики эволюции конституционной и политической системы страны.

Вывод. Осмысление тридцатилетнего опыта российского конституционного правосудия показывает актуальность подходов русского либерализма. В развитие теорий классического западного либерализма, им были сформулированы концепции конституционных гарантий прав и свобод личности, самоограничения власти, конструкций разделения властей и формирования особой независимой ветви судебной власти, выбора модели конституционного правосудия и методов его функционирования в переходный период от самодержавия к конституционной монархии и республиканской форме правления. Эти концепции отражали специфику реализации либерального проекта в ситуации традиционного (сословного) общества, уделяя специальное внимание соотношению стабильности и изменений, реформ и контрреформ, политике права в условиях модернизации. Поиск оптимального баланса консервативных и либераль-

¹ Морщакова Т.Г. Послесловие. Пунктиры дискуссии или «непричесанные мысли» // Конституционный суд России: осмысление опыта. М.: Центр конституционных исследований, 2022. С. 579-580.

ных устремлений отражен в ряде конституционных проектов, суть которых можно определить формулой консервативно-правовой модернизации (или эволюционной модернизации в консервативных формах), то есть сочетания правовых реформ с поддержанием устойчивости политической власти.

В этом отношении опыт современного российского Конституционного Суда вполне выражается системой понятий, выработанных русскими юристами в период перехода от самодержавия к конституционной монархии, заставляя осмысливать логику выстраивания отношений судебной власти с приоритетами исторически сверхпредставленного института главы государства. В этой логике деятельность Конституционного Суда на всем протяжении его существования отражает стремление найти равновесие между запросами правовой модернизации, основанной на либеральных принципах Конституции России 1993 г. и сохранением сильной государственной власти, способной эффективно отвечать на внешние и внутренние вызовы. Поиск этого баланса «власти и свободы» в конкретных судебных решениях оказывается очень труден и не всегда последователен, отражая колебания Суда между либеральными и консервативными ценностями.

В целом, либеральные установки начального периода постсоветской конституционной трансформации сменяются идеей либерально-консервативного синтеза с тем, чтобы на современном этапе оказаться исключительно консервативно-реставрационными. Эта эволюция официальных идеологов современного российского конституционного правосудия отчасти напоминает смену приоритетов в русской либеральной мысли рубежа XX-начала XXI вв., характеризовавшейся первоначальным стремлением к полной реализации конституционного идеала, последующим принятием его ограниченной конституционно-монархической версии и завершающей (в эмиграции) трансформацией в сторону консервативных устремлений, выраженных в идеях почвенничества, евразийства и апологии плебисцитарного авторитаризма. Насколько далеко может зайти реставрационный тренд на современном этапе и не приведет ли он, в конечном счете, к полному восстановлению автократических стереотипов?

Динамика социальных ожиданий в области конституционализма и конституционного правосудия (артикулированных продвинутой частью общественности) в целом отражает общую логику развития российского политического строя, свидетельствуя о завершении большого постсоветского цикла реставрационной фазой с приняти-

ем поправок 2020 г. Констатация этого факта, однако, допускает возможность различных прогнозов в отношении перспектив российского конституционного правосудия – от его стагнации в существующих формах до жесткого встраивания в новую вертикаль единой системы публичной власти или превращения в полностью контролируемый технический инструмент правовой легитимации политических решений. В то же время, следуя теории конституционной цикличности, можно утверждать, что окончание всякого большого конституционного цикла не означает остановки развития – неизбежно ведет к запуску другого, сопровождающегося, как правило, радикальным пересмотром легитимирующей формулы конституционного строя и политического режима. Российскому Конституционному суду, возможно, предстоит сыграть важную роль в этом процессе, опираясь на исторические традиции русского либерализма.

И.В. Сабенникова¹

**ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
В РУССКОЙ ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ
(К ВЫХОДУ ИНФОРМАЦИОННОГО СПРАВОЧНОГО ИЗДАНИЯ:
АТЛАС ЗАРУБЕЖНОЙ АРХИВНОЙ РОССИКИ. М., 2024)**

Революция 1917 г. и вслед за ней Гражданская война привели не только к краху Российской империи, но и раскололи все русское общество, результатом чего стала массовая политическая эмиграция большей частью в страны Центральной и Восточной Европы, но также на Дальний Восток, в страны Южной Америки и США.

Существование в Русском Зарубежье межвоенного периода широкого спектра различных политических течений, общественных объединений и организаций закономерно, так как было связано с процессом международного транзита значительной части общественных институтов дореволюционной России на новую социальную почву.

Объединительные процессы, через включенность эмигрантов в общественные и политические объединения Русского Зарубежья в период 1920-1939 гг. отличались различной интенсивностью, во

¹ Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела архивоведения Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).

многом определяемой численностью и структурой эмигрантского сообщества той или иной стране. Политические группировки были ориентированы в зависимости от отношения эмигрантов к вопросу о российских революциях и Советской России. В результате, помимо прежних, появились новые политические объединения, группы, союзы и т. п. имеющие схожие цели, но с различными методами борьбы и политическими устремлениями. Общая идея борьбы с большевизмом, надежды на скорый крах советской политической системы, перспективы возвращения на родину привлекали в ряды этих организаций новых членов из лиц, оказавшихся за границей.

Общественные объединения эмиграции также структурировались на основе общности интересов (политика, благотворительность, просвещение и т.п.) и стремления к достижению общих целей. Немаловажную роль в этом процессе играли представители либерального направления. Ими издавались крупнейшие русские эмигрантские газеты: ежедневная газета «Последние новости» под редакцией П.Н. Милюкова, выходила с 1920 по 1940 гг. Другая кадетская газета "Руль" под редакцией В.Д. Набокова, И.В. Гессена и А.И. Каминки, издавалась в Берлине с 1920 по 1931 гг.. Представителями партии конституционных демократов активно велась благотворительная деятельность – одной из наиболее известных благотворительных организаций «Русский очаг» в Праге руководила графиня С.В.Панина. В Париже в 1924 г. была зарегистрирована крупнейшая общественная организация Русского Зарубежья – Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей (Земгор), позже создавший целую сеть своих представительств в большинстве стран расселения российских эмигрантов, наиболее крупное из которых находилось в Праге¹. В сферу деятельности Земгора входило: организация среднего и высшего образования для русских беженцев, оказание им материальной, медицинской, правовой помощи, трудоустройство (Бюро труда). Председателем парижского отделения Земгора был кн. Г.Е. Львов. Другие члены кадетской партии работали, возглавляя различные направления деятельности Комитета. В организации образования для русской эмигрантской молодежи за границей участвовал М.М. Федоров (член партии кадетов с 1906 г., бывший министр торговли и промышленности Российской империи). Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей,

¹ Сабенникова И.В. Сохранение традиций земства в русской эмиграции 1917–1939 гг.: Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. С. 1008-1034.

который он возглавлял, предоставил стипендии 8000 русских студентов, позволив тем получить образование. Для молодого поколения эмигрантов, покинувших Россию в раннем возрасте, или родившимся за рубежом, с целью сохранения их культурной идентичности, в 1939 г. были организованы «Курсы к познанию России».

В воспитании молодого поколения эмиграции в лучших российских правовых и научных традициях, активно участвовали многие представители конституционно-демократической партии. Двумя первыми ректорами Русского Юридического факультета, возникшего в Праге уже в апреле 1922 г., были П.И. Новгородцев и Д.И. Грим. В Русском народном университете, созданном на его базе, так же преподавали представители либерального направления – ведущие профессора российских университетов и не только Московского и Петербургского, но и Харьковского, Ростовского, Киевского: Среди них П.Б. Струве, А.А. Кизеветтер, Н.О. Лосский и др. Во Франции работала Высшая школа социальных, политических и юридических наук, председателем Совета профессоров которой был П.Н. Милюков. Представители кадетской партии преподавали в Русском научном институте в Берлине, в Русском народном университете и Коммерческом институте в Париже, на Юридическом факультете в Харбине, первым деканом которого был также кадет Н.В. Устрялов, а среди преподавателей член конституционно демократической партии профессор Г.К. Гинс.

Российскими учеными-эмигрантами либерального толка были поставлены принципиальные вопросы для решения проблем социальной идентичности русского зарубежья и понимания места эмиграции в истории России. Политическая составляющая была представлена спорами о русской революции, связанными с ними концепциями дальнейшего развития России и идеологиями того времени, а также ретроспективной оценкой важнейших российских политических институтов¹ и событий мировой истории. Значительный вклад в постановку и рассмотрение этих вопросов сделали такие известные русские историки-либералы, как А.А. Кизеветтер, С.А. Коновалов, П.Н. Милюков.

Благодаря ученым-эмигрантам членам конституционно-демократической партии И.М. Гревсу, П.Н. Милюкову, А.А. Кизеветтеру, М.И. Ростовцеву и др., в эмиграции была сохранена преемственность научных школ с дореволюционной Россией, методов исследований и всего того, что составляло российскую научную традицию.

¹ Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М.: РОССПЭН. 2010;.

Одну из главных своих задач историки-эмигранты видели в сохранении документов эпохи – революции, гражданской войны и эмиграции, с целью их дальнейшего изучения последующими поколениями.

Благодаря активной деятельности русских юристов-эмигрантов, придерживавшихся либеральных политических взглядов Б.Э. Нольде, Б.Е. Шацкого, С.Г. Гогеля, русское дореволюционное право признавалось в течение ряда лет в качестве личного статуса беженцев¹, а Лигой Наций впервые был создан единый идентификационный документ для беженцев из России – «нансеновский паспорт», чем отчасти был снят конфликт права и культурной традиции для постреволюционной эмиграции в Европе.

В сохранении документального наследия русской постреволюционной эмиграции, в создании архивов, библиотек, музеев, роль либеральной эмиграции трудно переоценить. Именно эта часть эмигрантского сообщества была инициатором создания Российского заграничного исторического архива (РЗИА) – крупнейшего эмигрантского архива в межвоенной Европе. Среди наиболее активных участников проекта можно назвать проф. Н.И. Астрова, А.А. Кизеветтера, А.Ф. Изюмова, Е.Ф. Шмурло, И.В. Гессена, С.П. Мельгунова, В.А. Маклакова и др. Специфика архива состояла в том, что он принимал на хранение не только документы различных эмигрантских организаций, периодических изданий, книг, но и документы частных лиц, их личные фонды и рукописи, осуществляя необходимую научную экспертизу. Такой подход, в условиях, когда эмигранты, за неимением постоянного места жительства, не имели возможности самостоятельно хранить документы, был очень важен. Позже, уже в послевоенное время в 1951 г. в США, по инициативе также члена кадетской партии, бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне и профессора Инженерной школы Колумбийского университета Б.А. Бахметева, было организовано новое хранилище российских, прежде всего эмигрантских, документов, известного как Бахметевский архив.

В создании архивов и архивных коллекций в эмиграции большая заслуга отдельных собирателей, коллекционеров, историков. В сложной политической обстановки межвоенной Европы они старались сохранить документы той эпохи, свидетелями которой сами были. Здесь можно назвать, помимо Б.И. Николаевского, М.М. Винавера, а также В.Н. Тукалевского, возглавлявшего в 1923 г.

¹ Сабенникова И.В. Российская эмиграция: сравнительно-типологическое исследование. М.-Берлин, 2015.

библиотеку Комитета российских земских и городских деятелей «Земгор» в Праге. В 1924 г. по инициативе Тукалевского при министерстве иностранных дел Чехословакии была учреждена «Русская библиотека», в 1929 г. преобразованная в Славянскую библиотеку в составе Национальной библиотеки Чехословакии¹. Основателем и хранителем архива и галереи Славянского искусства в Праге был бывший главным комиссаром по делам искусств в правительстве генерала А.И. Деникина и профессор Карлова университета Н.Л. Окунева².

Успешным научным и исследовательским проектом эмиграции было создание в Праге в 1925 г. Семинариума им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum), преобразованного в Археологический институт им. Н.П. Кондакова уже в Белграде. Одним из участников семинариума был активный член кадетской партии М.И. Ростовцев.

Сохранение и собирание культурного наследия, в том числе архивов своей эпохи, характеризует именно российскую постреволюционную эмиграцию, и объясняется желанием русского зарубежья осмыслить свое место в мире и, через это понимание преодолеть кризис культурной и национальной идентификации в сложных условиях межвоенной Европы и мира в целом. Эмиграцией создавались общественные и частные архивы, музеи, собравшие в своих фондах уникальные свидетельства жизни «второй России». Именно этому кропотливому труду эмигрантов мы обязаны тем, что располагаем документами для изучения этого исторического периода.

В настоящее время важнейшей составной частью наследия Российского зарубежья являются именно документы, отложившиеся в архивах, библиотеках, музейных и частных коллекциях разных стран. Поскольку российская эмиграция была расселена по различным странам как Европейского, так и других континентов, то важным направлением ее изучения становится реконструкция географической локализации архивов российской эмиграции, позволяю-

¹ Финляндские находки: письма В.Н. Тукалевского, И.В. Шкловского (Дионео) и В.М. Зензинова директору Русской библиотеки Гельсингфорса Л.В. Игельстрому (1924–1927 гг.) / публ. и вступ. статья В.Ю. Черняева // Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2005. Вып. 5. С. 29–39; «Очень хорошо, что Вы стали заниматься собиранием сведений о русских рукописях...» Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича и В.Н. Тукалевского. 1932–1934 гг. / вступ. ст., подг. текста к публ. и коммент. Н.С. Зелова // Отечественные архивы. 2008. № 5. С. 72–93 и др.

² Янчаркова Ю. Коллекция профессора Окунева. Как в межвоенной Праге сохраняли русскую живопись. // Родина. 2006. № 4. С. 93–95; Документы наблюдения за П.Н. Милюковым из Архива префектуры парижской полиции / публ. подг. Д.А. Гутнов // Вопросы истории. 2009. № 10. С. 3–13.

щих судить о ее количественных показателях в различных регионах проживания, выявить профессиональный состав эмигрантов, уровень их социальной и культурной самоорганизации и др.¹.

Наибольшее число документов эмиграции находятся в хранилищах стран Европы, что объясняется местом основного проживания русских беженцев, и Северной Америки, благодаря миграции документов во время и после Второй мировой войны. В других регионах мира объем эмигрантских документов хотя и существенно ниже, но ничуть не менее важен для науки, тем более, что многие из этих документов все еще не изучены.

По месту хранения документов зарубежной архивной россики, их можно подразделить на:

- государственные архивы (например, Национальный архив США, Вашингтон; Первый и Второй исторические архивы Китая; Федеральный архив Германии) и т. д.;
- архивные фонды университетов, музеев, библиотек (например, Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса (Великобритания); Библиотека Университета Квинсленда (Брисбен, Австралия); Королевский музей армии и военной истории Бельгии (Брюссель) и др.);
- архивы религиозных организаций (наиболее известный Архив Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль, США);
- архивы научных, общественных организаций (например, Толстовский фонд в Вэлли Коттедж (США) и т.д.;
- архивы и музеи, созданные российскими эмигрантами (наиболее значительный Музей русской культуры в Сан-Франциско (США)) и др.;
- личные архивы эмигрантов и их потомков: Личное собрание А. Копршиовой-Вуколовой (Чехия); Личное собрание А. Б. Арсеньева (Сербия) и др.;
- собрания документов различных научных фондов (например, Фонд Дж. Фельтринелли в Италии) и др.

Знание географии размещения зарубежной архивной россики и современного местонахождения документов дает возможность ввести эти ценные источники в научный оборот с целью воссоздания объективной картины такой сложной исторической эпохи, как первая половина XX в.

¹ «Мой знак пред жизнью – вереск гор...»: русская эмиграция в архивах Швейцарии / сост.: Е. Л. Кудрявцева, Г. Риггенбах. М.: Элит-Клуб, 2003. 583 с.; Sabennikova I.V. *Diasporas of Russian Emigration: Typology and Legal Status* // *Russian Studies Hungary*. 2023. Vol. 5. №. 1. P. 95–112 и др.

Сохраняющийся интерес к истории русского зарубежья в целом и постреволюционной эмиграции в особенности, а также накопленный значительный массив информации по данной проблематике (прежде всего, о местах хранения документов), сделали возможным создание различных справочных изданий и указателей.

Научно-практическое издание «Атлас зарубежной архивной россики» подготовлен нами в издательстве Директ-Медиа. В нем рассмотрены вопросы, связанные с процессом формирования Русского зарубежья, накопления и размещения его документального наследия, последующего возвращения части этого наследия в Россию. Отдельная статья посвящена изучению основных тенденций в исследованиях документального наследия Русского зарубежья в различных странах¹.

Особое внимание в данном издании уделено местам современного хранения документов зарубежной архивной россики. Для данного издания были использованы материалы по ряду стран Европы и Северной Америки, Австралии, Китаю.

Структура справочника состоит из: трех обзорных статей; сведений о наличии материалов россики в зарубежных архивах, библиотеках и музеях таких стран как Австралия, Белоруссия, Бельгия,

¹ В преддверии подготовки справочника коллективом был выпущен ряд работ, материалы которых будут использованы при его создании: Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь: Золотая буква, 2002. 429 с. (Изд. 2-е. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 551 с.); Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная россика: география размещения, выявление, публикация источников. — М.: Новый хронограф, 2014. — 403 с.; Гентшке В.Л., Сабенникова И. В., Ловцов А. С. Источники по русскому зарубежью. Аннотированный указатель публикаций из отечественных журналов и продолжающихся изданий. 2005–2008 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 1 (109). С. 193–210; Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Архивные материки Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 427 с.; Ловцов А.С. Документы коллекции из архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США, Калифорния) - ценный источник по отечественной истории первой половины XX века // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 312–319; Гентшке В.Л., Сабенникова И.В. Документы российских историков-эмигрантов в архивах Великобритании и США // Исторический архив. 2016. № 6. С. 28–46; Сабенникова И. В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 408 с.; Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А. С. Русское зарубежье: материалы к библиографическому указателю = Russian Diaspora: Materials to Bibliographic Index / Gentshke V.L., Sabennikova I.V., Lovtsov A.S. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 434 с.; Гентшке В.Л., Сабенникова И.В., Ловцов А.С. Исследователи Русского зарубежья: Биобиблиографический словарь = The Researchers of Russian Diaspora: Biobibliographical Reference Book. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2018. 396 с.; 2020. Вып. 2. 463 с.; 2022. Вып. 3. 392 с. и др.

Болгария, Ватикан, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Канада, Китай, Нидерланды, Польша, Сербия, Словения, США, Франция, Хорватия, Чехия, Швейцария и Швеция. В справочник включена информация о деятельности ряда современных российских исследовательских центров, занимающихся данной проблематикой. Отдельный раздел посвящен возврату документов (как в оригиналах, так и копийных) в российские архивы и рукописные отделы библиотек, музеев. Справочник также содержит информацию о некоторых электронных (виртуальных) архивах; о каталогах, путеводителях на русском и иностранных языках (печатных и виртуальных) по различным архивам.

Документальное наследие российской эмиграции чрезвычайно велико, оно расплывлено по частным и семейным архивам, архивным коллекциям библиотек, ведомств и учреждений, с которыми контактировала эмиграция и другим архивохранилищам. Информационно-справочное издание «Атлас зарубежной архивной россики» это существенный шаг к тому, чтобы сделать разрозненное на настоящий момент документальное наследие единым информационным ресурсом для изучения такого сложного и многоаспектного явления, какое представляет собой русская эмиграция и Русское Зарубежье в целом¹.

А.А. Сорокин²

ВОПРОС ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОРЯДКА ВЫБОРОВ В ЗЕМСКИЕ УПРАВЫ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

К началу XX в. вопрос о дальнейших изменениях земской избирательной системы являлся одним из самых обсуждаемых. Те или иные правки в Положение о земских учреждениях предлагали вносить как земства (путем направления соответствующих ходатайств), так и периодическая печать, в которой было опубликовано

² Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

немало критических статей о несовершенстве норм Положения¹. Большая часть ходатайств и критических замечаний в основном была связана с пересмотром размеров имущественного ценза, количества подлежащих избранию гласных, сословного порядка выборов и порядка избрания гласных от крестьян. Отдельные аспекты этих дискуссий нашли свое отражение в историографии.

Однако в конце XIX в. встал еще один вопрос: о возможной синхронизации сроков выборов в органы городского и земского самоуправления. В связи с этим 4 августа 1899 г. министерство внутренних дел предложило на обсуждение губернских начальств и местных учреждений вопрос об изменении Положения о земских учреждениях в отношении продления срока службы земских гласных, а также председателей и членов земских управ до четырех лет и не одновременной замены членов управ вновь избранными по окончании выборного срока службы лицами, а периодической их перемены².

Согласно подготовленной в 1902 г. по этому делу справке, направленной директору Хозяйственного департамента министерства, ответы на запрос доставили 28 губернаторов. Также были получены отзывы 16 губернских и 116 уездных собраний. Из 34 губернаторов нижегородский не выразил своего мнения; бессарабский, вятский, саратовский, таврический и черниговский не ответили вовсе. Часть губернаторов сообщила только личное мнение, 16 губернаторов представили также мнение губернских собраний, а 11 передавали вопросы на обсуждение уездных земских собраний. Большинство губернаторов высказались за увеличение сроков полномочий гласных и службы состава управ (19 за продление, 9 за сохранение существующего порядка). Такая же позиция была и уездных собраний (73 против 43). Губернские собрания же в основном высказались за сохранение существующего порядка (11 против 5)³.

Доводы сторонников более долгого срока службы сводились к следующим положениям. Во-первых, утверждалось, что более про-

¹ См.: Сорокин А.А. Дискуссии о городском представительстве в земской избирательной системе в начале XX в. (на примере Нижегородской губернии) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 5. С. 48–54; Сорокин А.А. Земское избирательное законодательство на рубеже XIX–XX в. в оценках журнала «Вестник Европы» // Российский либерализм в системе политических партий России в начале XX в.: материалы Международной научной конференции. 6–7 октября 2023 г., г. Орел / Под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Д.В. Аронова. Орел, 2023. С. 86–92.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 607. Л. 69.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 764об.–765об.

должительный срок даст возможность новоизбранным гласным лучше ознакомиться с земским хозяйством. Во-вторых, считалось, что новоизбранный состав управы, изучив в первый год земское хозяйство, может спокойнее и авторитетнее вести его большее время, не заботясь о скорой баллотировке. В-третьих, отмечалось, что выборы через больший срок будут реже отвлекать население на выборную агитацию и будут способствовать среди него большему спокойствию¹.

В свою очередь, сторонники сохранения трехлетнего срока сформулировали пять основных тезисов, исходя из которых, не следовало менять установленный порядок. Во-первых, население с самого введения земского самоуправления привыкло к трехлетнему сроку, который к тому же совпадал и со сроком дворянских выборов. Во-вторых, на практике этот срок не показал никаких неудобств, потому что иначе при пересмотре земского Положения в 1890 г. на это было бы обращено внимание. В-третьих, и без того с каждым годом выборного трехлетия по разным причинам из земства выбывала часть гласных, и с установлением четырехлетнего срока в последний год число гласных от дворян стало бы незначительным. В полном комплекте сохранили бы присутствие только гласные от крестьян, всегда имеющие достаточное число кандидатов. В-четвертых, трехлетний срок давал возможность более частому притоку новых деятелей, что было в интересах земского дела, а также более скорому устранению из земства тех лиц, которые своим недобросовестным отношением не оправдали доверия. В-пятых, на земских выборах традиционно высокий процент лиц, избирающихся на новый срок, вследствие чего не может быть опасения незнакомства собрания с земским делом даже в первый год после избрания².

Что касается вопроса о одновременной перемене состава членов земских управ, то здесь голоса уездных собраний разделились почти поровну, но губернские земства в подавляющем большинстве своем были против возможного нововведения (за новую норму высказались лишь Владимирское, Вологодское, Костромское и Симбирское губернские земские собрания). Из губернаторов 17 подали мнение за частичную замену и 11 – за одновременное избрание состава управы³.

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 765об.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 765об.–766об.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 767.

В пользу частичной замены членов управы были приведены лишь три довода. Первый из них сводился к тому, что в случае единовременного избрания всего состава управы из новых лиц возникает застой в земском хозяйстве на все то время, которое потребуется для его изучения. Второй довод был тесно связан с первым: незнакомство с земским делом приводило к зависимости неопытного состава от канцелярии управы. Согласно третьему доводу, при частичной замене в составе управы всегда имелось бы лицо, знакомое с земским делом и способное руководить на первое время деятельностью новых товарищей¹.

Сторонники сохранения прежнего порядка сформулировали куда больше доводов. Во-первых, согласно их точке зрения, управа, являясь исполнительным органом собрания, должна быть облечена его доверием, что не всегда возможно, если часть управы будет пользоваться своими правами по уполномочию прежнего состава гласных. Во-вторых, на практике могло случиться, что членами управы по прежнему избранию окажутся лица, забаллотированные в гласные на новых выборах. В-третьих, для успешной деятельности управы необходим согласованный состав, что осуществимо только при одновременном избрании всего состава. При частичной замене вновь избранные лица стали бы находиться в противоречии с прежде избранными и в деятельности управы не оказалось бы требуемого единства. В-четвертых, председатели и члены управ часто служат несколько выборных сроков, но возобновление полномочий этих лиц именно новым составом земского собрания придает им соответствующий авторитет. В-пятых, опасение, что в составе управы окажутся сплошь неопытные люди, расценивалось как несущественное, поскольку большинство гласных избиралось бессменно, многие из них постоянно участвовали в разных комиссиях и таким образом близко знакомились с земским хозяйством, вследствие чего в каждом собрании нет недостатка подготовленных кандидатов на выборные должности в управе. В-шестых, в деятельности земской управы ключевое место отводилось председателю, который, в связи с этим, «порученное ему дело может вести лишь при одновременном с ним избрании его помощников». В-седьмых, отмечалось, что личный состав земских гласных выгодно отличался от городских, гласных вследствие чего ознакомление с ведением дела для первых, при избрании их в управу, происходило

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 767–767об.

гораздо легче, чем у вторых, тем более, что хозяйство земское менее сложное, чем городское¹.

Анализируя эти оценки, чиновники Хозяйственного департамента также указывали, что «нередко случается вполне сознательное избрание гласными в члены земских управ лиц, заведомо уклоняющихся от всякой активной работы». В связи с этим делался вывод, что при частичной замене состава управы эти лица при совершенно новых, других деятелях, очевидно, не смогут быть не только «учителями и руководителями», но и даже полезными советниками². Также было решено наибольшее значение придать отзывам губернских земствам, так как из 359 уездных земств в пользу 4-х летнего срока полномочий высказались лишь 73, т.е. пятая часть³.

В связи с этим в справке товарищу министра внутренних дел Н.А. Зиновьеву департамент полагал разрешить рассматриваемый вопрос об изменении в отрицательном смысле. Зиновьев, получив справку, наложил резолюцию: «иметь ввиду при пересмотре Положения, если такое будет»⁴.

Вместе с тем эта дискуссия имела продолжение и впоследствии, при обсуждении возможных направлений пересмотра Положения о земских учреждениях. Так, профессор С.А. Егiazаров на страницах издаваемого П.А. Крушеваном «Друга» констатировал: «Покуда в нашем самоуправлении будут существовать старые принципы, у нас, как и во многих, даже демократических государствах, где не приняты более новые формы представительства и порядок частичного обновления дум или управ, тирания большинства, со всеми его последствиями, останется неизбежным общественным злом»⁵.

Он исходил из того, что количественное большинство качественно уступает меньшинству, однако российская система земских выборов именно большинству вверяет всю власть, которая выражается и в захвате всех ключевых должностей в управе. В связи с этим он выступал за введение пропорционального представительства и не за одномоментную смену членов земских управ, а за их постепенную ротацию. Такая позиция продиктовывалась двумя обстоятельствами. Во-первых, под влиянием партийных интересов состав управ нередко обновлялся полностью, что, по его мнению, пагубно отражалось на интересах местного самоуправления. Во-

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 767об.–768об.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 768об.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 25. Д. 2643. Л. 766об.

⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 607. Л. 69–69об.

⁵ Друг. 1905. 20 мая.

вторых, он считал, что требуемая от членов исполнительных органов опытность приобретается лишь практикой, поэтому «ошибочно и даже преступно изгонять из советов тех общественных деятелей, которые имеют известное безупречное служебное прошлое и обладают громадным опытом». В этом отношении он видел идеал в англо-американской системе, когда производится каждые два года ротация 1/3 от состава коллегиальных институтов, в результате чего в них всегда сохраняется тот состав лиц, который уже хорошо знает особенности делопроизводства, местных условий и принятых планов, а вновь избранные лица приносят «новый дух»¹.

Таким образом, к началу XX в. в пространстве общественно-политических дискуссий о концепции реформы земского самоуправления был поставлен новый вопрос, о порядке формирования исполнительных органов земского самоуправления. Не являясь первым по значимым в числе других подобных вопросов (о размерах ценза, принципах организации выборов и т.д.), он, тем не менее, стал важным индикатором того, что в изменениях избирательной системы нуждались все институты земства, как распорядительные, так и исполнительные.

Вострикова В.В.²

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА В ЛИБЕРАЛЬНОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в.

Проблема «общество–личность» является одним из «вечных» вопросов философской и общественно-политической мысли. Ее непреходящий характер обусловлен как политико-практической значимостью, так и стремлением личности и человечества к самопознанию. Свой вклад в осмысление данной проблемы внесли представители российского либерализма рубежа XIX–XX вв. Их позиция получила определенное освещение в отечественной историографии³, однако предметом специального исследования не ста-

¹ Друг. 1905. 20 мая.

² Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

³ См., например, Аронов Д.В. Государство–личность–общество в теоретическом наследии российского либерализма // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 31–37.

ла. В настоящей статье ставится задача восполнить данный историографический пробел.

Необходимость постановки вопроса о взаимоотношениях личности и общества была для либералов очевидна, поскольку общество рассматривалось ими как совокупность индивидов, объединенных единством интересов¹.

Обращаясь к теоретическому наследию по проблеме «личность-общество», идеологи либерализма констатировали наличие двух диаметрально противоположных подходов. Согласно одному из них, приоритет отдавался личности, которая объявлялась самоцелью, а общество рассматривалось как простое средство для личности, предназначенное служить ее интересам². Наиболее полное отражение такой подход получил в механической теории общества, признававшей общество искусственным произведением сознательной воли людей, согласившихся объединиться ради лучшего обеспечения свободы и порядка. Природа общества всецело определялась природой отдельных людей, а поскольку последняя признавалась разумной, то и в обществе должны были царить разумные порядки. Однако, указывал Б.А. Кистяковский, различные исторические события и, прежде всего, Великая французская революция, продемонстрировали ограниченность данного подхода, доказали самобытную природу общества и стихийный характер всякой общественной жизни. «Стало совершенно ясно, – писал либерал, – что общество представляет из себя нечто особенное, отнюдь не совпадающее с простой арифметической суммой составляющих его индивидуумов, и что его жизнь и развитие управляются не благими пожеланиями его членов, а своими собственными самостоятельными законами»³. Это привело к перевороту в области философско-правовых идей в XIX в., нашедшему отражение в органической теории общества. Теперь личность стала считаться «подчиненною частью общественного организма, всецело им определяющеюся, являющеюся его произведением, служащею его целям»⁴. Положение о примате общества над личностью, указывал Б.А. Кистяковский, легло в основу социоцентрической системы идей, получивших наиболее яркое воплощение в «марксизме, согласно которому вся жизнь человека определяется с естественной необходимостью социальными условиями, движущимися и развивающимися лишь по

¹ Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908. С. 21.

² Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 512.

³ Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 290.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 276.

закону причинности. Даже сознательные стремления, по этому учению, представляют из себя только отражение назревающих новых социальных условий, а потому и социальный идеал должен в конце концов осуществиться в силу социальной необходимости»¹.

Либеральные мыслители одинаково критично оценивали крайности индивидуалистических и социоцентрических теорий, видя решение проблемы в преодолении одностороннего подхода, ибо, как отмечал Б.А. Кистяковский, «в подлинно научной теории социального процесса ни социальное, ни индивидуальное начало не может играть роли вполне самодовлеющего и безусловно господствующего принципа»². П.И. Новгородцев, обосновывая эту мысль, писал: «Абсолютный индивидуализм, провозглашающий личное сознание началом и концом нравственных стремлений, на самом деле обезличивает и опустошает личность, уединяет ее в безграничности субъективного произвола», превращает в отвлеченную и замкнутую в себе субстанцию и лишает всякой опоры в окружающем мире»³. Одновременно и идея о превращении «человека в такое существо, которое дышит только воздухом общественности», есть «утопическая мечта, лежащая за гранью человеческой истории»⁴. Очевидная односторонность абсолютного индивидуализма и абсолютного коллективизма, отмечал либерал, «сама собою требует примиряющей точки зрения, и одно противопоставление их наводит на мысль, что истины следует искать не в этих крайностях, а в некотором высшем объединяющем взгляде»⁵. Как указывал Г.Ф. Шершеневич, «в установлении равновесия между обществом и составляющими его индивидами заключается основная общественная задача»⁶.

Для ее разрешения либералы считали необходимым учитывать два разнонаправленных процесса: с одной стороны, потребность индивида в обществе и, как следствие, влияние общества на индивида, и, с другой, стремление каждого к сохранению индивидуальности, и, как следствие, воздействие индивида на общество.

Как указывал П.И. Новгородцев, человеку по самой природе его присуще стремление жить в сообществе людей, «человек есть су-

¹ Кистяковский Б.А. Государственное право: общее и русское. М., 1908. С. 292.

² Там же. С. 297.

³ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 105.

⁴ Новгородцев П.И. Идеалы партии Народной Свободы и социализм // Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 291.

⁵ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 140.

⁶ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. М., 1910. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

щество общежительное и не может жить без общения с другими... Вне общественных связей личность... не может развиваться: она погаснет и замрет»¹. «Мы не можем себе представить человека живущим вне общества, – писал М.М. Ковалевский. – Одиноким Робинзон – продукт фантазии, а не действительное изображение первобытной жизни»². Сближаясь с другими, личность получает мощную поддержку своих стремлений, находит новое проявление, неведомое по личному обособленному опыту.

Однако, живя в обществе, индивид подвергается воздействию с его стороны. Под влиянием общественной среды, указывал Г.Ф. Шершеневич, складываются «ум, чувства и даже воля индивида». «Как бы ни возвышался индивид над средним уровнем, все же в его идеях больше воспринятых предрассудков, чем самостоятельно проведенных рассуждений, – пояснял либерал. – И даже там, где его мысль является новой, она воздвигается на целом ряде мыслей, высказанных другими индивидами и обуславливающих с необходимостью ее рождение и доступность». Например, для движения в XIX в. теории происхождения видов Ч. Дарвиным, согласно Г.Ф. Шершеневичу, «необходимы были общественные предположения: во-первых, воспитание ума в атмосфере свободного исследования; во-вторых, успехи естествознания, на которые гипотеза опирается; в-третьих, зародыши гипотезы в виде идей, высказанных рядом предшествующих мыслителей», поэтому рассматриваемая теория не могла появиться в XIV или в XVII в., когда мысль великого натурфилософа не могла бы испытать эти общественные влияния³.

Прослеживая воздействие социокультурной среды на чувства индивида, либерал писал: «С момента появления на свет индивид испытывает культивирующее его чувство воздействие семьи, к которому уже рано начинает присоединяться сначала случайное, потом все усиливающееся воздействие общественности, находящейся за пределами семьи. И, наконец, человек вступает в широкую общественную среду, где его чувства подвергаются решительной культурной и гражданской отделке»⁴.

Несколько труднее, по мнению Г.Ф. Шершеневича, установить влияние общественной среды на волю индивида. Это воздействие очевидно в некоторые, как правило, критические моменты, напри-

¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 147, 201.

² Ковалевский М.М. Общее конституционное право. СПб, 1908. С. 104.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

⁴ Там же.

мер, «при панике самые сильные поражаются безотчетным страхом; в толпе, наступающей и грозящей, даже трусы поднимаются на высоту безумной храбрости»¹. Но влияние общественных условий на волю индивида является постоянным, хотя и малозаметным. «Никто не сомневается, что волю ребенка можно развить, вызывая в нем самодеятельность, и напротив, можно убить ее, приучая к пассивному повиновению. То, что испытывает ребенок в семье, взрослый испытывает в общественной среде»². Таким образом, заключал либерал, индивид есть продукт общественной среды.

Но почему тогда личности, принадлежащие к одной общественной группе, не одинаковы, и каждая из них сохраняет индивидуальность? Несходство индивидов в данном случае либералы объясняли множественностью общественных влияний. «Личность... хотя и есть продукт общества, – писал Н.М. Коркунов, – но не одного какого-нибудь, а совместно многих обществ», так что «в отношении почти каждой является своя особая комбинация таких общественных влияний»³. Аналогично рассуждал Г.Ф. Шершеневич. «Чем разнообразнее общественные условия, – утверждал он, – чем многочисленнее влияния, чем своеобразнее их сочетания, – тем менее должен походить один индивид на другого. Крестьяне, вырастающие в весьма однообразных условиях, чрезвычайно сходны между собой и сильно отличны от крестьян других народностей, воспитывавшихся также в однообразных условиях. Национальный тип упорнее всего сохраняется в крестьянской среде. Наоборот, коммерсант, подвергающийся по условиям своей профессии воздействию многообразных и различных влияний, менее всего сохраняет национальные черты и проявляет сильнейшие тенденции к выходу за пределы коллективного типа»⁴.

Причем, указывал Г.Ф. Шершеневич, по мере прогресса общества дифференциация индивидов усиливается во многом вследствие увеличения количества общественных союзов, к которым одновременно может принадлежать личность. В данном случае российский либерал солидаризировался с мнением Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля.

Другим фактором, стимулирующим личностные различия, либеральные теоретики считали возрастание самосознания личности, ее стремления сохранить индивидуальность.

¹ Там же.

² Там же.

³ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 276.

⁴ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

Желание личности быть самой собой мыслители рассматривали как имманентно присущее ей качество. Не одними общественными «связями образуется личность: независимо от них в себе самом каждый человек носит своеобразные задатки и особенные возможности», являясь особой «духовной монадой», писал, в частности, П.И. Новгородцев¹. По Н.М. Коркунову, личность есть самобытное начало, которое не растворяется в обществе, а сохраняет «свою самостоятельность, свои особые цели, не сливающиеся с общественными и не подчиняемые им»². «Всякий человек, как личность, имеет свои личные интересы, и как бы ни приспособлялся он к общественной среде, но индивидуальность его никогда окончательно не сотрется», – настаивал Г.Ф. Шершеневич³. Отсюда личность «всегда оказывает в отношении к данному общественному порядку некоторое трение, стремится всегда несколько его изменить и в силу этого служит источником жизни и является прогрессивным фактором общественной жизни»⁴. Причем, «чем выше степень сознательности человека, чем богаче его психическая натура», отмечал Г.Ф. Шершеневич, «тем энергичнее отстаивает он свою самостоятельность» и, более того, стремится оказывать влияние на общество сообразно своим целям⁵.

Либералы отмечали не одинаковую степень воздействия индивидов на общество, выделяя выдающиеся личности, играющие значительную роль в истории. Если бы война 1812 г., указывал Г.Ф. Шершеневич, «не была согласна с желаниями одного индивида, называемого Наполеоном, то ее не было бы, но если бы от войны уклонился тот или иной солдат, то это обстоятельство не имело бы такого последствия»⁶. «Великий человек вбирает, впитывает в себя рассеянные кругом него, едва заметные, а иногда и вовсе незаметные для слабого глаза, стремления, желания, искания, представляет их в форме ясной идеи или яркого образа и свет их рассеивает от себя на широкие пространства», – писал либерал⁷. Он был согласен со сравнением Л. Гумпловича, уподобившего выдающуюся личность призме, которая, восприняв извне лучи, преломив

¹ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 201.

² Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 276.

³ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

⁴ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 276.

⁵ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

их по определенным законам, отражает их «в известном направлении с известной окраской». Вместе с тем, Г.Ф. Шершеневич не разделял взгляды Л. Гумпловича и Л. Толстого, видевших в великих личностях простых марионеток, приводимых в движение окружающей общественной средой. «Из того, что индивид создается средой, нельзя сделать вывода, что его действия должны рассматриваться как действия той же среды», – утверждал либерал, образно иллюстрируя свою мысль: «В силу массы мелких причин произошел обвал горы, запрудившей реку: никто не скажет, что река изменила течение вследствие ветров, подземных ручейков, дождей, подготавливавших обвал в течение долгого времени. Всякий признает, что реку запрудил обвалившаяся гора»¹. Общественная среда, выявив индивида, в котором сосредоточились особенно благоприятно общественные влияния, поддерживает его энергию, направляя ее в определенное русло, но само действие, в конечном итоге, исходит от индивида.

Учитывая индивидуалистические и коллективистские устремления личности, либералы предложили свою модель взаимоотношений «личность-общество». По мнению большинства из них, необходимо было «одинаково остерегаться как обособления личности и общества и возведения их на степень самобытных и самодовлеющих начал, так и сближения их в неразличимом единстве»².

Живя в обществе, указывал П.И. Новгородцев, личность обязана, притязая на безусловное нравственное значение, признавать в других лицах такую же безусловную ценность, что ставит естественную границу ее индивидуалистическим устремлениям. Свобода самоопределения личности, подчеркивал М.М. Ковалевский, не должна мешать свободе самоопределения других, а, значит, между правами и обязанностями личности существует тесная связь³.

Именно как субстанция, состоящая из лиц, связанных между собой единством нравственного идеала, отмечал П.И. Новгородцев, общество имеет право требовать от личности подчинения. Вместе с тем, подчеркивал Г.Ф. Шершеневич, надо всегда помнить, что «реально существует только индивид, и что общежитие является только формой индивидуального существования», следовательно, «общественная организация только тогда может удовлетворять своему назначению, когда она отвечает за-

¹ Там же.

² Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 197.

³ Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 104.

просам и целям индивидов, составляющих общество»¹. «В обществе отдельные люди и есть цель и смысл существования общественного соединения»². Отсюда вывод либеральных идеологов о производном и обусловленном характере общества и первичности и безусловности личности. «Входя в общественный союз..., – писал П.И. Новгородцев, – личность не утрачивает своего безусловного значения. Общество не может стать для нее высшей целью, которой она должна быть нравственно подвластна в качестве простого средства»³.

Такой подход обусловил неприятие неолибералами марксистского коллективизма. «Счастье и свобода обещаются человеку тогда, когда он отречется от себя и сольется с обществом, когда он отождествит свою силу с силой политической! Совет старый, известный со времен Платона, но вся беда в том, что человек хочет счастья и свободы не только для общества, но и для себя», – писал П.И. Новгородцев⁴. Не отрицая, что личность может находить счастье в служении обществу, либерал подчеркивал, что это никоим образом не может заглушить в ней более глубокого стремления – следовать голосу своей совести, зову своей души. «Какое общество, хотя бы и самое совершенное, – восклицал П.И. Новгородцев, – заменит человеку величайшее духовное благо – быть самим собою?»⁵ А И.В. Гессен указывал, что даже с радостью и восторгом приносимые во имя коллектива жертвы со временем оборачиваются разочарованием, ибо «чем больше и полнее развивается коллектив, тем он становится требовательнее и неумолимее», что не может не вызывать протеста индивида⁶.

И.В. Гессен вообще сутью взаимоотношений «общество-личность» видел непрерывную и бесплодную борьбу. Личность, живя в обществе, утверждал либерал, всегда вынуждена поступаться своими интересами, сообразовываться с потребностями и интересами других. Но каждая уступка отдельного человека в пользу человечества способствует складыванию Левиафана, перед которым личность превращается в ничто.

¹ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

² Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. С. 17.

³ Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 103.

⁴ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М., 1996. С. 180.

⁵ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. С. 150.

⁶ Гессен И.В. Искания общественного идеала. Пг., 1918. С. 18.

Большинство либеральных мыслителей старались избежать непримиримого противопоставления личности и общества, одновременно указывая на невозможность установления абсолютной гармонии между ними. «Общество и индивид стоят друг перед другом, как два исконных и высших начала, одновременно дружественных и враждебных», – писал Г.Ф. Шершеневич¹. По замечанию П.И. Новгородцева, личность и среда – относительные, изменяющиеся и развивающиеся феномены, претерпевающие трансформацию, отнюдь не гарантирующую их гармонии. Общество по своей природе конфликтно, ибо иницирует множественность социальных статусов и, в соответствии с ними, обязанностей личности, на почве которого и возникают конфликты человека и общества. Одни из них разрешаются путем компромисса, другие нет. Однако разрешение одних конфликтов порождает новые, отсюда вывод либерала: «Никакие сочетания и примирения не могут создать прочного равновесия и устранить антиномию личного и общественного начал»². Максимум возможного – разумное сочетание интересов общества и личности на основе соблюдения личных прав и свобод.

В перспективе либеральные идеологи усматривали две противоречивые тенденции: с одной стороны, усиление общественной зависимости индивида вследствие углубления разделения труда, а, с другой, рост индивидуального сопротивления общественной среде, обусловленный развитием гражданского общества. Множественность общественных объединений в рамках последнего являлась своеобразной защитой индивида от доминирующего влияния каждого из них. «Влиянию каждого из этих обществ, – писал по этому поводу Н.М. Коркунов, – личность противопоставляет свою зависимость от ряда других обществ, и в этой одновременной зависимости от нескольких обществ она нередко находит противовес исключительному влиянию на нее каждого из них в отдельности. Ни государство, ни церковь, ни национальность, ни данный общественный класс, ни община, ни семья не могут всецело подчинить себе личность именно потому, что к такому подчинению стремятся все они совместно»³.

Подводя итог, можно утверждать, что проблема «общество-личность» имела для российских либералов начала XX в. важное

¹ Шершеневич Г.Ф. Указ.соч. [Электронный ресурс] // URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=243>.

² Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 53.

³ Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 276.

значение, поскольку свобода личности составляла одну из системообразующих идей либеральной идеологии. Личность признавалась базовой ценностью, а общество средством, призванным способствовать формированию оптимальных условий для свободного и всестороннего ее развития. Как отмечал Б.А. Кистяковский, личность является основным элементом всякого общественного объединения, основополагающим условием его существования, ибо общество только и существует в единичных личностях, помимо личностей и связи между ними общества нет¹.

Рассматривая проблему влияния общества на личность, мыслители фактически вели речь о процессе социализации личности и факторах, его обуславливающих. В ходе анализа обратного процесса был поставлен вопрос о роли личности в историческом развитии, разрешенный признанием личности в качестве одной из движущих сил последнего. Данная мысль получила дальнейшее развитие в эмигрантский период деятельности неолибералов в плане постановки проблемы о соотношении героев и толпы².

Несмотря на достаточную разработанность проблемы взаимодействия личности и общества в российской либеральной мысли, следует отметить, что идеи отечественных ученых по данной проблематике не отличались оригинальностью, что объясняется сильным влиянием на либералов западной, прежде всего, европейской науки. Теоретические установки идеологов нового либерализма по проблеме «общество-личность» легли в основу либеральной модели переустройства России, разработанной в начале XX в.

¹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 8.

² Об этом подробнее: Вострикова В.В. Трактровка демократии в российской либеральной мысли начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История». 2009. Вып. 2. С. 160-169.

ВМЕСТЕ С ЛИБЕРАЛАМИ: «СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ» КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАРТ УМЕРЕННОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА

Умеренных, или эволюционных, неонародников, осенью 1906 г. создавших Народно-социалистическую партию, в советской историографии иногда называли «либеральными народниками». С «технической» точки зрения содержания политических идеологий эта аттестация выглядит неправомерной, поскольку классический либерализм и социализм, стремление к которому лежало в основе программы правых неонародников, – идеологии, казалось бы, несовместимые. Они разнятся и в вопросе о примате частной собственности и свободной конкуренции, и относительно роли и места государства в обществе будущего, и во взглядах на решение аграрной проблемы и т.п. Тем не менее, ассоциация правого народничества с либералами не является совсем безосновательной, прежде всего из-за общности у них политического старта в организации «Союз освобождения» (1903-1905).

Процесс объединения сторонников демократизации государственного строя, как известно, начался с появления бесцензурного печатного органа – журнала «Освобождение», выпускавшегося с 1902 года за границей под редакцией П.Б. Струве, массово пересылавшегося в Россию и распространявшегося там нелегально. По словам В.В. Водовозова, каждый экземпляр этого журнала, попадая в Россию, «зачитывался даже не до дыр, а до полнейшего уничтожения»². «Освобождение», подобно некогда герценовскому «Колоколу» (такое сравнение неспроста приходило в голову авторам и читателям издания), оказало огромное влияние на умы и настроения прогрессивной публики, став серьезным фактором приближения эпохи радикальных перемен в обществе и государстве³.

¹ Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Тамбовского государственного технического университета.

² Водовозов В.В. Жажду бури... Воспоминания, дневники. В. 2 т. Т. I. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 356.

³ Российское агентство правовой и судебной информации. Союз освобождения: общество к революции готово. История выборов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rapsinews.ru/legislation_publication/20180525/282783990.html (дата обращения 12.10.2024).

«Союз освобождения» стал детищем инициативной группы редакции и ряда авторов журнала «Освобождение». Из будущих умеренных народников среди них были Н.Ф. Анненский (впоследствии – один из главных организаторов НСП), В.В. Водовозов (в 1906 г. он примкнул к трудовикам, а в 1917 г. вошел в состав объединенной Трудовой народно-социалистической партии), беспартийный, но сочувствовавший народным социалистам В.Г. Короленко. На учредительном съезде новой организации, проходившем 3-5 января 1904 г. в Петербурге, было принято решение о ее форме и названии («Союз освобождения») и избран руководящий орган – Совет. Председателем был избран известный земский деятель И.И. Петрункевич, а его заместителем – Н.Ф. Анненский. Помимо Анненского, в состав Совета вошел еще один будущий лидер умеренного неонародничества – экономист, публицист, общественный деятель А.В. Пешехонов. В заседаниях съезда приняли участие и их будущие соратники по народно-социалистической партии В.И. Чарнолуцкий, В.В. Хижняков, Л.И. Лутугин¹. Все они придерживались мнения, что союз эволюционного социализма с либерализмом в российских условиях естественен, потому что между ними нет принципиальной противоположности: оба идут в одном направлении «и только доходят до разных точек»². Действительно, основные требования «Союза освобождения», зафиксированные в его программе, не могла не поддержать ни одна из оппозиционных власти политических сил России. Среди них – необходимость созыва учредительного собрания для выработки русской конституции³. Непосредственной целью своей деятельности «Союз» объявлял коренное преобразование государственного строя России на началах свободы и демократизма, для осуществления которых требовалось признание в основном государственном законе прав человека и гражданина. Личность, ее права и свободы – как известно, первостепенная ценность для любого либерала, и в этом отношении умеренные народники были абсолютно согласны с либералами, добавляя, что мыслят бытие суверенной личности в будущем не иначе как в обществе и в процессе созидательного труда. Общее согласие также вызывали тезисы относительно крайне негативного влияния политической несвободы на хозяйственную жизнь страны, системы «внешних захватов» (иностранного присутствия в экономике и

¹ Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М.: РОССПЭН, 2004. С. 30.

² Цит. по: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.: МГУ, 1979. С. 49.

³ Либеральное движение в России. 1902 –1905 гг. М.: РОССПЭН, 1998. С. 158.

внешних займов), с бесконтрольным ростом которых должны будут бороться народные представители. И, конечно же, для каждого народника было несомненно, что «политическое освобождение России должно быть... и довершением дела освобождения крестьян»¹.

П.Н. Милюков подчеркивал, что в предреволюционные годы (до 1905-1907) дифференциация в рядах прогрессивных политических сил не была слишком очевидной. У него самого лучшие личные друзья были из народников «Русского богатства»; В.А. Мякотин как-то даже предложил ему вступить в центральный комитет социалистов-революционеров и был очень удивлен, когда Милюков заявил, что не считает себя социалистом². Из этого следовало, что на идеологических тонкостях будущие члены оппозиционных партий не заостряли внимание, и большинство из них было убеждено, что любой противник царизма по определению должен принадлежать к социалистическому лагерю.

Следует остановиться на одной из ключевых фигур умеренного неонародничества, сыгравшей важную роль в освободительном движении и пользовавшейся большим авторитетом у видных российских либералов. Н.Ф. Анненский (1843-1912) – человек, на момент организации «Союза освобождения» уже пожилой, служил своего рода связующим звеном между народниками старшего и нового поколений. Народники естественно (и, как правило, справедливо) считались носителями более левых, чем кадеты, убеждений, но, по воспоминаниям П.Н. Милюкова, «своим благоразумием Н.Ф. Анненский выделялся даже в среде либеральных “освободителей”»³. Он был разносторонней личностью: учился юриспруденции и филологии, много лет возглавлял земско-статистическое бюро (преимущественно в Поволжье), поставив дело статистики на высокий профессиональный, фактически научный уровень, был активным публицистом и просто замечательным, честным, открытым человеком, под чье обаяние подпадали все, кого сталкивала с ним жизнь. Его и В.Г. Короленко, прозванного «совестью русской интеллигенции», объединяли пережитые обоими с начала 1880-х гг. оппозиционная деятельность, полицейские преследования, невзгоды ссыльной жизни и многолетняя теснейшая дружба. Думается, если бы Анненский на момент партийного самоопределения был моложе

¹ Там же. С. 161.

² Милюков П.Н. Воспоминания. В 2 т. Т.1. М.: Современник, 1991. С. 273.

³ Милюков П. Н. Воспоминания: в 2-х т. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С. 338.

и, главное, не связан столь тесными товарищескими узами с членами редакции журнала «Русское богатство», для многих из которых он стал идейным наставником, перед ним вопрос выбора – кадеты или народные социалисты – встал бы более остро: по натуре своей он был легалист. Всякая политическая борьба, кроме открытой, была для него неприемлема. Средства и формы политического протеста, практиковавшиеся «Союзом освобождения» (например, Банкетная кампания), отвечали его представлениям о пропагандистском, просветительском пути к совершенствованию государственной системы. Конечно, не без влияния Анненского будущие народные социалисты на первом съезде ПСР настаивали на необходимости создания политической организации, исключавшей нелегальные методы деятельности, и, когда не встретили поддержки, покинули съезд, сосредоточившись на создании своей партии. До того, как болезнь сердца вынудила Анненского отойти от активной политической и общественной работы, он деятельно участвовал в организации Союза писателей, учрежденного Литературным Фондом, объединявшим либеральную и народническую демократию, в Вольном экономическом обществе, где вместе с Е.Д. Кусковой интегрировал «третий элемент» земств и кооперацию. Смерть Анненского в 1912 г. вызвала неподдельную скорбь у всех, кто когда-либо знал его и, тем более, работал с ним.

В ходе деятельности «Союза освобождения» можно выделить моменты, когда участие неонародников было особенно заметным. Юридический «корпус» освобожденцев особое значение придавал выработке проекта конституции и избирательного закона Российской империи, а также объяснительных записок к ним¹. В «Союзе» создавалась комиссия законоведов, занимавшихся переработкой текста конституции, уже напечатанного за границей журналом «Освобождение». Помимо таких маститых юристов, как М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев и др., в ней участвовали молодые, но уже достаточно известные правоведы (Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев, В.В. Водовозов и др.) они-то, по словам П.Н. Милюкова, и составили костяк «конституционной» рабочей группы. Для всех без исключения членов «Союза» были бесспорными основные принципы демократии – свобода, парламентаризм, всеобщее избирательное право, равноправие национальностей, широкое развитие местного самоуправления; не вызывала дискуссий и форма правления – парламентарная монархия; о республике в то время речь еще не шла. С тем, что содержание важнее формы, были согласны и соци-

¹ Водовозов В.В. Указ. соч. С. 366-367.

алисты-неонародники, отмечая, что в мире есть свободные монархии и недостаточно свободные республики¹. Наибольшие споры, по впечатлениям В.В. Водовозова, вызвал вопрос о двухпалатности парламента; ни среди либералов, по которому ни среди народников не было абсолютного единства: так, будущий эсер Г.И. Шрейдер и сам Водовозов ратовали за две палаты, Н.Ф. Анненский и И.В. Гессен – за однопалатность. В конечном итоге победила точка зрения «двухпалатников». Другие актуальные вопросы правового характера не всем казались в равной степени важными: так, желающих настаивать на немедленном введении женского избирательного права оказалось немного. В их числе был Н.Ф. Анненский, однако он уступил мнению большинства о том, что этот пункт, который, прежде чем выносить на общегосударственный уровень, целесообразно апробировать в программах отдельных политических партий, пока терпит отлагательства². Не нашел большого отклика вопрос о пропорциональной системе выборов. Тем не менее, в целом проект представлял собой законченный документ, свидетельствовавший о последовательной, основательной работе над ним и способный служить хорошо проработанной платформой политической партии, стремившейся к демократическим преобразованиям и ориентированной не на революционную, а на парламентскую деятельность.

У «Союза освобождения» были шансы стать политической партией, однако слишком пестрый состав помешал ему даже создать партию внутри своей среды, при том, что общее настроение «Союза» постепенно левело. П.Н. Милюков вспоминал, что коренные освобожденцы разделились на «благоразумных» и «буйных». В числе первых из народников были Н.Ф. Анненский, В.В. Хижняков, в числе вторых – Л.И. Лутугин, который, выступая перед широкой публикой, из здравомыслящего и проницательного политика «перевоплощался в народного трибуна», беспощадно высмеивая как саму толпу («лопоухих»), так и интеллигенцию, которую представлял³.

В.В. Хижняков (1871-1949), чья профессиональная и общественно-политическая деятельность пока еще не получили достаточного освещения в научной литературе, относится к числу людей, чей путь в политике, особенно на раннем этапе, пролегал между либерализмом и народническим социализмом. В молодости он служил земским врачом, затем (1899-1901) – участковым санитар-

¹ Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 77.

² Водовозов В.В. Указ. соч. С.367.

³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 341.

ным врачом Петербурга, самоотверженно выполняя не только свои прямые обязанности, но и ведя просветительскую деятельность среди населения. Хижняков состоял в нелегальном Обществе помощи политическим ссыльным и заключенным (политический «Красный крест»), помогал печатать и распространять пропагандистскую и агитационную литературу тогдашних революционных групп¹ и, по его собственному признанию, считал себя «больше революционером, чем врачом»². Встреча в 1901 г. в Полтаве, где Хижняков отбывал ссылку, с В.Г. Короленко оказала сильное влияние на интересы и идейные ориентиры будущего политика. Он приобщился к журналистской деятельности: в народнических изданиях стали печататься его статьи по проблемам положения сельскохозяйственных рабочих, распространения гигиенических знаний в народе, по вопросам земского самоуправления и т.п. По возвращении в 1902 г. в Петербург Хижняков оставил медицинское поприще ради политической публицистики и общественной арены. Он вступил в «Союз освобождения» и был одним из его активнейших участников. С началом русско-японской войны он был призван в качестве военного врача. Что касается идеологического самоопределения Хижнякова, то он долгие годы именовал себя «беспартийным социалистом», а в 1917 г. вступил в Трудовую народно-социалистическую партию.

Русско-японская война, как лакмусовая бумага, выявила разногласия внутри освободительного движения: либеральная его часть была настроена куда более патриотически, чем народническая. А.В. Пешехонов в знак протеста против «шовинистических» настроений Совета даже вышел из его состава. Он считал войну несовместимой с государственными интересами России³ и написал ряд статей, в которых содержалась резкая критика «бессмысленных военных действий», отвлекающих внимание и правящих кругов, и всего общества от внутрироссийских проблем. Особенно сильный резонанс в освободительной среде вызвала статья Пешехонова «Война и отечество», не пропущенная цензурой для «Русского богатства». Помимо прочего, Пешехонов сравнивал русское правительство с азартным игроком, который, проигрывая вновь и вновь, в жажде реванша не может отойти от игрового стола. Либерал И.В. Гессен, впечатленный аргументацией автора, решился напе-

¹ Гончарова С.Г. Земский врач В.В. Хижняков (к 125-летию со дня рождения) // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1997. № 2. С. 55-57. С. 57.

² НИИ им. Н.А. Семашко. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

³ Протасова О.Л. Указ. соч. С. 30.

чатать этот материал в своем журнале «Право» и, выдержав массу предостережений о рисках закрытия, сумел-таки убедить редакционный комитет в том, что опубликование данной статьи – «долг перед родиной». Смелость была оправдана: «Право» не было закрыто, а лишь удостоилось предостережения за «вредное направление», что еще больше подняло престиж издания¹. Таким образом, по мере затягивания войны, роста людских и территориальных потерь антиправительственный настрой народнического сегмента освободителей, гораздо более сильный, чем у либеральной части Союза, проник и в последнюю, возобладав, по сути, в организации в целом. В.В. Водовозов писал, что война была непопулярна даже в кругах тогдашней политической элиты. На этом фоне не вызывало удивления то, что устраивавшиеся полицией уличные манифестации не находили отклика среди народа: никто не сочувствовал войне².

Важной вехой в освободительном движении стало проведение осенью 1904 г. «банкетной кампании» в честь 40-летия судебной реформы. Лейтмотивом ее призывов, обращенных к сознательному населению империи, было требование конституции. Кампания широко освещалась в прессе, особенно либеральной, имея своего рода «административный» ресурс: среди ее участников было много именитых писателей, издателей и вообще людей, не чуждых публицистики. Первый банкет, приуроченный к юбилею судебных уставов, прошел под председательством В.Г. Короленко – писателя-народника, имевшего тогда большую популярность. В банкете приняли участие не менее 600 литераторов, ученых, адвокатов, врачей, людей искусства и прочих представителей интеллигенции. Помимо самого Короленко, речи произнесли И.В. Гессен, Н.Ф. Анненский, В.И. Семецкий и другие³. Удачей кампании можно считать интерес и сочувствие, вызванные ею в обществе, неудачей – конечный результат: царский манифест от 12 декабря 1904 г. не обещал видимых изменений в органах законодательной власти, а выпущенное одновременно с ним правительственное сообщение объявило либералам «высочайшее неудовольствие»⁴.

¹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. С. 179-180.

² Водовозов В.В. Граф С.Ю. Витте и император Николай II. Пг: Центральное кооперативное издательство «Мысль», 1922. С. 58.

³ Крылова Е.Н. Банкетная кампания на страницах либеральной печати в 1904 году // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 40-41.

⁴ Протасова О.Л. Указ. соч. С. 32.

Освещали банкетную кампанию в печати в своих изданиях не только либералы, но и неонародники. Так, газета «Сын Отечества», имевшая некогда славную историю, но к началу XX в. пришедшая в полный упадок, в 1904 г. была возрождена при активном участии А.В. Пешехонова и Н.Ф. Анненского и шла в русле освобожденчества. В ней сотрудничали и либералы. Позднее, в 1905 г., «Сын Отечества» стал эсеровским органом, но осенью 1904 г. до этого было еще далеко. Материалы, посвященные ходу банкетной кампании и обстановке вокруг нее, вызвали живой интерес читателей газеты. Авторы писем в редакцию указывали на ошибки и неточности при опубликовании списков участников первого банкета (А. Гиллерсон, К.О. Карницкий), сетовали по поводу своего неучастия в мероприятии (А.Г. Лапицкий), просили присоединить их подпись к принятой резолюции (С.Л. Гуревич)¹ и т.п. Тема данного мероприятия не теряла популярности у читателей более недели. Сами участники кампании ревностно следили за публикациями: появление их имен в печати формировало в глазах окружающих и их собственных глазах имидж борцов с самодержавием, «героев времени», людей смелых и передовых. Череда последующих банкетов, охватившая не только столицы, но и провинциальные города (все-го, по данным Департамента полиции, мероприятия прошли в 34 населенных пунктах), также находила отражение в прессе; всего до начала революции 1905 г. прошло более 120 собраний и банкетов², завершившихся подписанием резолюций.

«Официальное» политическое размежевание умеренных неонародников с либералами произошло в 1905 г.; главным поводом к нему послужило несходство взглядов на аграрный вопрос. Редакция журнала «Русское богатство», внутри которой возникло будущее ядро партии народных социалистов, все настойчивее пропагандировала идею национализации земли. Представители «Русского богатства» не были приглашены на аграрный съезд либералов, имевших свой взгляд на решение земельного вопроса в России. Это не могло не задеть неонародников, к тому же раздраженных терпимым отношением либералов к Булыгинской думе. А.В. Пешехонов писал В.Г. Короленко: «Освобожденчество кончило свой век...»³. Процесс размежевания бывших союзников ускорило и решение освобожденцев объединиться с земцами-конституционалистами, чье отношение к правящему режиму выгля-

¹ Крылова Е.Н. Указ. соч. С. 41.

² Там же. С. 41-42.

³ НИОР РГБ. Ф. 135. К.31. Д. 52. Л. 2562.

дело чересчур благодушным в глазах даже умеренных представителей социалистического сообщества России.

Несмотря на последующую политическую конкуренцию, несходство во взглядах на аграрное реформирование и некоторые другие ключевые программные моменты, думается, что у эволюционных народников и либералов в России начала XX в. было все же более сходств, чем различий. И те, и другие считали, что легитимность равна легальности и по-настоящему действенной может быть только открытая политическая арена. Для многих освободенцев их «Союз» послужил настоящим стартом в большую политику, связав, помимо деловых отношений, узами товарищества и крепкой дружбы.

А.Н. Егоров¹

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ВОЛОГОДСКОЙ ПРЕССЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале XX в. термин «либерализм» не пользовался популярностью. Социалисты видели в либералах прислужников буржуазии, консерваторы – агентов подрывного западного влияния. В такой ситуации даже кадетская партия практически не использовала данный термин в своей агитационно-пропагандистской деятельности. Либеральные ценности внедрялись в общественное сознание под общедемократическими лозунгами парламентаризма, конституционализма, демократии, важнейшим инструментом распространения которых являлась пресса.

Манифест 17 октября 1905 г. создал условия для появления в российской провинции газет общественно-политической направленности, которые являлись для простого обывателя основным источником информации о политике. Именно пресса создавала политические образы социалистов, либералов, консерваторов в регионах. В подавляющем большинстве случаев главной общественно-политической тематикой провинциальной прессы были выборы и деятельность Государственной думы. Парламентская проблематика позволяла широко представить весь спектр политических идей и

¹ Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.

широко использовалась провинциальными кадетами для пропаганды либеральных ценностей.

В современной историографии есть работы по данной теме¹, но роль газет Вологодской губернии по освещению парламентской проблематики пока не исследована. К началу 1906 г. в Вологде выходило всего три печатных органа: «Вологодские губернские ведомости», «Вологодские епархиальные ведомости» и «Вологодский листок объявлений». Первые два издания носили исключительно официальный характер и материалов аналитического характера по политическим проблемам развития страны не содержали. В приложении к «Вологодским губернским ведомостям» публиковалась только официальная информация, связанная с ходом выборов в Думу. «Вологодский листок объявлений» носил рекламный характер и был далек от политики. Таким образом, ниша общественно-политической периодики в регионе была свободна. Незначительное количество периодических изданий в Вологодской губернии легко объяснимо – уровень грамотности по первой всеобщей переписи населения 1897 г. в губернии составлял всего 19,5%; к 1906 г. грамотных мужчин насчитывалось 17%, женщин – 5%².

С 10 января 1906 г. в Вологде начинает выходить ежедневная газета «Северная земля»³. Издателем выступил Алексей Алексеевич Галкин – общественный деятель, владелец типографии, помощник присяжного поверенного, позднее, с 1913 г. – член Вологодского общества изучения Северного края, близкого к социал-демократическим кругам меньшевистского толка. Газета распространялась довольно широко, как по всей Вологодской губернии, так и за ее пределами – в соседних регионах, включая Санкт-Петербург. В основном, распространение шло по железной дороге.

«Северная земля» изначально задумывалась как общественно-политическая газета – в 1906 г. она стала единственным печатным органом подобного рода в губернии. Она относилась к изданиям неопределенно-оппозиционного направления – напрямую не связанная ни с одной политической партией, газета пропагандировала

¹ См.: Родионова Т.С. Деятели печати и первая Государственная Дума России. М., 2007; Практически в каждом ежегодном сборнике материалов научной конференции «Таврические чтения» публикуются статьи по данной тематике, основанные на материалах различных регионов Российской империи. Все сборники размещены на сайте Центра истории парламентаризма: <http://parlament-history.ru/library/>.

² Ежегодник Вологодской губернии на 1912 год. Вологда, 1911. Отдел второй. С. 62.

³ Не путать с легальной социал-демократической газетой «Северная земля», издававшейся в Санкт-Петербурге летом 1906 г. (Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917): Справочник / Сост. М.С. Черепанов, Е.М. Фингерит. М., 1957. С. 129.)

идеи близкие как умеренным социалистам, так и левым либералам. Это объясняется тем, что накануне Первой российской революции в губернии сформировалась относительно единая оппозиционная среда из политссыльных, провинциальной интеллигенции и деятелей местного самоуправления, которой были близки как либеральные, так и социалистические идеи, образовывавшие некий симбиоз. Именно из этой среды в 1905 г. выросли кадетские организации губернии, отличавшиеся левизной и опиравшиеся на органы местного самоуправления¹.

Большое внимание газета уделяла аграрному вопросу и земельной политике, социально-экономическому положению страны. Она выступала за полноправное народное представительство, за справедливые выборы, призывала к коренному изменению старого порядка управления. Основным источником информации, помимо телеграмм Петербургского телеграфного агентства и заметок от корреспондентов, служила кадетская и вообще левая пресса («Наша жизнь», «Речь» и др.).

Выход в свет первого номера пришелся на фактическое начало избирательной кампании в Думу – поэтому практически во всех номерах в той или иной форме отражалась парламентская тематика. Учитывая низкий процент грамотного населения губернии, газета много внимания уделяла информации о роли и месте парламента в политической жизни страны. Газета разъясняла права и полномочия Государственной думы, механизм выборов, особенности избирательного закона, требования к лицам, имеющим право участвовать в выборах, призывала проверять списки избирателей и т.п. В этом вопросе усилия газеты отчасти совпадали с разъяснительной политикой властей. Так, 6 и 8 января 1906 г. в Вологодских церквях читались Высочайшие указы от 11 декабря 1905 г. о выборах в Думу, городская управа расклеивала объявления о правилах выборов и т.п.²

В ходе предвыборной кампании широко обсуждалась идея бойкота выборов в Думу, за что активно выступали в большинстве своем левые революционные партии. Позиция «Северной земли», несмотря на все их симпатии к левым, была иной. Газета приводила

¹ См.: Егоров А.Н. Либеральные партии в городах Европейского Севера России в начале XX века // Элементы жизнеустройства российского города второй половины XIX – конца XX в.: механизмы власти, политические и экономические структуры, общественные объединения, конфессиональная организация, социальная, образовательная, культурная среда: Монография / Под ред. О.Ю. Солодянкиной. Череповец: ЧГУ, 2018. С. 148-177.

² Северная земля. 1906. 11 января. С. 4.

все доводы в пользу бойкота, но решительно выступала за участие в выборах, опираясь в этом вопросе на мнение Г.В. Плеханова, соответствующее заявление которого было перепечатано из «Дневника социал-демократа» в одном из январских номеров¹.

«Северная земля» отразила широко распространенные большие надежды на Государственную думу, представления о том, что созданный парламент сможет разом решить все основные проблемы страны: «Государственная дума должна во всех ступенях управления заменить мертвящую чиновничью опеку стремлением к «одной высокой цели» – действительному и великому благу народному. Она должна обеспечить гражданам основные права личности. Она должна дать стране всеобщее избирательное право. Она должна в самых широких размерах подготовить все для проведения полного и окончательного земельного переустройства»².

С началом предвыборной кампании перед газетой встал вопрос – кого поддерживать на выборах? В городах Вологодской губернии в начале 1906 г. оформились организации кадетской партии, Союза 17 октября, Партии правового порядка и Союза русского народа. Представители революционных партий (РСДРП и ПСР) действовали в губернии нелегально, поддерживали идею бойкота и в избирательной кампании не участвовали³. При таком раскладе политических сил у «Северной земли» не было никаких других вариантов кроме как поддерживать кандидатов кадетской партии.

Начиная с 8 номера (18 января 1906 г.) «Северная земля» начинает публиковать предвыборные обращения Вологодского комитета ПНС, всячески пропагандирует предвыборные собрания кадетской партии, подробно рассказывает о них на своих страницах. Газета перепечатывала из центральной кадетской периодики («Речь» и др.) различные материалы, посвященные парламентской тематике. Стороннему наблюдателю могло показаться, что «Северная земля» превратилась в печатный орган кадетской партии, что не вполне соответствовало действительности. Пропагандируя предвыборные лозунги ПНС, газета всегда находила возможность их критиковать с левых позиций. Так, рассказывая о предвыборных собраниях ПНС, газета подробно приводила речи социал-демократов, выступавших на этих собраниях с критикой в адрес ка-

¹ Северная земля. 1906. 26 января. С. 3.

² Северная земля. 1906. 9 апреля. С. 2.

³ Тарутин А.А. К истории революционного движения и политической ссылки в Вологде // Север: Орган научного северного краеведения. Вологда. 1927. № 2 (6). С. 5. (1-8)

детской партии (особенно, за неопределенность в аграрном вопросе)¹.

Вологодская губерния являлась по преимуществу крестьянской – в городах проживало всего 4,4% населения; рабочей курии не было из-за незначительного количества пролетариев. В губернском избирательном собрании уполномоченные от волостей имели 46 мест из 80². Поэтому неудивительно, что аграрный вопрос стоял в центре внимания предвыборной борьбы и подавляющее большинство материалов «Северной земли» было посвящено именно ему.

Газета широко отражала надежды населения на Государственную думу, используя разнообразные, в том числе стихотворные, формы:

Кончается рабство... нам выхода нет...

Найдем мы свободную долю.

Вдали показался желанный рассвет (созыв Думы – А.Е.),

Увидим мы землю и волю³.

В Вологодской губернии, как и по всей стране, крестьяне составляли приговоры в Государственную думу со своими требованиями. Некоторые из них, разумеется, в сокращенной, отредактированной форме, печатались на страницах «Северной земли». Требования вологодских крестьян в целом соответствовали общероссийским тенденциям, и заключались в стремлении передать землю в той или иной форме тем, кто ее обрабатывает. Крестьяне стремились увеличить свое землепользование за счет удельных, государственных, церковных и частновладельческих земель; беспощинно заготавливать дрова в казенных и удельных лесах; выступали за отмену обложений с предметов первой необходимости, введение государственного подоходного налога, бесплатное и всеобщее начальное образование для крестьянских детей, введение волостного земства и пр.⁴

«Северная земля» подчеркивала, что с появлением Государственной думы Россия вступила на путь серьезных конституционных преобразований. Для иллюстрации данного положения использовались исторические примеры из событий Великой французской

¹ Северная земля. 1906. 28 января. С. 4.

² Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 86.

³ Северная земля. 1906. 26 апреля. С. 2.

⁴ Северная земля. 1906. 13 января. С. 2.

революции. Довольно простой, лубочный, стиль таких публикаций был рассчитан на самую широкую, не искушенную в политике аудиторию: «Король понимал, что при новом государственном строе нельзя будет швырять по-прежнему народными деньгами, а главное, его «благородную» натуру «возмущала необходимость считаться с мнением черни», как он называл народ, на который король привык смотреть только как на дойную корову. Но он также понимал, что раз восстал весь народ, то ему ничего не поделаться с кучкой попов и дворян и, затаив злобу, он подписал конституцию, т.е. ограничение своих прав»¹. Любому малограмотному крестьянину не составляло труда провести аналогию между описанными событиями Французской революции и современным положением России.

«Северная земля» неоднократно обращалась к теме пассивного, равнодушного отношения избирателей к выборам. Так, в заметке из Никольского уезда говорилось: «Выборы в Думу у нас прошли крайне плачевно: из 84 выборных явилось 56; подготовки к выборам не было никакой и собравшиеся выборные были крайне затруднены даже выбором кандидатов и выбрали старшину и старосту – людей крайне консервативных»². Из уездного города Вельска писали: «Страна на краю пропасти, повсюду господствует правительственный террор, а в забытом и архимирном Вельске все спокойно!... Настроение городка сонливое, духовная физиономия не из особенно привлекательных. Наблюдателю особенно бросается в глаза обывательская отсталость в политическом развитии. Ни каких организаций, ни партий до сих пор не наблюдалось. Какая-то полная «беспартийность», и полное равнодушие к освободительному движению»³.

Порой при чтении «Северной земли» возникает своеобразный диссонанс – с одной стороны, газета постоянно подчеркивала активность и единение всего народа в стремлении через Думу добиться своих прав, а с другой – даже по отношению к избирателям губернского города Вологды встречались такие нелестные оценки: «Отношение публики к выборам, по-видимому, безразличное»⁴. Отсюда и стремление «Северной земли» всячески «разбудить» избирателя, привлечь его внимание к насущным проблемам.

Не удивительно, что выборы в Вологодской губернии прошли довольно хаотично, зачастую случайно. Кадеты благодаря под-

¹ Северная земля. 1906. 25 апреля. С. 3.

² Северная земля. 1906. 8 февраля. С. 3.

³ Северная земля. 1906. 2 марта. С. 3.

⁴ Северная земля. 1906. 23 февраля. С. 4.

держке части выборщиков городской курии и агитации «Северной земли» имели шанс провести в Думу своего представителя, но против них сыграл образ кадета как «барина», «чиновника», «господина»¹, а также, не вполне удачная предвыборная кампания. Так, на вопрос корреспондента «Северной земли» о том, почему крестьяне не проголосовали за кадетскую партию, депутат Думы А.Л. Шемякин, избранный от крестьянской курии, ответил: «А что не прошли ее кандидаты, то надо сознаться, уж очень они надоели за последние дни со своими услугами да ухаживанием. А потом – не особенно по вкусу пришлись и слова В.Ю. Зубова (один из лидеров вологодских кадетов – А.Е.), когда крестьян он называл стадом баранов и рекомендовал взять в пастухи себе кадета... Вообще, надо заметить, среди мужичков замечается недоверии к чиновникам»². Напрасно кадеты уверяли, что их партия не чиновничья, а В.Ю. Зубов в «Северной земле» опубликовал опровержение, в котором утверждал, что говорил – «чиновники хотели бы, чтобы Дума была стадом баранов», а не кадеты, его неправильно поняли³.

В итоге избрали губернского предводителя дворянства, октябриста Н.Н. Андреева и четырех беспартийных крестьян: Д.К. Мартьянова, С.И. Федотовского, П.Д. Щипина и А.Л. Шемякина (избран от крестьянской курии)⁴. После выборов в «Северной земле» стали выходить очерки о вологодских депутатах из крестьян (представителя властей Н.Н. Андреева газета демонстративно игнорировала), интервью с ними, информация об отношении к ним земляков. Также публиковались обращения избирателей к своим депутатам в леворадикальном духе.

В Государственной думе Д.К. Мартьянов и С.И. Федотовский политической активностью не отличались и ориентировались на Н.Н. Андреева. А.Л. Шемякин симпатизировал кадетам и трудовикам, но ни в какую фракцию не вошел. И лишь один из крестьянских депутатов, П.Д. Щипин, занял четкую политическую позицию – он

¹ Так могли восприниматься все три кадетских выборщика от Вологды: председатель Вологодского окружного суда С.Н. Цемш, городской голова И.Ф. Клушин и земской и городской гласный Н.Я. Масленников (Северная земля. Вологда. 1906. 24 марта. № 2).

² Северная земля. 1906. 29 марта. С. 3.

³ Северная земля. 1906. 9 апреля. С. 4.

⁴ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 88.

вступил во фракцию трудовиков и активно в ней работал (его подпись стоит под 9 запросами Государственной думы)¹.

«Северная земля» полностью поддержала трудовую группу и, по сути, стала ее органом. Неудивительно, что симпатии газеты были на стороне П.Д. Щипина, он стал основным вологодским думским персонажем «Северной земли». По всей видимости, именно он и передавал в редакцию материалы о деятельности трудовой группы. Газета неоднократно публиковала различного рода обращения, приговоры, телеграммы крестьян Вологодской губернии в поддержку трудовой группы и П.Д. Щипина; критиковала остальных вологодских депутатов за политическую умеренность. Так, на страницах газеты была опубликована телеграмма крестьян одной из волостей Вологодского уезда, в которой содержалось порицание вологодским депутатам из крестьян за то, что те не поддерживали трудовиков².

«Северная земля» давала весьма подробную информацию о работе парламента – на страницах газеты публиковались обширные выдержки из стенограмм, речи депутатов, статьи и заметки о Думе. Все оппозиционные демарши депутатов подавались как мнение всего народа. Газета поддерживала все радикальные требования Думы, как, например, требование отставки правительства И.Л. Горемыкина. При этом тон и характер публикаций отличались ярко выраженной радикальной, антиправительственной направленностью: «Дума высказала горячее желание, чтобы правительство лжи, насилий и безответственности уступило свое место министерству, избранному из думского большинства, пользующемуся доверием Думы и народа. Министры должны подчиняться этому указанию, если они не желают, чтобы в России разгорелось то, что зовется войною народа с правительством. Много уже человеческой крови на нем... Нет, им мало этого и они ведут Россию к кровавому потоку. Уйдите! Одним этим вы окажете величайшее благо родине»³. Очевидно, что публикации подобно рода только раскручивали спираль противостояния между парламентом и правительством, укрепляя уверенность депутатов, читавших провинциальную прессу, в том, что вся страна поддерживает их радикальные требования.

¹ Социал-демократические фракции I и II Государственных дум: протоколы фракционных заседаний и материалы. 1906 – 1907 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2020. С. 109, 111, 112, 117, 121, 122, 124, 695.

² Северная земля. 1906. 31 мая. С.4.

³ Северная земля. 1906. 18 мая. С. 2.

Получив известия о роспуске I Думы, члены редакции «Северной земли», по всей видимости, ждали народного взрыва. Именно поэтому в обращении к читателям они называли роспуск парламента «ужасным и великим моментом», когда «судьба отчизны, судьба народа так внезапно оказалась в руках самого народа». Газета призывала не «мирится со сложившимся», но проявлять осмотрительность и согласовывать свои действия с «общим великим народным движением»¹.

Последними материалами «Северной земли» о I Думе стали перепечатанные из «Нашей жизни» статьи о Выборгском совещании депутатов, в которых излагалось в общих чертах содержание «Выборгского воззвания»².

Как уже отмечалось в литературе, в 1906 г. местные губернские администрации продолжали действовать в отношении печати «прежними методами запретов и умолчаний»³. Администрация Вологодской губернии в полной мере использовала фигуру умолчания, полагая, что не стоит акцентировать внимание населения на деятельности российского парламента. Поэтому думская тематика практически не находила отражения на страницах официальной газеты «Вологодские губернские ведомости». Это приводило к тому, что политически равнодушное население Вологодской губернии получало информацию о деятельности I Государственной думы, в основном (не считая распространения в губернии центральных газет), в трактовке «Северной земли» – единственной общественно-политической газеты губернии в 1906 г. Естественно, что подобная трактовка носила в какой-то мере односторонний, леворадикальный характер. Тем не менее, именно через освещение парламентской проблематики газета, вольно или невольно, представила самому широкому читателю все основные положения кадетской программы, сыграв, по сути, основную роль в пропаганде либеральных идей. Об этом говорит характерный факт – из пяти избранных от губернии депутатов II Государственной думы один являлся кадетом, четверо примкнули к трудовикам⁴.

¹ Северная земля. 1906. 11 июля. С. 2.

² Северная земля. 1906. 13 июля. С. 2.

³ Кострикова Е.Г. Россия на пороге информационных войн. Политика российского правительства в сфере СМИ в начале XX века. СПб., 2020. С. 50.

⁴ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междунар. науч. конф. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2016. Ч. 1. С. 89.

Противопоставить левой пропаганде в Вологодской губернии властям было нечего кроме административно-полицейских методов запрета. В итоге, в декабре 1906 г. по определению Московской судебной палаты издание «Северной земли» было приостановлено, а после решения суда полностью прекращено¹. Вологодский губернатор А.Н. Хвостов, понимая значение прессы, сделал соответствующие выводы и с сентября 1907 г. организовал издание в Вологде газеты «Русский Север», ставшей, по сути, печатным органом местного отделения «Союза русского народа».

О.А. Харусь²

СИБИРСКИЕ ОТДЕЛЫ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ: ФАКТОРЫ И ИНДИКАТОРЫ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1907 – ФЕВРАЛЬ 1917 гг.)

Постановка проблемы. В последние десятилетия «маятник» исследовательского интереса к истории российского либерализма качнулся в сторону изучения доктринальных основ, ценностных ориентиров и концептуальных моделей переустройства Отечества, разрабатывавшихся представителями этого направления общественной мысли. В значительной мере данная тенденция обусловлена самой логикой развития исторического знания. В советской историографии основной акцент был сделан на изучение тактических установок и политических практик либеральных партий. Анализ и интерпретация их программных требований по большей части были выдержаны в системе координат марксистского подхода и по сути являлись проекцией тех оценок, которые давал своим политическим оппонентам В.И. Ленин. Мировоззрение, теория, социокультурные параметры либерализма оставались на периферии исследовательского интереса.

В таком историографическом контексте концентрация внимания специалистов на этих проблемах в постсоветский период представляется вполне закономерной. Однако при этом на второй план

¹ Вологда в минувшем тысячелетии: Очерки истории города. Вологда, 2006. С. 131.

² Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.

сместились вопросы, связанные с изучением организационных основ либерального движения. И если протопартийные структуры и организационные аспекты деятельности партийных формирований в различных регионах страны в условиях революционных потрясений 1905–1907 гг. и 1917 г. по-прежнему являлись предметом исследований, то динамика организационных процессов в межреволюционный период не получила сколько-нибудь детального освещения в научных трудах. Отчасти это объясняется ограниченностью и фрагментарностью источниковой базы для изучения либерального движения в 1907 – феврале 1917 гг., что, в свою очередь, обусловлено объективными конкретно-историческими обстоятельствами этого периода. В частности, для кадетов статус нелегальной партии предполагал отказ от афиширования своей принадлежности к ней и смещение проявлений гражданской активности в сферу деятельности общественных, культурно-просветительных организаций.

Тем не менее, определенные резервы для расширения круга вовлеченных к настоящему времени в научный оборот источников имеются и связаны они во многом с обращением к документам региональных архивов и региональной периодической печати. Скрупулезное исследование внутрипартийных процессов на уровне региональных организаций может стать основой для формирования целостного представления о них в общероссийском масштабе. Данный вектор исследования представляется значимым для выявления факторов, влиявших на всплески и спады активности в рамках партийных структур, оценки степени организационной устойчивости кадетской партии, определения роли организационного ресурса в реализации либеральных сценариев переустройства Отечества. Стремлением внести лепту в решение обозначенной исследовательской задачи посредством анализа организационных процессов в сибирских отделах конституционно-демократической партии продиктован замысел данного доклада.

Факторы внутриорганизационных процессов в сибирских отделах кадетской партии. Изменение политической ситуации в стране в связи с роспуском II Государственной думы и изданием 3 июня 1907 г. нового избирательного закона, ознаменовавшего символическую финальную точку первой российской революции, стало для кадетов серьезным испытанием на организационную устойчивость. Сложное переплетение разнообразных факторов объективного и субъективного свойства создало весьма неблаго-

приятный фон для продолжения деятельности созданных на пике революционного подъема партийных структур.

Сформированная в рамках местных кадетских организаций коллективная идентичность имела для подавляющего большинства присоединившихся к ним лиц ситуативный характер. Далеко не все вступившие в партию под влиянием обстоятельств момента имели сколько-нибудь четкое представление о сценарии общественного переустройства, предлагавшемся инициативным меньшинством, и являлись убежденными приверженцами либеральных идей. С другой стороны, в среде тех, кто разделял либеральные ценности и являлся носителем либеральной субкультуры, партийная деятельность зачастую не входила в сферу жизненных приоритетов. Во многом именно этими обстоятельствами была обусловлена обозначившаяся уже в годы первой революции тенденция к сокращению численности кадетских организаций. Данная тенденция усиливалась по мере того, как становилась все более очевидной несостоятельность надежд на либеральные реформы в сколько-нибудь приближенной перспективе и нарастали сомнения в способности конституционно-демократической партии выступить в роли представителя интересов широких слоев населения.

Принятое Сенатом 16 февраля 1908 г. решение об окончательном отказе партии народной свободы в легализации стало дополнительным и весьма важным аргументом в пользу дистанцирования от партийных структур, поскольку принадлежность к ним была чревата множеством неприятных последствий. Вслед за этим решением Сенат подтвердил запрещение принимать на государственную службу и службу в местном самоуправлении членов нелегализованных партий. Члены кадетской партии, так или иначе проявившие общественно-политическую активность в 1905–1907 гг., были взяты под строгий надзор. В фондах Томского губернского жандармского управления и Томского городского полицейского управления сохранились секретные дела, заведенные на наиболее деятельных членов местной кадетской организации, многочисленные запросы временного губернатора и начальника ГЖУ о поведении, образе жизни и политической благонадежности кадетов, а также соответствующие донесения нижних полицейских чинов. В большинстве случаев за кадетами велось негласное наблюдение полиции.

Ряд членов кадетской партии, обладавших солидным общественным и должностным статусом, был подвергнут арестам. В их числе: представлявший казачество Забайкальской области во II

Государственной думе С.А. Таскин (арестован осенью 1907 г.)¹, депутат I Государственной думы от Томской губернии А.И. Макушин (31 мая 1908 г. заключен в губернский тюремный замок по делу о Выборгском воззвании²), бывший городской голова Красноярска Н.А. Шепетковский (арестован в ноябре 1910 г. за проявления оппозиционности, членство в кадетской партии и хранение значительного количества её воззваний, обнаруженных в ходе обыска³), профессор Томского университета И.А. Малиновский (привлечен к уголовной ответственности в 1912 г. за обоснование необходимости либеральных реформ в авторской монографии «Кровавая месть и смертные казни» и после длительного расследования приговорен к месячному заключению⁴).

Довольно широкое распространение в Сибири получила практика увольнений членов кадетской партии со службы административными распоряжениями. Так, в конце ноября 1907 г. «за политическую неблагонадежность» Иркутский генерал-губернатор уволил состоявшего под негласным наблюдением врача Ачинского уезда Д.Н. Ермоловича, являвшегося в годы революции членом местного комитета партии народной свободы⁵. В 1910 г. министерство народного просвещения официально предложило профессорам Томского университета М.Н. Соболеву и И.А. Малиновскому «ввиду непрекращающегося вредного направления» редактируемой ими газеты «Сибирская жизнь» отказаться от редактирования или профессорской деятельности⁶. Несмотря на передачу редакторских полномочий Г.Б. Баитову в 1911 г. И.А. Малиновский был отстранен от должности профессора Томского университета с причислением его к министерству просвещения, а в 1912 г. оба профессора были вынуждены покинуть Сибирь⁷. В мае 1912 г., подчинившись требованию министерства просвещения в ближайшее время подать в отставку и перевестись в другое учебное заведение, уехал из Томска профессор технологического института В.А. Обручев⁸. В течение 1911–1912 гг. предписание попечителя Западно-Сибирского учебного округа об увольнении из института «для обеспечения в нем

¹ Сибирь. 1907. 23 окт.

² Сибирская жизнь. 1910. 4 нояб.

³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 766. Л. 34-35.

⁴ Сибирская жизнь. 1912. 1 февр., 4 апр.; Речь. 1912. 18 марта.

⁵ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 300. Л. 63.

⁶ Речь. 1910. 12 авг.

⁷ Сибирская жизнь. 1912. 4 окт.; 1913. 26 янв.

⁸ Речь. 1911. 29 дек.; Сибирская жизнь. 1912. 5 янв., 8 мая.

нормальной жизни» получил целый ряд профессоров этого вуза, являвшихся членами кадетской партии¹. Гарантий от подобной участи не давали даже заявления либерально настроенных лиц о выходе из кадетской партии. Так, в Красноярске военный врач П.Н. Коновалов официально заявил о своей непринадлежности к какой бы то ни было политической партии, после чего получил предписание военного министра во избежание увольнения в 7-дневный срок подать прошение об отставке на том основании, что на выборах в IV Государственную думу он активно поддерживал кандидатуры кадетов В.А. Караулова и С.В. Востротина².

Серьезный урон и без того весьма слабому организационному потенциалу отделов кадетской партии в Сибири был нанесен репрессивными мерами в отношении аффилированных с ними периодических изданий либеральной направленности. Отсутствие единого закона о печати и жесткость ограничительных положений «Обязательных постановлений о печати», введенных после 3 июня 1907 г. в порядке чрезвычайной и усиленной охраны, создавали условия для административного произвола. Денежные штрафы, конфискация отдельных номеров, арест редакторов – подобные репрессии затронули большинство оппозиционных газет, а некоторые из них были закрыты. Поводом для санкций, как правило, являлась публикация статей, «возбуждающих общественную тревогу и враждебное отношение к правительству». Особенно жесткая административная политика проводилась в отношении таких ведущих либеральных газет края, как: «Сибирская жизнь» (Томск), «Сибирь» (Иркутск), «Омский вестник» (Омск). Так, например, общая сумма штрафов, уплаченных редакцией газеты «Омский вестник» за один только 1911 год, составила 1 800 руб.³. За этот же год «Сибирская жизнь» была оштрафована 5 раз на 1 300 руб., а в 1913 г. томская газета подвергалась штрафам 6 раз на общую сумму 2 500 руб.⁴. В некоторых случаях штраф выглядел в глазах местной администрации как явно недостаточная мера пресечения в отношении периодических изданий либерального направления. Арестам были подвергнуты редактор-издатель газеты «Сибирь» Сатовский-Ржевский (декабрь 1907 г.), редактор-издатель «Красноярца» А.А. Жалудский

¹ ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2567. Л. 155; Сибирская жизнь. 1912. 8 мая; Сибирь. 1912. 20 мая.

² Сибирь. 1913. 5 мая.

³ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 332. Л. 138.

⁴ Сибирь. 1913. 26 дек.; ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 308. Л. 11.

(1908 г.)¹, редактор «Омского вестника» В. Корвин-Круковский (1911 г.)².

Административные запреты и взыскания, преследование в судебном порядке ускорили дезорганизационные процессы в местных отделах партии народной свободы. Запрещены были собрания партийных организаций, собрания же общественных организаций, в которых либералы играли сколько-нибудь заметную роль, ставились под строгий надзор. Членам кадетской партии местная администрация запрещала выступать с публичными лекциями, если в них хотя бы косвенно затрагивался вопрос о существовавшем в стране режиме.

В новых политических условиях вполне закономерным выглядит то обстоятельство, что многие из числа присоединившихся к сибирским кадетским организациям в годы первой революции предпочитали демонстрировать свою непричастность к деятельности нелегализованной партии. Не случайно, в 1907–1914 гг. в документах губернских жандармских управлений и городских полицейских управлений, которые фиксировали информацию о политической благонадежности лиц, вступивших в период революции в кадетскую партию, как правило, содержались пометки такого рода: «ни в чем предосудительном (в политическом отношении) замечен не был», «поведения и образа жизни одобрительного», «в противоправительственных деяниях не замечался» и т.п.

Индикаторы внутрипартийных процессов в кадетских организациях Сибири. Резкое сокращение численности членов и стремительный распад сибирских отделов кадетской партии с началом периода реакции стали ярким проявлением организационного кризиса. Показательны в этом отношении донесения губернаторов, поступившие в Департамент полиции в первой половине 1908 г. в ответ на предписание сообщить сведения «о действующей в губернии организации конституционно-демократической партии (партии народной свободы), ее примерной численности и распространенности, о лицах, стоящих во главе ее, и замечается ли в настоящее время ее рост или наоборот постепенный упадок»³. Тобольский вице-губернатор сообщал: «... правильной организации конституционно-демократической партии (партии народной свободы) в Тобольской губернии не существует, хотя имеется много лиц, даже среди чиновников, принадлежащих или сочувствующих этой пар-

¹ Голос Томска. 1908. 12 нояб.

² Речь. 1911. 20 февр.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4534. Л.1.

тии; но сведений о численности их собрать не представляется возможным, так как никаких активных действий они не проявляют, ограничиваясь пассивным сопротивлением мероприятиям правительства, которые не сходятся с идеями партии, и словесной критикой правительственных распоряжений в частных собраниях»¹. «За последнее время в Акмолинской области конституционно-демократическая партия особой деятельности не проявляла и в настоящее время в упадке», – констатировал местный губернатор². Донесение военного губернатора Забайкальской области гласило: «...организованной конституционно-демократической партии (партии народной свободы) во вверенной мне области не замечается»³. Характеризуя положение дел в уездах губернии, Иркутский губернатор сообщал: «...есть только отдельные личности, сочувствующие программе этой партии»⁴. Полный распад уездных и сельских кадетских организаций в Енисейской губернии зафиксирован в рапортах минусинского, енисейского, красноярского, канского уездных исправников, представленных в феврале 1908 г. губернатору⁶. Немногим лучше выглядело положение кадетов и в губернском центре. Красноярский полицмейстер докладывал: «Роста партии (к.-д. – О.Х.) не замечается, а наоборот заметен упадок ее. Названная партия вследствие ликвидации многих ее видных деятелей притихла и ничем себя не проявляет... за деятельностью партии народной свободы со стороны чинов городской полиции имеется тщательное наблюдение»⁷. Проанализировав полученную информацию, Енисейский губернатор имел веские основания резюмировать в донесении Департаменту полиции: «В общем, как в уездах, так и в г. Красноярске, в недалеком будущем эта партия, как имевшая в своих рядах, главным образом, чиновников, несомненно распадется, так как все чиновники, боясь преследования за участие в партии, фактически отпали от нее и, следовательно, партия эта, устранив активных работников в лице главных своих деятелей, неминуемо должна будет совершенно прикончить свое существование»⁸. Уверенность в неминуемости полного распада местной

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 999. Ч. 43. Т. 3. Ч. 1. Л. 72.

² Там же. Л. 13.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 999. Ч. 43. Т. 3. Ч. II. Л. 203.

⁴ Там же. Л. 219.

⁶ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4534. Л. 6-9.

⁷ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4534. Л. 10.

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 999. Ч. 43. Т. 3. Ч. I. Л. 97; ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4534. Л. 11.

кадетской организации при условии отказа властей от излишней снисходительности в отношении ее лидеров выражал в своем донесении и Томский губернатор¹.

Состояние организационного кризиса было очевидно и для самих членов сибирских отделов партии. 10 февраля 1908 г. один из лидеров томской кадетской организации, секретарь фракции технологического института профессор В.А. Обручев сообщал в частном письме: «...отдела партии здесь уже не существует, городской комитет собирается раз в год перед выборами»². В этой связи профессор обращался в ЦК за рекомендациями по организации партийной работы и с просьбой присылать партийные издания, так как «вследствие ареста в июле прошлого года всей нашей фракционной библиотеки, мы теперь сели на мель»³. Возможности преодоления организационного кризиса Обручев во многом связывал с налаживанием регулярных контактов между провинциальными отделами и центром. В частности, он предлагал Центральному комитету воспользоваться услугами членов фракции по предоставлению в редакцию газеты «Речь» достоверной информации и просил выслать корреспондентский билет⁴. Однако эта просьба, по-видимому, не нашла отклика у руководства партии, о чем свидетельствовали неоднократные повторные обращения профессора в течение 1909–1910 гг. в редакцию газеты «Речь» с просьбой предоставить ему сотрудничество и публиковать телеграфные сообщения из Томска. Заметки об общественно-политической жизни Сибири появлялись в центральных органах периодической печати все реже, со страниц региональных периодических изданий, в свою очередь, практически исчезли сообщения о состоянии дел в партийных организациях Европейской России.

Безуспешными оказались и попытки секретаря студенческой фракции партии народной свободы в Томском технологическом институте В.В. Обручева наладить контакты со студенческими организациями Москвы и Санкт-Петербурга. В ноябре 1907 г. по поручению комитета фракции он обратился с просьбой помочь в организации партийной агитации, откомандировав «хорошего оратора, согласного ради успеха кадетизма и изучения Сибири перевестись в Томск»⁵. Однако, несмотря на уверения В.В. Обручева, что «почва здесь для кадетизма есть, нужен лишь хороший и опытный сея-

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 (1905, II отд.). Д. 999. Ч. 43. Т. 3. Ч. 1. Л. 122.

² ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 2.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237 (ОО). Д. 47. Л. 119–120.

тель», и готовность незамедлительно сообщить желающим об условиях перевода и переезда в Томск, и санкт-петербургская, и московская фракции ответили отказом¹. Готовых пожертвовать столичным образом жизни ради успеха партийного дела в далекой провинции среди их членов не нашлось.

И все же через отдельных лиц, считавших необходимым поддерживать контакты с центральным руководством партии, организационные связи сохранялись. Так, география переписки Московского отдела ЦК кадетской партии в 1907–1912 гг. включала не только губернские центры и уездные города Сибири, но и весьма небольшие населенные пункты (такие, например, как станция Оловянная Забайкальской железной дороги)². В июне 1908 г. в совещании с представителями местных партийных групп, организованном фракцией партии народной свободы для обсуждения тактики в III Государственной Думе, принимал весьма активное участие профессор Томского университета М.Н. Соболев³. Представитель иркутских кадетов А.В. Витте в 1912 г. участвовал в работе партийной конференции, на которой рассматривалась избирательная платформа накануне выборов в IV Государственную думу⁴.

Дополнительные возможности для упорядочения контактов сибирских кадетов с партийным руководством создала кооптация в ноябре 1909 г. в ЦК в качестве представителей Сибири В.А. Караулова и Н.В. Некрасова⁵. Последний часто приезжал в регион и охотно выступал с лекциями и докладами перед местным населением. Позднее представительство сибирских кадетов в ЦК было расширено за счет включения в его состав С.В. Востротина и В.Н. Пепеляева. Однако в целом имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют характеризовать организационные связи сибиряков с партийным руководством и единомышленниками в Европейской части России в этот период как сколько-нибудь устойчивые и регулярные.

С 1912 г. на фоне усиления оппозиционных настроений в стране ЦК кадетской партии начал предпринимать усилия по приданию динамичности собственной работе, восстановлению местных комитетов и возобновлению связей с ними. Это обстоятель-

¹ Там же.

² Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910 – 1914 гг.). Томск, 1989. С. 123.

³ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

⁴ Сибирь. 1912. 2 окт.

⁵ Протоколы Центрального комитета и Заграничных групп конституционно-демократической партии. М., Т. 1. С. 385.

ство, а также (и, пожалуй, в большей степени) приближение выборов в IV Государственную думу, условием успешного выступления на которых являлась активная агитационная работа, стали для инициативных групп либералов в Томске, Иркутске, Красноярске и Чите стимулом к восстановлению местных отделов партии. В отчете Московского отдела ЦК кадетской партии о положении провинциальных групп в 1912 г. организации в этих городах упоминались как возобновляющие деятельность¹. Однако выполнив свое предназначение «избирательных комитетов», они вновь прекратили деятельность по завершении выборов в Государственную думу осенью 1912 г.

Комитет кадетской партии как организационная структура сохранился только в Иркутске, но и его существование было формальным. Пользуясь поддержкой местных предпринимателей², иркутские кадеты осенью 1912 г. попытались начать издание ежедневной партийной газеты³. Однако реализовать этот замысел так и не удалось, что, вероятно, свидетельствовало о слабости организационных возможностей иркутян. В 1914 г. начальник Иркутского ГЖУ в донесении директору Департамента полиции констатировал: «...среди иркутских кадетов за последнее время особого движения не замечалось»⁴.

Отмечая отсутствие организационно оформленных партийных групп кадетов в регионе, местная администрация вместе с тем признавала, что либеральные идеи сохраняют популярность и численность пассивных сторонников партии народной свободы довольно значительна в среде интеллигенции, предпринимателей, приказчиков, мелких служащих. Информация такого рода является показателем сохранения некоего аморфного в организационном отношении «идейного братства», а в некоторых случаях и своеобразного интеллектуального клуба местных кадетов, которое пришло на смену партийным структурам. Те представители инициативного меньшинства, которые в годы первой революции приняли активное участие в формировании, а затем и в деятельности сибирских отделов кадетской партии, сохранили приверженность либеральным идеям. Дополнительным подтверждением этого может служить стремительное возрождение местных кадетских организаций после Февральской революции 1917 г. Сопоставление данных о персо-

¹ Толочко А.П. Указ. соч. С. 134–135.

² Сибирская жизнь. 1912. 26 авг.

³ Речь. 1912. 25 сент.

⁴ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д.831. Л. 427–429.

нальном составе актива местных отделов партии в 1905–1907 гг. и в 1917 г. обнаруживает существенные совпадения (30,5% – в томском отделе; 32,4% – в красноярском; 62,5% – в тюменском; 75% – в курганском; 20,8% – в омском; 34,7% – в иркутском¹).

Выводы. В целом же динамика организационных процессов в сибирских отделах партии народной свободы в межреволюционный период подтверждает неприспособленность конституционных демократов к политической деятельности вне легитимного поля, поскольку таковая противоречила самой природе либеральной идеологии с ее акцентированным признанием значимости правового порядка и исключительной роли права как инструмента гармонизации интересов личности, общества и государства. Дистанцирование от партийных структур, лишенных статуса легальных формирований, свидетельствует об органичной связи между идеологическими принципами и практиками социальной активности либералов. Ярко выраженная идеологоцентричность конституционно-демократической партии проявилась не только в процессе ее организационного оформления, но и на последующих этапах ее истории. Ценностное мировоззренческое ядро являлось весьма значимым фактором как формирования местных отделов, так и сохранения их потенциала в межреволюционный период.

Д.С. Лавринович²

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1917 – 1918 гг.

Целью статьи является рассмотрение основных этапов деятельности Конституционно-демократической партии (КДП) в связи с изменением общественно-политической ситуации на территории Беларуси в 1917 – 1918 гг.

Отдельные аспекты заявленной проблемы нашли отражение в исследованиях Н.С. Сташкевича, В.К. Коршука, И.В. Шардыко, А.А. Воробьева и других историков, включая автора³.

¹ Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: Дис. ...д.и.н. Томск, 1998. С. 258.

² Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Могилев, Республика Беларусь).

³ Сташкевич Н.С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917 – 1925). – Мн., 1985; Коршук У.К. Уплыў ідэалогіі лібералізму на

Конституционно-демократическая партия играла значительную роль в общественно-политической жизни Российской империи в начале XX века. В течение 1905-1906 гг. отделы КДП были образованы во всех губернских и многих уездных центрах края. Но после неудачного исхода выборов в IV Государственную думу деятельность кадетов на территории Беларуси прекращается¹.

В апреле – мае 1917 г. Конституционно-демократическая партия восстановила свою деятельность. Отделы КДП были образованы: в Витебской губернии – в Витебске и Витебском уезде, Городке, Двинске и Двинском уезде, Люцине, Невеле, Полоцке и Режице; в Минской губернии – в Минске, Бобруйске, Мозыре, Речице, Слуцке и Новогрудском уезде; в Могилевской губернии – в Могилеве, Быхове и Быховском уезде, Гомеле и Гомельском уезде, Горках, Климовичах, Орше, Рогачеве, Сенно, Чаусах и Чауском уезде².

Социальную основу КДП составляли представители состоятельных городских слоев: гласные земств и городских дум, служащие Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, чиновники, юристы, врачи и другие представители «цензовой» общественности. В Гомеле среди конституционных демократов было много старообрядцев. В сельской местности опорой кадетской партии были помещики. Кадеты пытались привлечь в свои ряды и крестьянство. Крестьянской была организация КДП в Голеневской волости Чауского уезда. В Невельском уезде кадетские кружки имелись в 7 волостях. Из национальных меньшинств сильные прокадетские настроения были у евреев, особенно в Витебске и Городке. Поскольку по территории Беларуси проходил Западный фронт, то ряды кадетов пополняли также офицеры. Военные фракции были созданы при Минском и Могилевском отделах КДП.

Как правило, количество членов в организациях кадетской партии на территории белорусских губерний было небольшим и исчислялось несколькими десятками человек. Хотя некоторые отделы были более значительными: в Невельском уезде кадетов было

беларускае грамадства пачатку XX ст. // Веснік БДУ. Серыя 3. 2009. № 3. С. 17 – 20; Шардыка І.У. Да пытання аб колькасным і сацыяльным складзе кадэцкай партыі на Беларусі ў 1917 г. // Веснік БДУ. Серыя 3. 1992. № 3. С. 3 – 6; Воробьев А.А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний. Могилев, 2010; Лавринович Д.С. Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905 – 1918 гг.). Могилев, 2009; Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.). Могилев, 2015.

¹ Лавринович Д.С. Деятельность общероссийских либеральных партий на территории Беларуси (1905 – 1918 гг.). С. 170, 171.

² Там же. С. 231 – 234.

около 600 человек (из них 300 проживали в сельской местности), Горецкая организация насчитывал до 150 человек, Городокская – около 200¹.

В основном деятельность конституционных демократов была направлена на агитацию. Они устраивали лекции и митинги, на которых разъясняли свое отношение к государственному строю и управлению, другим политическим партиям, раскрывали свои проекты решения аграрного, рабочего и национального вопросов. Для ведения пропаганды приглашались и члены ЦК. Например, в начале лета 1917 г. западные губернии посетил П.Н. Милюков.

КДП приняла активное участие в выборах гласных городских дум летом 1917 г. Однако число завоеванных кадетами мест было незначительным и только в Горках и Сенно конституционным демократам удалось возглавить органы городского самоуправления². Интенсивнее других работала фракция КДП в Могилевской городской думе.

Наибольшее значение кадеты придавали выборам в Учредительное собрание, рассчитывая укрепить свои позиции в стране.

Конституционные демократы сформировали список № 6 кандидатов в члены Учредительного собрания, избравшихся по Минскому округу. Первые четыре позиции в нем занимали представители ЦК КДП: 1. Винавер Максим Моисеевич; 2. Новгородцев Павел Иванович; 3. Щепкин Николай Николаевич; 4. Гольдштейн Моисей Леонтьевич. От местных кадетских организаций в список вошли: 5. Гуревич Николай Ильич, Минск, доктор, земский деятель; 6. Балковец Степан Варфоломеевич, Минск, доктор, общественный деятель; 7. Гинцбург Соломон Львович, Бобруйск, редактор «Бобруйской газеты»; 8. Фомин Александр Иванович, Минск, чиновник, общественный деятель; 9. Петкевич Александр Кузьмич, Слуцк, помощник присяжного поверенного; 10. Кодис Жозефина Эразмовна, Минск, доктор философии; 11. Вошинин Даниил Константинович, Минск, член губернской земской управы; 12. Виноградов Сергей Сергеевич, поселок Городня Минской губернии, мировой судья; 13. Луговской Леонтий Иванович, поселок Городня Минской губернии, крестьянин Новогрудского уезда; 14. Шилькрет Лев Григорьевич, Слуцк, земский врач; 15. Клезович Степан Назарович, Бобруйск, служащий в банке; 16. Стражевский Иван Федорович, Минск,

¹ Там же. С. 234 – 236.

² Местная жизнь // Могилевская жизнь. 1917. 20 июля. С. 2; От Могилевской Окружной по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссии // Горецкий вестник. 1917. 20 октября. С. 2.

чиновник; 17. Яновский Ричард Карлович, Минск, доктор, редактор «Минской жизни»; 18. Ярошевский Владимир Петрович, местечко Мир, председатель уездной управы; 19. Романейко Константин Онуфриевич, поселок Городня Минской губернии, крестьянин; 20. Парфенов Михаил Сергеевич, Минск, инженер железной дороги; 21. Михельсон Александр Александрович, Минск, уездный комиссар; 22. Самойло Владимир Иванович, Минск, химик, гласный Минского городского думы¹.

Агитировать за кадетский список в Минскую губернию приезжали представители ЦК – П.И. Новгородцев, прочитавший лекцию «Учредительное собрание и его задача», и М.Л. Гольдштейн с лекцией на тему «Современный политический момент и евреи»².

В Витебской губернии кадетский кандидатский список был зарегистрирован окружной избирательной комиссией 12 октября 1917 г. под № 3. В него были включены кандидатуры: 1. Винавера Максима Моисеевича; 2. Степанова Василия Александровича; 3. Дубосарского Эммануила Абрамовича; 4. Нечаевой Ольги Константиновны; 5. Васильева Парфения Парфеньевича, м. Прель Двинского уезда, подпоручика; 6. Сеньковского Евгения Петровича, Невель, присяжного поверенного; 7. Буркова Семена Дементьевича, с. Алексеево Витебского уезда, крестьянина; 8. Лузгина Алексея Николаевича, Витебск, председателя финансовой комиссии при Витебском отделе КДП; 9. Абморшева Ивана Даниловича, Витебск, председателя литературной комиссии при Витебском отделе КДП³.

По списку № 7 еврейского национального избирательного комитета выставил свою кандидатуру бывший депутат I Государственной думы кадет Г.Я. Брук⁴.

Активно участвовали в подготовке к выборам конституционные демократы Могилевской губернии. 1 – 2 октября 1917 г. в Могилеве состоялся губернский съезд КДП для обсуждения вопросов, связанных с выборами в Учредительное собрание. Съезд проходил в зале уголовного отделения Могилевского окружного суда. Всего было 25 делегатов из уездов, в том числе 5 крестьян. Присутствовал и член ЦК П.П. Гронский. Заседаниями съезда руководил председатель Могилевского отдела КДП Ю.Ю. Бехли. В первый день заслушивались сообщения с мест. Очень интересны были выступления крестьян, обрисовавших крайне неблагоприятную для кадетов

¹ Воробьев А.А. Указ. соч. С. 62.

² Лекция М.Л. Гольдштейна // Минская жизнь. 1917. 24 октября. С. 2; Лекция П.И. Новгородцева // Минская жизнь. 1917. 24 октября. С. 2.

³ Воробьев А.А. Указ. соч. С. 90.

⁴ Там же. С. 91.

ситуацию в деревне. В частности, один из крестьянских делегатов рассказывал: «...крестьяне, боясь обвинения в черносотенстве и опасаясь репрессий со стороны своих же односельчан, прячут свои кадетские убеждения, что называется, «на дно души». При этом, эта боязнь обвинений в черносотенстве заходит так далеко, что многие желавшие получить кадетскую литературу (программы, воззвания и т. п.), просили прислать им таковую не по их адресу, а по условному адресу...»¹. Делегаты постановили развивать в губернии широкую агитацию посредством командировок в различные населенные пункты партийных агитаторов. Съезд завершился утверждением кандидатского списка в Учредительное собрание. Список КДП, подписанный 143 избирателями, поступил в окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию 13 октября 1917 г.

В список входили: 1. Родичев Федор Измайловтч; 2. Винавер Максим Моисеевич; 3. Щепкин Николай Николаевич; 4. Кляйнман Иосиф Александрович; 5. Бехли Юлиан Юльевич, Могилев, председатель Могилевского общества взаимного кредита, гласный Могилевской городской думы; 6. Попов Митрофан Степанович, Могилев, присяжный поверенный, юрисконсульт управления военных сообщений при Ставке; 7. Пятницкий Борис Иванович, Могилев, присяжный поверенный, председатель особого Армейского комитета при Ставке, гласный Могилевской городской думы; 8. Калашников Григорий Фомич, Гомель, присяжный поверенный, старообрядец; 9. Протасевич Иосиф Иванович, Могилев, зубной врач, председатель Правления Киевского товарищества Юго-Западных земств; 10. Смирнов Иван Никитич, Гомель, инженер-механик, инспектор железнодорожного училища; 11. Нефедов Стефан Алексеевич, Сенно, председатель Сенненской городской думы; 12. Банин Константин Васильевич, Могилев, присяжный поверенный, гласный Могилевской городской думы и Могилевского губернского земского собрания; 13. Щекудов Тихон Фомич, Гомель, старообрядец; 14. Колесников Данила Парфенович, д. Антоновка, Голеневской волости, Чауского уезда, крестьянин; 15. Чистяков Дмитрий Иванович, Могилев, член окружного суда, гласный Могилевской городской думы; 16. Цитович Сергей Георгиевич, Горки, преподаватель Горецкого землемерно-агрономического училища, председатель Горецкой городской думы;; 17. Кокошинский Лев Яковлевич, Могилев, податный инспектор, гласный Могилевской городской думы; 18. Игнато-

¹ М.-И. Губернский съезд партии Народной Свободы // Могилевская жизнь. 1917. 6 октября. С. 3.

вич Николай Васильевич, Быхов, податный инспектор; 19. Козловский Тихон Васильевич, Могилев, священник, гласный Могилевской городской думы;; 20. Белов Никита Георгиевич, Гомель, старообрядец; 21. Юденич Николай Васильевич, Чаусы, податный инспектор, гласный Чауской городской думы; 22. Голодковский Евгений Игнатьевич, Могилев, судебный следователь¹.

Конституционные демократы развернули активную пропаганду за свой список. Например, они старались перетянуть на свою сторону губернский съезд кооперативных организаций. Кадет К.В. Банин, участвовавший в его работе, предлагал передать крестьянам всю помещичью землю. «Не может быть двух мнений, что земельный вопрос будет разрешен в смысле передачи земли трудовому крестьянству, – что крупное землевладение должно исчезнуть за счет расширения мелкого землевладения, основанного на трудовой норме», – утверждал Банин. По его мнению, помещичье хозяйство могло заменить «трудовое крестьянское кооперативное хозяйство»². Кооперативы должны были способствовать расширению использования крестьянами сельскохозяйственных машин, облегчить получение кредитов и выход на рынок. Проводниками кооперации планировалось сделать земства, выступавшие у кадетов в качестве противовеса против Советов крестьянских депутатов.

К выборам в уездные земства, намеченным, как и выборы в Учредительное собрание, на осень 1917 г., Могилевский отдел КДП издал специальную брошюру «Трудовому крестьянству, что нужно знать для участия в выборах гласных уездных собраний». В ней популярно излагался избирательный закон и основные положения программы КДП по аграрному вопросу. Брошюра была отпечатана в количестве 15 тыс. экземпляров и разослана во все уезды губернии³. Конституционные демократы полагали: «Крестьянам не нужна ни социализация социалистов-революционеров, ни муниципализация социал-демократов, ни национализация большевиков... Живет ли крестьянин в общине, или на хуторе, или имеет отруб, его трудовая земля должна быть неприкосновенна»⁴.

Кадеты пытались привлечь на свою сторону и учителей. 22 октября 1917 г. состоялся уездный учительский съезд в Горках, посвященный выборам в Учредительное собрание. На съезд были

¹ Воробьев А.А. Указ. соч. С. 74, 75.

² Банин К.В. Земство и кооперация // Горецкий вестник. 1917. 7 ноября. С. 1.

³ Провинциальный отдел. Могилев губ. // Вестник Партии народной свободы. 1917. 19 октября. С. 16.

⁴ От Горецкого Комитета Партии Народной Свободы // Горецкий вестник. 1917. 27 октября. С. 1.

приглашены представители политических партий: РСДРП, ПСР (эсеры) и КДП. Кадетов представлял председатель Горецкого отдела КДП С.Г. Цитович, делавший доклад первым. Для завоевания симпатий учителей, сочувствовавших ПСР, он стремился сблизить программу конституционных демократов и социалистов-революционеров. В частности, Цитович пытался убедить слушателей, что хотя КДП и несоциалистическая, но социализм для идеологов партии является «верой и великим идеалом», правда, еще далеким для осуществления в российской действительности. Сравнивая кадетскую партию с эсеровской по аграрному вопросу, он указал на невозможность социализации земли из-за сильных собственнических чувств у крестьян. Невозможность бесплатного отъема земли у помещиков, Цитович объяснял тем, что это приведет к краху банков и разорению держателей закладных листов¹. Эсер Л.А. Хрисаненков обвинил КДП в стремлении к реставрации монархии и защите интересов помещиков. На что, Цитович ответил, что кадеты защищают республику, а помещики на выборы в Учредительное собрание идут отдельным избирательным списком (№ 5 – Всероссийского союза земельных собственников). Эсеры хотели навязать съезду свою платформу, но Цитовичу удалось добиться принятия резолюции о свободном голосовании учителей на выборах в Учредительное собрание². Таким образом, они могли отдать голоса и за КДП.

В худшую сторону начали изменяться условия деятельности кадетской партии после прихода к власти в Петрограде большевиков. Минские конституционные демократы осудили события, произошедшие в российской столице. Со своей стороны они попытались оказать большевикам противодействие. Губернский комиссар И.И. Метлин закрыл местную большевистскую газету «Молот», а кадеты А.И. Фомин и В.О. Янчевский защищали его действия в городской думе от нападок социал-демократов³. В ответ Военно-Революционный комитет, после взятия власти в городе, в ночь с 7 на 8 ноября 1917 г. с помощью вооруженного отряда остановил печать кадетской газеты «Минская жизнь»⁴. В итоге местные кадеты остались без своего печатного органа.

¹ Ц. [Цитович С.Г.]. На учительском делегатском съезде 22 октября // Горецкий вестник. 1917. 24 октября. С. 2.

² Там же.

³ Большевики (К заседанию Городской Думы) // Минская жизнь. 1917. 26 октября. С. 3.

⁴ Провинциальный отдел. Минск // Вестник Партии народной свободы. 1917. 30 ноября. С. 16.

Против действий большевиков протестовали и витебские конституционные демократы. В частности, кадетская фракция в Витебской городской думе резко выступила против намерения советского правительства заключить перемирие с Германией и ее союзниками. Резолюция кадетов гласила: «...партия большевиков, захватившая власть путем насилия, не имеет права заключать от имени народа ни сепаратного перемирия, ни мира с Германией... заключить мир может лишь полновластный хозяин земли русского государства – Учредительное собрание»¹.

Могилевские конституционные демократы также осудили события, произошедшие в российской столице. 26 октября в Могилеве был создан Комитет общественной безопасности, в который от КДП вошли Г.В. Выковский (представлявший одновременно и губернскую польскую раду), М.С. Попов и земский инженер И.В. Кирикос². 5 ноября в Могилеве состоялся митинг железнодорожных рабочих, на котором выступили Ю.Ю. Бехли и К.В. Банин, ознакомившие собравшихся с аграрным и рабочим разделами программы кадетов. В прениях приняли участие представители социалистических партий, в том числе большевики. 10 ноября состоялось общее собрание отдела, посвященное техническим вопросам выборов в Учредительное собрание³.

12 ноября 1917 г. могилевские кадеты при участии члена ЦК И.А. Кляйнмана организовали в городе многоядный антибольшевистский митинг. На нем в основном присутствовали представители торгово-промышленного класса. Председательствовал Ю.Ю. Бехли. Митинг открылся продолжительным докладом (длился 3 часа) Кляйнмана. Докладчик отметил выдающиеся заслуги КДП – цвета российской интеллигенции. «Благодаря лишь недостатку политической опытности, крайне левые партии упорно отвергали тактику и программу партии кадетов в послереволюционные дни. Следуя этой именно тактике, освободившаяся от ига царизма Россия вышла бы сильной и обновленной, на благо и счастье всех населяющих ее народностей», – заявил оратор. В заключение Кляйнман указал на ужасы, грозящие стране от большевистского движения, выступил за создание коалиционного кабинета министров кадетов с умеренными социалистами, по образцу свергнутого Временного

¹ Провинциальный отдел. Витебск // Вестник Партии народной свободы. 1917. 28 декабря. С. 20 – 22.

² Могилевская жизнь. 1917. 1 ноября. С. 1.

³ Провинциальный отдел. Могилев на Днепре // Вестник Партии народной свободы. 1917. 14 декабря. С. 21.

правительства¹. После доклада представителя ЦК с речами схожего содержания выступили члены Могилевского губернского комитета КДП.

Для активизации предвыборной деятельности местных отделов кадетской партии комитет командировал своих членов в уездные города губернии: К.В. Банина – в Быхов и Рогачев, М.С. Попова – в Чаусы, Чериков и Мстиславль, Б.И. Пятницкого – в Оршу и Сенно². Сохранились сведения о поездке Б.И. Пятницкого. 7 ноября последний организовал собрание мещан и крестьян в Орше, на котором агитировал за кадетскую аграрную программу. Явившиеся на собрание солдаты оршанского гарнизона выступили с возражениями, доказывая преимущества земельной программы партии эсеров. На следующий день Б.И. Пятницкий сделал доклад о текущем политическом моменте в реальном училище города³. 10 ноября он устроил митинг в Сенно. Докладчик раскрыл отношение КДП к большевистскому перевороту в Петрограде и выборам в Учредительное собрание⁴.

20 ноября 1917 г. Могилев был занят большевистским отрядом под командованием Н.В. Крыленко. Кадеты вынуждены были перейти на полулегальное положение. Ю.Ю. Бехли продолжал работать в Могилёвской городской думе⁵.

Неудачно для КДП завершилась избирательная кампания в Учредительное собрание. В Витебской губернии выборы прошли 12 – 14 ноября 1917 г. Не смотря на то, что кадеты блокировались с союзом земельных собственников и обществом старообрядцев, они потерпели поражение. Из 8 избранных делегатов Учредительного собрания 5 были большевиками, 3 – эсерами⁶. Выборы в Минской губернии состоялись 26 – 28 ноября 1917 г. Как и Витебской губернии, кадеты уступили большевикам и эсерам⁷. Не найдя взаимопонимания с крестьянством, в условиях нарастающих репрессий со стороны новых властей проиграли выборы в Учредительное собра-

¹ И. М. Митинг партии Народной Свободы // Могилевская жизнь. 1917. 16 ноября. С. 2 – 3.

² Провинциальный отдел. Могилев на Днепре // Вестник Партии народной свободы. 1917. 14 декабря. С. 21.

³ Провинциальный отдел. Орша Могил. губ. // Вестник Партии народной свободы. 1917. 14 декабря. С. 22.

⁴ Провинциальный отдел. Сенно // Вестник Партии народной свободы. 1917. 14 декабря. С. 24.

⁵ Филиппович И.И. Могилев: Хроника событий 1917 – 1918 (по архивным и печатным материалам). Могилев, 1995. С. 56.

⁶ ГАРФ. Фонд 1781. Оп. 1. Д. 52. Л. 2 – 11.

⁷ Там же. Л. 2 – 12.

ние и могилевские кадеты, получив всего лишь около 1,5 % голосов избирателей¹.

Активное сопротивление конституционных демократов установлению советской власти привело к запрету их партии. 28 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров официально запретил деятельность КДП, объявив ее партией «врагов народа». Но еще накануне местные советские власти начали репрессии против представителей кадетской партии. Вечером 27 ноября на заседание Витебского губернского комитета КДП явился отряд местного Военно-Революционного комитета и произвел обыск под предлогом поиска оружия. Не найдя его, большевики изъяли книгу протоколов губернского комитета, листовку и переписку с ЦК. На следующий день в городской думе кадеты заявили протест против действий ВРК².

8 декабря 1917 г. в Витебске состоялась губернская конференция КДП. Присутствовали делегаты только от Витебского, Двинского, Городокского и Невельского отделов. Всего 11 человек. Заседания вел двинский кадет П.П. Васильев. Первым обсуждался вопрос о тактике партии в условиях ее запрета. По предложению витебчанина П.Г. Цитовича, было решено деятельности не прекращать, а для выступлений против большевиков использовать трибуны городской думы и земства. Кроме того, устраивать конспиративные лекции и беседы. В случае разгона городской думы и земства конституционные демократы предполагали призвать население к игнорированию декретов о роспуске традиционных органов местного самоуправления и бойкотировать новые выборы³.

По отношению к первому Всебелорусскому съезду, организовывавшемуся белорусскими партиями в Минске в середине декабря, губернская конференция заняла позицию сотрудничества. В целях усиления борьбы с большевиками за счет привлечения национальных сил кадеты даже допускали областную автономию Беларуси, правда, границы компетенции местного правительства должно было установить общероссийское Учредительное собрание. На съезд было решено направить одного делегата от Общественного блока Витебской городской думы, в которой помимо кадетов входили торгово-промышленная, еврейская, польская и латышская национальные группы⁴.

¹ Там же.

² Провинциальный отдел. Витебск // Вестник Партии народной свободы. 1917. 28 декабря. С. 20.

³ Там же. С. 21, 22.

⁴ Там же. С. 21.

Первый Всебелорусский съезд, проходивший в Минске с 5 по 18 декабря 1917 г., принял решение о создании органа краевой власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. Это означало, что съезд заявил о претензии на власть, которой в тот момент обладал Областной исполнительный комитет советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облиспкомзап). По приказу последнего Всебелорусский съезд был распущен.

В результате наступления германских войск, Облиспкомзап в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. эвакуируется в Смоленск. Исполнительный комитет Совета (Рады) Всебелорусского съезда в Минске объявляет себя временной властью на территории Беларуси. 9 марта того же года он объявляет о создании Белорусской народной республики (БНР). При этом окончательно решить вопрос о форме государственной власти должен был Всебеларуский учредительный съезд, который предстояло избрать путем свободных выборов с представительством всех без исключения слоев населения на пропорциональной основе.

Минские конституционные демократы, которые активизировали свою деятельность после ухода большевиков, признали БНР. Так, выступая на заседании Минской городской думы 18 марта 1918 г. представитель кадетов А.И. Фомин заявил, что «по условиям политического момента признает Белорусскую Республику». При этом он был противником полной самостоятельности БНР, считая, что в будущем она должна стать частью федеративной Российской республики¹. А.И. Фомин, наряду с другим кадетом, представлявшим поляков, В.О. Янчевским, был делегирован Минской городской думой в состав Совета (Рады) БНР².

На территории неоккупированной немецкими войсками репрессии советского правительства привели к свертыванию деятельности конституционных демократов к весне 1918 г.

25 марта 1918 г. была провозглашена независимость БНР, спустя месяц Рада БНР отправила императору Германии Вильгельму II телеграмму с выражением благодарности за «освобождение» Беларуси и с просьбой о покровительстве. Данные шаги привели к расколу как в руководстве самой БНР, так и к отходу от ее поддержки политических сил, ранее лояльно к ней относившихся. Среди них были и конституционные демократы. 29 апреля 1918 г. Мин-

¹ Кукса А.Н. На пути к самоопределению народов Беларуси и Украины в 1917—1918 гг. Минск, 2012. С. 134.

² Там же. С. 136.

ская городская дума решила отозвать своих представителей из Рады БНР. При голосовании кадет В.И. Самойло внес поправку: окончательное решение вопроса о государственном устройстве Беларуси принадлежит белорусскому Учредительному собранию в пределах общегосударственной Конституции, выработанной общероссийским Учредительным собранием¹.

Могилевские кадеты в начале мая 1917 г. отказались посылать своих представителей в Раду БНР, постановив, что последнюю нельзя рассматривать как выразительницу интересов всего белорусского народа².

Таким образом, кадеты выступили против независимости БНР и ее внешнеполитического курса на союз с Германией. Для них сохранение единства Беларуси с Россией являлось «красной чертой», которую не смогли переступить даже деятели, искренне сочувствовавшие белорусскому национальному движению.

После восстановления советской власти в конце 1918 г. деятельность конституционных демократов стала невозможной, их минская и могилевская организации прекращают свое существование.

С.Л. Чижков³

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ВОПРОС В РОССИИ 60-х – 80-х гг. XIX в.: ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ИХ ОЦЕНКА Б.Н. ЧИЧЕРИНЫМ

В 1900 году вышла книга Бориса Николаевича Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия». Она была издана в Германии под псевдонимом «Русский патриот». Ни для кого не являлось секретом, чье имя стояло за псевдонимом. Не смотря на запрет, она ввозилась в Россию в больших количествах. За год книга допечатывалась еще три раза. Книга была встречена русской общественностью очень тепло, даже Г.В. Плеханов дал высокую оценку политическому анализу, содержащемуся в книге.

¹ Там же. С. 207, 208.

² Филиппович И.И. Указ. соч. С. 58.

³ Чижков Сергей Львович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Это была последняя крупная работа Чичерина. В этом же году произошел пожар в его доме в имении Караул. Спасая библиотеку, Чичерин получил тяжелейшую травму, за которой в скором времени последовал инсульт. «Россия накануне двадцатого столетия» по прочтении оставляет грустное чувство: перед нами разворачивается картина упущенных возможностей и нерешенных проблем России. Практически все вопросы, поднятые в книге, уже обсуждались Чичериным в его более ранних работах 60-х–80-х годов. Удивительно, что за столько лет не произошло существенного или вообще какого-либо прогресса в их разрешении, скорее наоборот: все проблемы только усугубились.

Среди проблем, которые завели политическую ситуацию в России в тупик, Чичерин отмечает именно нерешенность конституционного вопроса и необходимость в самое ближайшее время радикально изменить управление страной. Время постепенного реформирования власти уже упущено, то, что еще можно было сделать в конце правления Александра II и даже еще при Александре III, при Николае II уже сделать не возможно.

Общество переросло простое представительство, оно будет требовать полноценного парламента. Но чем будет парламент, без необходимого предварительного пути к нему, без политического опыта представительства, без надлежащего политического образования в обществе? Не приведет ли сам парламент, который неизбежно будет оппозиционным существующей власти, к краху всякой власти в государстве? В то же время, считает Чичерин, оставаться при существующем деспотизме и полном произволе Россия больше не может.

«Бедная Россия! – пишет в конце книги Чичерин – А сколько в ней было хороших сил! Сколько благородных стремлений! И как, в сущности, легко было бы правительству, понимающему свое призвание, править этим добрым, умным, податливым, но вместе энергическим и даровитым народом! Нужно только, чтобы оно покровительствовало не тому, что есть в нем худшего, а тому, что есть лучшего, не раболепству и угодничеству, а здоровым и независимым элементам»¹.

Вопрос о конституции для России в правительственных кругах впервые был поставлен при Александре I. Проект «Государственной уставной грамоты Российской империи» был подготовлен под руководством Николая Николаевича Новосильцева к 1820 году. По

¹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Изд. Гуго Штейниц, 1900. С. 160–161.

причинам, версии которых до сих пор обсуждаются, монарх от нее отказался, а сам текст документа был неизвестен русскому читателю вплоть до начала XX века. И все же о ней нельзя не упомянуть, так как она содержала ряд достаточно интересных идей.

Эпоха Александра I изобиловала различными конституционными инициативами и документами, все они достаточно хорошо изучены. Наиболее серьезным из них, безусловно, можно признать подготовленную по заданию самого императора «Государственную уставную грамоту Российской империи». Общее руководство подготовкой текста осуществлял Н.Н. Новосильцев, поэтому часто этот документ называют «конституцией Новосильцева». Первоначальный текст на французском языке был написан одним из его сотрудников французским юристом на русской службе П.И. Пешар-Дешаном, окончательную доработку текста и перевод на русский язык осуществил П.А. Вяземский.

Если оценивать данный проект с точки зрения полноты его нормативного содержания, то это был вполне достойный документ, который создавал все основные институты власти и управления на всех уровнях, включая губернский и уездный, четко описывал механизмы формирования и функции двухпалатного парламента. В России вводился некий аналог федеративного устройства: страна делилась на десять наместничеств, в каждом из которых действовал свой двухпалатный сейм. Судебная власть отделялась от исполнительной, и создавался независимый Верховный государственный суд.

Уставная грамота также содержала раздел «Ручательства державной власти». Эти ручательства касались различных прав подданных, включая свободу печати, а также гарантии собственности, которая признавалась священной и неприкосновенной, при этом никакая власть ни под каким предлогом не может на нее посягнуть. Интересно, что в этом разделе также было закреплено право подданных переселиться в любое государство и при этом вывезти «свое имение», т.е. собственность.

Нет подтверждений, что Александр I в 1820 году якобы отверг этот проект, вероятнее всего он приостановил этот процесс, полагая, что в данное время нельзя вносить изменения в уклад русской жизни. Его крайне беспокоили кровавые события в Испании и Неаполе, а особенно в Греции. Вспомним, что и первые попытки конституционных преобразований в 1805 году он остановил именно из-за событий в Европе, в которые была втянута Россия. Косвенным подтверждением того, что Александр I все же не отказался от

глубоких реформ служит его разговор с Н.И. Тургеневым и обсуждением его концепции радикальной судебной реформы, который состоялся в 1822 году. В конце разговора Тургенев попросил отпустить его в Англию и Францию для более детального изучения работы судебной системы в этих странах. Александр I согласился, при этом лишь попросил его сторониться различных антироссийских сил в этих странах, которые наверняка захотят как-то его использовать.

Эпоха Александра II, казалось, более всего благоприятствовала началу конституционного процесса. П.А. Валуев впервые поднял вопрос о конституции в серии личных бесед с государем в 1861, позднее Валуев вновь вернулся к этому вопросу с Александром II. Монарх не то, чтобы сходу отверг идею, скорее уклонился от ее обсуждения, сказав, что надо завершить работу над земской реформой. Но в самом начале 1863 года монарх поручил подготовить записку о том, в какой форме было бы разумно допустить представителей народа к участию в законодательной деятельности. Такую записку Валуев подготовил.

Еще раньше, 14 апреля 1861 г., Валуев записал в своем дневнике содержание беседы с В.А. Долгоруковым, начальником III Отделения, в которой он доказывал, что самодержавие по мере усложнения государственных дел остается только в названии, все существенные вопросы постепенно будут ускользать из ведения царя. В России к 1861 году, считал Валуев, уже сложилась, по сути, министерская олигархия. Без развития представительства правительство просто не сможет обойтись. Интересно, что Валуева полностью поддержал Долгоруков, он сам заявил, причем дважды, что без конституции будет не обойтись, что эмансипационный процесс постепенно потребует развития конституционных форм¹. Главный по должности «душитель свободы», начальник III отделения, как мы видим, тоже понимал необходимость конституции.

Первым шагом на этом пути должна была стать реформа Государственного совета. Эта реформа предполагала создание и Государственного Свода государственных гласных. Съезд хотя и являлся совещательным органом, но все важнейшие законы должны были пройти обсуждение в этом органе. Государственные гласные могли высказывать свои соображения, замечания и дополнения, которые поступали в ведомство, подготовившее данный законопроект.

¹ См. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел : в 2 т. Т. 1: 1861–1864 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 100–101.

Если в кругах либеральной бюрократии в начале 60-х гг. XIX в. вопрос о конституции дебатировался в основном в позитивном ключе, то, как ни странно, в кругах либеральной общественности полного единодушия не было. Так К.Д. Кавелин был категорическим противником конституционного правления в России. Наиболее серьезным было опасение, что дворянство, как наиболее подготовленное к политической жизни сословие, не просто будет доминировать, но будет способно беспрепятственно реализовывать свои частные интересы в ущерб другим сословиям и России в целом. Этой точки зрения он придерживался и в 50-е и в 80-е гг. XIX столетия. Так еще в 1855 г. он настоял, чтобы Чичерин удалил из своей статьи «Современные задачи русской жизни» всякое упоминание о необходимости перехода к конституционному правлению¹. С Кавелиным был согласен и Т.Н. Грановский, но по другим соображениям. Он считал, что конституция может быть результатом довольно длительного процесса, которому должен предшествовать период развития представительства. Н.А. Милютин, один из разработчиков крестьянской реформы, также как и Кавелин полагал, что получив конституционные политические права, дворянство может стать преградой в общении монарха и народа. Ю.Ф. Самарин полагал, что вопрос о представительстве может быть поднят не ранее, чем будут упразднены привилегии дворянства.

Интересно, что одна из ключевых работ Чичерина, книга «О народном представительстве», была первоначально подготовлена по просьбе великой княгини Елены Павловны как справочник для нее и ее окружения. Может показаться странным, но ни свита Елены Павловны, ни двор не имели, ни малейшего представления о том, что такое представительство народа, когда оно возникает, в каких формах осуществляется в разных странах и чем является по существу. Чичерин подготовил довольно подробный справочник, о его содержании мы можем судить по книге «О народном представительстве», подготовленной на основании данного справочника и изданной в 1866 г. В этом же году он защитил по этой книге докторскую диссертацию.

Справочник давал общие сведения об устройстве представительных учреждений, их виды, условия, необходимые для нормального их функционирования. Самым обширным разделом и по объему и по содержанию был раздел «Конституционная монархия». Ее модель в основном была списана с Англии. Была дана также ис-

¹ См. Чишков С.Л. Идеальная эволюция Б.Н. Чичерина. М.: РИО «Новая юстиция», 2008. С. 17 сн.

тория Земских соборов в России. Но, пожалуй, главное – это то, что в справочнике содержался перечень основных прав и свобод, необходимых для нормального функционирования представительного правления и перехода к конституционному устройству. Чичерин утверждает, что все народы рано или поздно приходят к представительному правлению, а через него и к конституционному устройству. Как мы видим, здесь Чичерин развивает точку зрения, которую ранее высказывал Грановский.

На протяжении всей жизни Чичерин был сторонником конституционной монархии и никогда от этого убеждения не отступал, но это была его общая теоретическая позиция. Что касается реального политического процесса в стране, то его отношение к конституционным преобразованиям, как это было сказано выше, довольно сильно менялось. Иногда создается впечатление, что он в данный момент доказывает прямо противоположное тому, что еще недавно отстаивал. Трудно проследить логику этих изменений, но если мы разделим конституционный вопрос на два: на вопрос о собственно конституционном правлении и на вопрос о представительстве, то логика будет более понятна. Конституционное устройство предъявляет к обществу, к уровню сознания граждан или подданных, к уровню понимания ими взаимосвязи частных и общих интересов очень высокие требования. Россия, по мнению Чичерина, к этому не готова и никогда не будет готова, если не будет входить в конституционное состояние постепенно через развитие представительства.

Казалось бы, простой вопрос. Сначала надо расширить Государственный совет за счет наиболее подготовленных представителей крупных городов и земств, наделить их правом совещательного голоса. По мере увеличения числа подготовленных людей, развития земского движения, формирования нормативной базы представительства и процедур избрания или отбора самих представителей можно было бы создать законосовещательную палату. Но всё постоянно срывается именно на самом первом шаге.

Чичерин считает, что развитие представительных учреждений требует определенной стабильности общественной жизни. Нельзя одновременно проводить крестьянскую реформу и реформировать саму власть, проводящую реформы. Но так можно сказать и о судебной, и о земской, и о военной реформах. К тому же, понятно, что крестьянская реформа продлится не одно десятилетие и ее конечные результаты пока слабо очерчены.

Работа «Конституционный вопрос в России» была подготовлена по просьбе одного из гласных московской городской думы и друга Чичерина П.Ф. Самарина. Возможно, что при жизни Чичерина она распространялась в рукописи¹, опубликована же была его вдовой, Александрой Алексеевной, в 1906 г.²

Если либеральная бюрократия обосновывала необходимость конституции потребностями власти, теми трудностями, с которыми она сталкивается и которые она не в состоянии в одиночку решать, то основная идея Чичерина существенно иная. Самодержавие, которое являлось воспитателем народов в пору их юности, не соответствует эпохе зрелости этих народов. Но это не главный аргумент Чичерина, главный аргумент – это развитие свободы. Развитие свободы неизбежно ведет к расширяющемуся участию людей в управлении государством. Формирование представительного правления – это собственный закон развития свободы. И Россия не исключена из этой закономерности. В этом Чичерин солидарен с Карамзиным, однако, в отличие от последнего он не уверен, что все государства, в конечном счете, придут к республиканской форме правления.

И все же конституция предполагает, что общество должно пройти определенный путь, путь подготовки: сначала гражданские преобразования, затем политические. Но переход от гражданских к политическим преобразованиям может быть не быстрым. Гражданские преобразования должны упрочиться, сформировать новые понятия у людей, а либеральная бюрократия, в свою очередь не должна искусственно подталкивать общество.

Революционный террор, восточная война резко поменяли ход движения России. В то же время сами преобразования вызвали столь серьезные изменения во всем укладе русской жизни, что политическая стабильность самодержавия оказалась под вопросом.

Чичерин, однако, начинает рассуждение о конституции с неожиданной для многих темы – с налогов. Налоговая реформа, как это ни покажется странным, была достаточно проблемной, она требовала отказа от сословности в обложении налогами и упразднения целого ряда легко собираемых государством косвенных налогов в виде винных откупов и соляного налога. В России ряд сословий был свободен от налогообложения. К «неподатным сословиям» от-

¹ Гульбинский И. Борис Николаевич Чичерин. Биобиблиографический очерк. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1914. С. 12.

² Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. СПб.: Тип. «Тов-ва Печатного станка», 1906.

носились: дворянство, духовенство, почетные граждане, лица, находящиеся на государственной службе, некоторые профессии, а также лица, имеющие ученые степени. Как мы понимаем, понятие «сословие» трактовалось очень широко. Реформа предлагала ввести единый подоходный налог на все виды дохода, единый налог на недвижимое имущество. Эта реформа должна была также исправить серьезные недочеты крестьянской реформы и снизить налоговую нагрузку на крестьянство.

Почему именно реформа налогообложения спровоцировала в обществе обсуждение вопроса о введении представительного правления? Налоговая реформа оказывала сильное влияние на социальную структуру, упраздняя привилегии и ставя всех подданных перед государством в равное положение. Однако у этой реформы был неявный политический аспект, который как раз и обострил обсуждение вопроса о введении в России представительного правления, или как тогда говорили «представительства». Если я плачу налоги, считает Чичерин, то я имею право знать, как расходуются мои средства. Именно таким образом возникали институты представительства в европейских странах. Пока налоги были косвенными, они скрывали подлинные отношения между человеком как налогоплательщиком и государством, реформа же сделала эти отношения достаточно прозрачными.

Именно этот момент подчеркнул Б.Н. Чичерин в своей работе «Конституционный вопрос в России». Работа, как это часто бывает, вышла далеко за рамки обозначенной темы. Всеобщая воинская повинность, единая система податей, казалось бы, непосредственно вела к упразднению привилегий дворянства. Но вольности дворянства, считает Чичерин, были началом свободы в России. Упразднение дворянства, этого единственного свободного сословия, может привести к установлению демократического цезаризма. То есть наихудшей формы власти.

Опасность демократического цезаризма Чичерин видит в идеях поздних славянофилов, в той их точке зрения, что только утверждение всесословности, а следовательно, упразднением привилегий дворянства во всех сферах жизни, позволит России сделать следующий шаг в развитии. Эта демократическая в своей основе идея на данном этапе развития России представляется Чичерину крайне вредной. Равенство еще не делает человека свободным, тогда как свобода содействует равенству. Он считает, что вопрос не в том, чтобы понизить правовой статус дворянства, а в том, чтобы поднять остальное население до уровня дворянства. Это не может

произойти в одночасье, необходим довольно длительный процесс формирования нового мировоззрения на основе повседневной практики гражданской свободы. Любая попытка одним махом ввести всесословность приведет неизбежно к катастрофе, так как на политическую арену выйдут совершенно неподготовленные люди, не имеющие ни понимания, ни опыта свободы.

Все это усугубляется, считает Чичерин, сохраняющимся разрывом между обществом и правительством. Пока этот разрыв сохраняется трудно говорить о представительстве, а власть опасается сделать первый шаг, видя, в каком возбужденном и оппозиционном состоянии находятся умы соотечественников. И все же власти придется сделать первый шаг: приобщить к деятельности Государственного совета выборных от губернских земств, сделать его заседания публичными. За первым шагом должны последовать и другие с постепенным переходом к настоящему представительству.

Работа «Конституционный вопрос в России» написана в 1878 г., когда окружение Александра II вновь заговорило о дальнейшем политическом развитии страны. В августе 1879 г. Александр II вместо того чтобы предложить Валугеву продолжить работу над «Проектом нового учреждения государственного совета» попросил все документы, которые у него есть по данному проекту и сам проект, передать для дальнейшей работы над ними М.Т. Лорис-Меликову.

До революции 1917 г. много говорили о конституции Лорис-Меликова, которую, правда, никто не видел. М.М. Ковалевский на волне общего интереса выпустил сначала в Лондоне, потом и в Берлине в 1904 г. книгу «Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма». Но когда были в 1917/18 гг. открыты государственные архивы исследователи не нашли ни чего нового, кроме того, что уже было опубликовано К.Л. Берманьским в Вестнике права в 1905 г. – «Всеподданнейший доклад гр. М.Т. Лорис-Меликова». Это по существу записка о необходимости собрать в Санкт-Петербурге редакционные комиссии из представителей земств. Эти комиссии могли бы подавать свои предложения для Государственного совета. Вот и все представительство. От проекта Валугева ничего не осталось.

После 1 марта 1881 г. все планы преобразований были поставлены под вопрос, а после Манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия» даже простое произнесение слов «конституция», «представительство» в позитивном ключе порицалось.

Прогноз Чичерина о том, что русское общество в начале XX в. будет требовать не простого представительства, а полноправного

парламента, при этом сам парламент с необходимостью будет оппозиционным существующей власти, оказался точным. Жаль только, что и его опасения по поводу краха государственной власти в России сбылись.

Ф.А. Гайда¹

Кн. Д.И. ШАХОВСКОЙ В 1880-е гг.: ПУТЬ К НОВОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ

Российский радикальный либерализм начала XX в., по сравнению с предшествующей отечественной либеральной традицией, составляет особый исторический феномен. Тем важнее вопрос о его идейных истоках. Одной из наиболее значимых и колоритных фигур в кадетской партии стал выдающийся общественный деятель кн. Д.И. Шаховской (1861–1939). Либералом он осознал себя к началу 1890-х гг. Как он пришел к либеральным взглядам, и каковы были особенности его представлений? Доклад посвящен идейной эволюции Шаховского в 80-е гг. XIX столетия.

Дмитрий Иванович принадлежал к княжескому роду (Рюрикович), однако к не слишком богатой семье. Мать Шаховского рано умерла (сыну было 9 лет), дети воспитывались отцом – генералом, типичным служилым человеком эпохи Великих реформ. Четверо его сыновей (все, кроме Дмитрия) избрали впоследствии военную службу. При этом в семье царил весьма демократический дух. Дедом Шаховского был декабрист Ф.П. Шаховской, двоюродным дедом – П.Я. Чаадаев. Это родство Дмитрий Иванович осознавал с самого детства².

Шаховской учился в VI Варшавской гимназии (с 1866 г. отец служил в Польше), где наибольшее влияние на него оказал его учитель русского языка и истории М.С. Громека, имевший славянофильские взгляды. В 1880 г. Шаховской поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в 1881 г. по настоянию отца перевелся в Петербургский. Вскоре там сложился «Ольденбургский кружок», состоявший из бывших варшавских гим-

¹ Гайда Федор Александрович – доктор исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

² Кузьмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской: путь русского либерала. М., 2008. С. 14–23.

назистов, в частности Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбургов, Д.И. Шаховского, В.И. Вернадского, А.А. Корнилова, С.Е. Крыжановского, позднее также И.М. Гревса. Душой кружка стали Федор Ольденбург и Дмитрий Шаховской. В кружке царили народнические настроения. Большое влияние также оказала на студентов новая проповедь гр. Л.Н. Толстого¹.

Шаховской вполне разделял народнические взгляды, даже в переписке с отцом настаивал на отказе от сословных привилегий и предрассудков². В кружке Дмитрий Иванович также считался самым религиозным из участников³. Но его религиозные взгляды были вполне схожи с толстовскими⁴. В 1885 г. Шаховской и Ф.Ф. Ольденбург ходили в паломничество в Ясную Поляну, а оттуда в Оптину пустынь к старцу Амвросию, который был интересен им как прототип старца Зосимы из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского⁵. Правительственный курс Александра III Шаховской не поддерживал⁶. Однако первоначально он полностью отрицал любую политическую активность⁷. На первом курсе в 1880 г. князь участвовал в студенческой сходке, вместе с сотнями товарищей попал на 1 одну ночь под арест, но каких-либо последствий этот случай не имел⁸. Отцу в 1881 г. Дмитрий писал: «Я в принципе сторонник самодержавной власти в России, но на царя я смотрю, как на защитника народа, стоящего вне всяких сословий»⁹. В кружке отмечали некоторое тяготение Шаховского к славянофильству¹⁰.

Гораздо более, чем политикой, князь увлекался наукой и философией¹¹. В 1884 г. Шаховской признавался отцу: «Я занимаюсь более всего философией – и особенно психологией – и русской литературой. Мне хочется понять общие законы развития человеческой личности и исторического развития народа – и, в частности,

¹ Там же. С. 27–35, 61–67.

² И.Ф. Шаховскому, [1881 г.] // Шаховской Д.И. Избранные статьи и письма. 1881–1895. М., 2002. С. 140–141; И.Ф. Шаховскому, 2–3 июля 1884 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 170.

³ Галимзянова Е.А. Приютинское братство в русской общественной жизни второй половины XIX – начала XX в. Дисс. ... к.и.н. М., 2021. С. 47.

⁴ И.Ф. Шаховскому, [1881 г.] // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 139–140; Галимзянова Е.А. Указ. соч. С. 121–122.

⁵ А.А. Корнилову и Н.В. Харламову, октябрь 1885 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 197–198.

⁶ И.Ф. Шаховскому, [1881 г.] // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 140–141.

⁷ В.И. Вернадскому, 6 апреля 1882 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 144.

⁸ Кузьмина И.В., Лубков А.В. Указ. соч. С. 40–41.

⁹ И.Ф. Шаховскому, [1881 г.] // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 140.

¹⁰ Галимзянова Е.А. Указ. соч. С. 47.

¹¹ Там же. С. 86.

ход развития русского народа, его современное положение, потребности и желательное развитие в будущем. Мне хочется понять смысл и законы человеческой жизни вообще и проследить применение этого смысла и этих законов в русской жизни, в которой мне приходится действовать»¹. В 1885 г. Шаховской защитил магистерскую диссертацию «О языке Домостроя о. Сильвестра»².

В сентябре 1885 г. Шаховской, мечтавший о педагогической деятельности, по приглашению уездного дворянского предводителя Ф.И. Родичева приехал в г. Весьегонск Тверской губернии для заведования учебным делом в уездном земстве. Однако и здесь Шаховской некоторое время продолжал придерживаться прежних взглядов. На базе «Ольденбургского кружка» в 1886 г. родилось «Приютинское братство», которое вдохновлялось как толстовскими, так и народническими взглядами, но, соответственно, не разделяя революционных методов общественного переустройства. Шаховской попытался сформулировать программу братства в своей записке «Что нам делать и как нам жить?» (февраль 1886 г.). Формулировались 3 аксиомы: «Так жить нельзя», «Все мы ужасно плохи» и «Без братства мы погибнем». Князь подводил итог предыдущей эпохи: «Я думаю, что революционное движение в России, как такое общее дело лучшей части молодежи, – кончилось». Революционерам нужны были «партии, комитеты, дружины». Однако отныне возникали новые условия: «Борьба была внешняя, и связь требовалась внешняя. Теперь требуется не того. Теперь нужно *братство*, как свободное и любовное соединение людей, преследующих одни цели и работающих вместе» [здесь и далее: курсив авт. – Ф.Г.]³.

Шаховской призывал к мирному труду на благо общества, как физическому, так и умственному: «Я часть мира и должен трудиться не для себя, а для мира, Собственно, даже и нет вполне отдельных моих интересов от интересов мира. И только жизнь с миром и для мира может дать настоящее счастье и настоящую свободу. Ведь мир есть единое целое, которое мы должны любить (а иначе нехороша будет наша жизнь), и я – органическая часть не только своей семьи, своего сословия, своего государства, своего племени, даже не только органическая часть всего человечества, – а органическая часть всего мира». Любовь к человечеству в целом Шаховской ста-

¹ И.Ф. Шаховскому, 2–3 июля 1884 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 163–164.

² Галимзянова Е.А. Указ. соч. С. 137.

³ Ф.Ф. Ольденбургу и др. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 212–213.

вил на первое место¹. Влияние тогдашней публицистики народника Г.И. Успенского было вполне ощутимо. Князь писал: «Всякий человек прежде всего должен стараться сам жить свято, и, разумеется, если святую жизнь понимать правильно, этой своей святой жизнью он и принесет больше всего пользы. А для святой жизни совсем необходимо *трудиться*»². (Тут стоит отметить, что женившись в 1886 г. на А.Н. Сиротининой, бывшей курсистке, с которой познакомился еще в Петербурге на почве народного образования, князь выстроил семейный быт в Весьегонске весьма аскетично, в полном согласии со своими убеждениями. Супругу это серьезно тяготило и в физическом, и в душевном смысле³.)

Главным злом в записке Шаховского объявлялись рационализм и индивидуализм, почерпнутые российским образованным обществом на Западе. В этом тезисе автор ссылаясь на очень широкий круг авторитетов: А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, Г.И. Успенского, А.Н. Энгельгардта, К.Д. Кавелина. Необходимо было избавить себя и всю Россию от этих пороков. Шаховской заключал: «Простой народ не всегда сознает, что хорошо. Но до сих пор еще жизнь его построена на началах, противоположных началах рационализма и индивидуализма. Но с каждым днем к нему эти два начала все больше проникают, и если не найдутся люди, которые сознательно и словом, и делом укажут ему истину – он погибнет»⁴. В отчете перед земством в сентябре 1886 г. Шаховской отмечал, что «нет предмета в народной школе жизненнее и интереснее священной истории, в живых образах рисующей жизнь человечества как единого целого, его отношения к Богу, постепенное развитие форм семьи и общественности, и сообщающей то высшее нравственное учение, которое выработало человечество»⁵.

Однако активная и самозабвенная деятельность Шаховского в уездном земстве встречала противодействие местной администрации. Приходилось ездить на прием к министру народного просвещения И.Д. Делянову и обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву⁶. Именно это обстоятельство повлияло на эволюцию взглядов князя на политико-правовую сферу. Признавая влияние Родичева, Шаховской, тем не менее, отмечал наибольшее влияние

¹ Там же. С. 214–215.

² Там же. С. 216.

³ Кузьмина И.В., Лубков А.В. Указ. соч. С. 116, 131–132.

⁴ Ф.Ф. Ольденбургу и др. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 219–220.

⁵ Отчет князя Дмитрия Ивановича Шаховского // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 62–63.

⁶ Кузьмина И.В., Лубков А.В. Указ. соч. С. 116.

самой жизни: он указывал на позитивное значение земства и местного суда для крестьянского быта¹.

Первым, с кем Шаховской решил обсудить эту проблематику, оказался Ф.Ф. Ольденбург, обладавший среди друзей наиболее научным умом и имел репутацию лидера и главы кружка². Уже в октябре 1887 г. Шаховской писал удивленному корреспонденту, что над человеческими обязанностями доминируют порождающие их политические права: «Я прежде признавал только обязанности, т.е. на них смотрел, в ту сторону глядя, и об этом говорил. А теперь дошел до прав и вижу, какая важная человеческая обязанность добиваться для себя и других политических прав»³. Неожиданно для своих друзей⁴ Шаховской вдруг оказался более политизированным, чем наиболее склонные к этому Вернадский и Гревс. Однако Шаховской настаивал на том, что его либерализм имеет некую иную природу: «Для меня так всё яснее становится *необходимость принять либеральную программу*. И как странно это – я перескочил через Влад[имира] Ив[ановича] и Гревса, и они тянут теперь в другую сторону, как тогда, так и теперь понимая меня односторонне»⁵.

Князь-земец сформулировал концепцию либерального социализма, пытаясь совместить свои прежние взгляды с требованиями права и законности. Отзываясь о платформе журнала «Вестник Европы» и Родичева, Шаховской признавался И.М. Гревсу и его супруге: «Либерализм касается правовых отношений, и нет либеральной религии, философии, нравственности. И потому либерализм оставляет меня свободным во всем этом и не стесняет моей нравственности – поэтому все мои нравственные стремления вполне сохраняются, но только осложняются определенными стремлениями и к известным правовым отношениям. <...> Таким образом, либеральную программу я принимаю вполне, но она моих социальных, нравственных и религиозных взглядов не определяет и, следовательно, не изменяет»⁶.

В 1890 г. политическая программа Шаховского имела уже вполне четкий, законченный вид: политические свободы мыслились как основание для создания справедливого общества. Либерализм рассматривался как ступень к социализму. В письме А.А. Корнилову князь писал: «С постановкой вопроса о социализме, как преодоле-

¹ И.М. и М.С. Гревсам, 6–8 апреля 1888 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 239–240.

² Кузьмина И.В., Лубков А.В. Указ. соч. С. 63–66.

³ Ф.Ф. Ольденбургу, 16 октября 1887 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 210.

⁴ И.М. и М.С. Гревсам, 6–8 апреля 1888 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 237–238.

⁵ Ф.Ф. Ольденбургу, 14 марта 1888 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 227.

⁶ И.М. и М.С. Гревсам, 6–8 апреля 1888 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 240–241.

нии либерализма, я согласен вполне и даже не считаю нужным посвящать силы на доказательство этого. <...> И я, и все мы, конечно, социалисты по моему твердому убеждению. Я даже не могу себе представить, как мыслящий искренний человек из нас не был бы социалистом». Идеал по-прежнему был коллективистским: «Жизнь отдельной личности не имеет настоящего смысла. Только жизнь в человечестве имеет смысл, и всякий должен постоянно чувствовать себя частицей этого человечества и руководствоваться его интересами. <...> Жизнь людей только и может быть полной и счастливой при общинном строе». Однако это, по мысли Шаховского, либерализму не противоречило: «Вполне народными деятелями мы, разумеется, и можем сделаться только как социалисты. Но пока не разовьется личность, никакая вообще деятельность невозможна, возможны только стихийные движения». Развитие личности было необходимо для общественного прогресса, следовательно делался вывод: «Истинный либерализм и истинный социализм не противоречат, а дополняют друг друга»¹.

Сложнее было с экономической программой. Князь отрицал индивидуализм и капитализм². Он выступал против банковского процента. Шаховской отмечал: «По-моему, деньги являются такими же средствами порабощения, как прямое насилие над личностью, политический абсолютизм и капитализм в промышленности»³. Однако Россия имела определенный иммунитет против капитализма: «Общинным инстинктам русского народа я придаю значение громадное»⁴. При этом Шаховской также был против создания социалистической экономики по единой жесткой схеме и, в частности, против национализации земли⁵. Для мыслителя социализм был учением о справедливом обществе, способствующем развитию личности: «Я понимаю социалистические принципы именно как расширение прав человека»⁶.

Поэтому социализм по Шаховскому предполагал право пользования «продуктами только своего собственного труда» при господстве общей собственности⁷. В письме А.А. Корнилову содержался набросок экономической программы, который включал увеличение

¹ А.А. Корнилову, 23 октября, 2 ноября 1890 г. // Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 295, 296, 298, 299.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 292.

⁴ Там же. С. 303–304.

⁵ Там же. С. 296.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Там же. С. 296.

поземельного налога, создание общественных хозяйств при школах и земствах, выкуп в случае отчуждения земли, отмену выкупных платежей, социальную политику в отношении рабочих, а также «уничтожение милитаризма». Новую программу предстояло создать на основе новой правовой теории, которая тоже пока отсутствовала. Однако, по утверждению князя, только либерализм способен был «развить в народе *правосознание*, а без развитого *правосознания* всякая социальная реформа является деспотизмом». В связи с этим Шаховского угнетала «политическая *тупость*» социалистов, их «преступное равнодушие к формам политического строя»¹.

Можно сделать вывод о том, что в письме 1890 г. Шаховским был обозначен целый ряд положений будущей кадетской партийной программы. Многие члены кадетской партии, как и Шаховской, вышли из народнической среды². Народническое стремление к социальному равенству в конце 1880-х гг. стало сочетаться с борьбой за личные права как отправную точку освобождения. Подобный синтез стал формироваться как противодействие правительственной политике эпохи контрреформ. Помощь каждого всем трансформировалась в помощь всех каждому. На основе так понятой «теории малых дел» стал складываться социальный либерализм кадетского типа.

А.И. Нарезный³

П.Н. МИЛЮКОВ ОБ ИСТОКАХ КОНФЛИКТА ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ

Проблема взаимоотношений российской политической власти и интеллигенции в течение долгого времени остается одной из наиболее актуальных тем в отечественной историографии как в силу значимости влияния указанных сил на процесс исторического развития страны, так и по причине утвердившихся в общественных науках представлений о перманентном непримиримом конфликте

¹ Шаховской Д.И. Указ. соч. С. 303–310.

² Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 18–22, 62–63.

³ Нарезный Анатолий Иванович – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета.

между ними, следствием которого стала череда политических потрясений в стране в XIX – начале XX в., завершившихся крахом российской государственности. В современный период различные аспекты указанной проблемы рассматриваются на многочисленных научных конференциях, в публикациях представителей общественных наук, среди которых приоритетными для историков являются сюжеты о характере и особенностях взаимоотношений власти и интеллигенции на различных этапах российской истории.

Существующие в современной историографии оценки отражают два основных подхода, в рамках которых заявленная проблема рассматривается, соответственно, в рамках сотрудничества, или, напротив, конфронтации сторон. Позицию сторонников первого подхода достаточно полно выражает теория социальных полей французского философа и социолога Пьера Бурдьё, согласно которой указанный процесс отмечен взаимодействием представителей «из поля политики», а также из литературного, философского, академического и социального «полей» в общем пространстве производства идей, в результате которого происходит создание совместных проектов перспективного общественного развития¹. В общетеоретическом плане такой подход признается и в отечественной науке, поскольку, замечает А.С. Ахиезер, жить, добиваться успеха в современном мире «значит постоянно его интерпретировать, осмысливать, учитывать чужие смыслы в своих смыслах, влиять своими смыслами на смыслы других людей и групп, на их программы поведения и деятельности».²

Вместе с тем в литературе преобладают скептические оценки относительно возможности применения этих теоретических положений к характеристике отношений самодержавной власти и образованной части общества в дореволюционной России. Соответственно, история этих отношений рассматривается в контексте складывания и обострения противостояния, в рамках которого русская интеллигенция отмечена своей «противопоставленностью другим социальным явлениям». Обосновывая этот подход, Б.А.Успенский отмечает, что русская интеллигенция прежде всего «осмысляет себя в отношении к власти и к народу», при этом власти себя она «противопоставляет», а народу «служит». Отметим важное уточнение автора, состоящее в том, что хотя понятия интеллигенции о власти «с течением времени могут менять свое со-

¹ Бурдьё П. Социология политики. Пер. с фр. М.1993. С.37

² Ахиезер А. С. Специфика российской политической культуры и предмет политологии (Историко-культурное исследование)// Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 51

держание, на разных исторических этапах...могут приобретать совершенно различный смысл...», однако при этом «сама противопоставленность, сама структура отношений – сохраняется». По его мнению, «именно оппозиция «интеллигенция vs царь» лежит у истоков русской интеллигенции», более того, она «сформировала русскую интеллигенцию».¹

В этой связи отметим, что указанную мысль в той или иной редакции разделяют многие исследователи. Американский историк Р. Пайпс подчеркивает при этом роль и «всемогущество» русского государства, которое «сумело создать даже свою противодействующую силу»,² в то время как отечественный историк и философ Г.П. Федотов, напротив, выделяет склонность к противостоянию самой интеллигенции, которая, по его мнению, «целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825–1881) и, наконец, с народом против царя (1905–1917)».³ Эти нюансы в оценках имеют значение, однако не опровергают тезис, фактически общепринятый в отечественной историографии, о конфликте русской интеллигенции и власти в дореволюционной России. Существующие при этом различия в позиции отдельных авторов определяются, как правило, разным пониманием некоторых вопросов по истории самой интеллигенции.

В частности, принятие согласованной точки зрения затрудняет существующая в общественных науках неопределенность самого понятия «интеллигенция», вариантов которого в современной литературе насчитывают более 300⁴. Однако и при этом многообразии, замечает М.Ю. Лотман, «все сколько-нибудь добросовестные говорящие и пишущие о русской интеллигенции вынуждены констатировать трудность, а то и невозможность точного определения объема и содержания этого понятия»⁵, что, в конечном счете, затруд-

¹ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997 // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М.: О.Г.И. 1999. С. 6,8

² Пайпс Р. Россия при старом режиме. Пер. с англ. М.1980. С. 341

³ Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. // О России и русской философской культуре. Мыслители русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 421

⁴ Самарцева Е.И. Российская интеллигенция до октября 1917 г. (историогр. очерк). Тула. 1998.

⁵ Лотман М.Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции. Неаполь, май 1997 // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 107

няет выяснение вопроса о факторах и причинах конфликта представителей власти и интеллигенции.

В дореволюционной общественной мысли споры об особенностях возникновения и генезиса русской интеллигенции возникают в начале XIX в. и сопровождают развитие общественных отношений в стране вплоть до начала XX в., когда была предпринята попытка подвести некоторые итоги дискуссий по данной проблеме на страницах сборника «Вехи» и в многочисленных статьях их оппонентов, в ряду которых выделяется фигура П.Н. Милюкова, представившего на суд публики либеральную версию истории российской интеллигенции в контексте ее взаимоотношений с самодержавной властью в стране. В отечественной историографии его позиция подробного освещения пока не получила, несмотря на наличие в ней ряда оригинальных подходов и суждений, не утративших своего значения и в настоящее время.

Прежде всего отметим, что в спорах о понятии «интеллигенция» Милюков придерживался той точки зрения, что она представляет собой образованную «бессловную или, точнее, междусловную культурную среду».¹ Одновременно он уточнял, что определение «образованный класс» не является синонимом понятия «интеллигенция». Их взаимоотношение представляется Милюкову более сложным, в виде двух концентрических кругов, где «интеллигенция - тесный внутренний круг: ей принадлежит инициатива и творчество», в то время как «большой круг «образованного слоя» является средой непосредственного воздействия интеллигенции».² Такое определение, казалось бы, предопределяет авторскую датировку возникновения интеллигенции, соотнося ее со временем формирования в стране того самого «образованного слоя», однако в данном вопросе Милюков следует другой распространенной версии, признавая, как, впрочем, и некоторые авторы сборника «Вехи» (С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, М.И. Туган-Барановский)³, что русская интеллигенция является продуктом реформ Петра I, причем продуктом не случайным, поскольку «русская интеллигенция есть создание новой русской государственности». Как представляется, это уточнение не является случайным. С одной стороны, его можно объяснить необходимостью опровержения тезиса «Вех» о безгосударственности русской интеллигенции, однако с другой, эта мысль

¹ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Анти-Вехи. М. 2007. С. 211.

² Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М. 1995. С. 95.

³ Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. М. 1991. С. 45, 92, 421.

Милюкова имеет, по нашему мнению, и более широкий теоретический смысл, поскольку автор использует определение «новая государственность» для характеристики сущностных черт будущей, модернизированной России. «при насаждении» которой Петр I впервые собрал «кружок самоучек интеллигентов, призванных помогать ему...». Заслуживает внимания заявление Милюкова, что этим составом «непосредственных помощников власти» и исчерпывается круг интеллигентов «в первых поколениях», а также его оценка, что на данном этапе развития «эти интеллигенты все – государственники», которым принадлежат и «первые попытки официально ввести в России и воплотить в жизни господствовавшую тогда в Европе теорию государственного права».¹

Заметим, что в целом такая позиция о сотрудничестве представителей власти и интеллигенции при Петре I соответствует оценкам, сложившимся в отечественной историографии. В общем виде ее формулировал известный историк А.А. Кизеветтер, который констатировал, что император «работал не одиноко и не на пустом пространстве», хотя он и стал «впереди прогрессивного течения своего века».² Не вызывает особых возражений и признание в литературе опыта совместной деятельности властей и интеллигенции в течение всего XVIII века, хотя следует признать, что некоторые авторы обнаруживают уже в это время предпосылки будущих разногласий. В частности, по оценке декабриста М.А. Фонвизина, «люди истинно образованные, осмысленные, действующие не из рабского страха, а по чувству долга и разумного убеждения, – такие люди не могли нравиться Петру, а скорее должны были ему казаться свидетелями беспокойными и опасными для его железного самовластия, не одобряющими тех тиранических действий, которые он слишком часто позволял себе»³. По сути, соглашается с ним и сам П.Н. Милюков, признававший, что в людях Петр ценил прежде всего преданность, а потому ни на один ответственный пост «не ставил действительно подходящих людей, а назначал фигурантов, ничтожества, не имевшие никакого понятия о деле, которое должны были делать»⁴.

¹ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Сб.ст. СПб., 1910. С. 136.

² Кизеветтер А.А. Реформы Петра Великого в сознании русского общества // Русское богатство. 1896. № 10. С. 46.

³ Фонвизин М.А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР. М., 1990. С. 268.

⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 149–150

Современный исследователь объясняет такое положение тем, что «погоня за европейскими новшествами, осознание необходимости наук и построенного на их основе образования – с одной стороны, и консервация внутренних представлений, вытекающих из патримонильных устоев (вотчинного уклада) и ментальных особенностей народа – с другой, составили противоречивую константу идеологии петровской России».¹ По сути, сходную мысль выражает и Милюков, характеризуя состояние страны в эпоху преобразований. С одной стороны, он отмечает быстрый рост слоя образованных людей. Так было при Елизавете, «когда впервые явилось поколение молодежи, прошедшей правильную школу» и при Екатерине, «когда общественно философская идеология из высшей школы впервые начала проникать в высшие слои дворянства и в «мещанство» главных городов, когда впервые появилась русская книга в провинции». В результате, подчеркивает историк, «изменяются и размер, и характер интеллигентского воздействия...», которое, «начавшись с индивидуального, личного, кружкового, эмоционального и непосредственного...становится литературным, коллективным, рациональным и научным»².

Напоминая про дальнейшие шаги в XIX в., среди которых выделяются «первые зачатки общественного мнения, первые успехи толстого журнала, первые попытки общественных программ и политических организаций», Милюков подчеркивает, что «каждая новая ступень в развитии интеллигенции сопровождалась – или даже вызывалась – расширением круга приложения ее деятельности, увеличением количества участников этой деятельности, осложнением и конкретизацией самих целей приложения интеллигентского труда». В результате, «русская интеллигенция эпохи великих реформ и крестьянского освобождения работала, во всяком случае, уже на заранее разрыхленной почве», а потому, заключает Милюков, «если в памяти старейших из нас шестидесятые годы представляются какой то новой эрой, чуть ли не началом существования русской интеллигенции, то это не более как оптический обман, рассеиваемый ближайшим изучением»³.

Параллельно с этим процессом уже в XVIII в. развиваются и меняются отношения интеллигенции с властями. И если историк

¹ Черникова Т.В. Европейские идейные смыслы в контексте царской воли Петра I // Вестник РУДН. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 3. С. 333.

² Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. СПб., 1910. С. 94, 95

³ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Сб. ст. СПб., 1910. С. 90-91.

А.С.Лаппо-Данилевский считает «либеральные отношения просвещенного абсолютизма к зарождавшемуся русскому обществу» это время «апогеем развития»¹, то Милюков в своих оценках более сдержан. По его мнению, «кажущаяся гармония» в отношениях сторон продолжается только в первый период правления Екатерины II, в то время как во второй половине XVIII века историк обнаруживает кризис в этих отношениях. Представляет интерес, что его возникновение Милюков объясняет тем, что по его образному выражению, «дух времени» ушел вперед, а «дух власти подался назад», что породило «недоразумение со стороны общественного мнения и фальшь со стороны власти», следствием которой и стали «первые, более или менее мягкие столкновения императрицы с общественным мнением»².

Размышляя о причинах такого положения, Милюков выделяет два фактора. Первый из них обнаруживает черты некой борьбы за лидерство в процессе модернизации страны. Власть, в лице Екатерины II, настаивает на сохранении своего права определять, как и прежде, все и для всех в жизни страны. Для нее, признает Милюков, «суд и критика существовали...только в Европе. И тут она принимала всевозможные меры, чтобы повлиять на приговор». Что касается России, то здесь, по его мнению, «роли менялись. Судьей была здесь сама она, - она одна. Общество было подсудимым, призванным выслушать над собой строгий, но справедливый приговор».³ Однако к этому времени интеллигенция уже была не склонна была сохранять прежний характер отношений с властью, поскольку у ее представителей появляется свой взгляд относительно содержания новой государственности. Итогом такого расхождения выступают, по оценке Милюкова, «не суть столкновения между государственностью и противогосударственностью», а борьба «между двумя взглядами на государственность: историческим, начинающим себя оправдывать рационалистическими аргументами, и правовым, стремящимся к формальному ограничению самодержавия и к безусловному господству закона».⁴

В результате если раньше, в период от Петра I до Екатерины II, «слабо выделялись элементы, враждебные между собой, и все они

¹ Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. М., 1990. С. 6.

² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Национализм и европеизм. М., 1995. С. 283.

³ Там же. С. 293.

⁴ Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Сб. ст. СПб., 1910. С. 136 -137.

попадали под покровительство власти, ведущей реформы, то при Екатерине элементы критики «выделяются» и резко противопоставляют себя новой культурности, монополизированной привилегированным классом». Принципиальный характер имеет оценка Милюкова о том, что после некоторых колебаний между этими двумя «враждебными пониманиями» новой культуры власть «делает выбор не в пользу новой критики». Он объясняет такую позицию императрицы тем, что ей эта критика кажется и «бесполезной для практической жизни и бессильной против русской действительности». К тому же французская революция добавила к этому и опасения за судьбу монархии и крепостного права и, в итоге, новые критические идеи признаются уже не только лишними, но «вредными и опасными для российской действительности». Соответственно, заключает Милюков, «с этого момента начинается непрерывная традиция русской общественной критической мысли», а «представительство элементов критики переходит от власти к интеллигентному общественному мнению».¹

Таковы основные положения концепции П.Н. Милюкова о причинах и характере конфликта власти и интеллигенции в дореволюционной России. На фоне позиции других авторов по данной проблеме она представляется наиболее определенной в том смысле, что построена на признании основным критерием модернизационного процесса темпы следования сторонами новейшим тенденциям общественно-политического развития в странах Европы. И если имперская власть оказалась готова принять к реализации военно-экономические достижения европейских стран, то представители интеллигенции настаивают на более широком понимании сущностных сторон «новой государственности», что со временем фактически исключает, по мнению Милюкова, возможность совместной деятельности сторон в деле модернизации страны.

В этом отношении выглядит показательной оценка историком вклада сторон в эпоху «Великих реформ». Обращаясь к наиболее яркой странице модернизации России при Александре II, он заявляет, что «когда пришлось смотреть не в прошлое и не в будущее, а в настоящее — как это было в эпоху реформ, — на сцену опять явилось не славянофильство и не социализм, а либерализм, воскресший в одежде западничества и предложивший власти стройную, хорошо продуманную и блестяще исполненную программу ак-

¹ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч.3. М.1995. С. 251-252.

туальных «великих реформ»¹. В данном случае для характеристики взглядов Милюкова представляет интерес сравнение его оценки с заключением Б.Н.Чичерина, высказанным им примерно в то же время в работе «Россия накануне двадцатого столетия». Здесь также содержится весьма высокая оценка тогдашнего российского общества, в результате усилий которого «все совершенные преобразования созрели уже в общественном сознании; программы их были намечены в ходившей по рукам рукописной литературе; по важнейшим вопросам выработаны были целые проекты частными людьми». Вместе с тем в позиции авторов имеется и существенное различие, состоящее в том, что если у Милюкова роль имперских властей в осуществлении программы реформ на данном этапе не обозначена вовсе, то Чичерин, напротив, завершает свою характеристику указанием, что «для счастья России нашелся Государь, который...по собственной инициативе принялся за великую задачу, собрал вокруг себя лучших людей и исполнил все то, что было предначертано общественной мыслью».²

Д.В. Аронов³, В.И. Астрахан⁴

ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА ПАРЛАМЕНТА В ТЕОРИИ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НАЧАЛА XX в.

Одним из принципиально важных для самоидентификации носителя либерального мировоззрения моментов, как нам представляется, выступает степень принятия им, как личностью, как интеллектуалом, т.н. либерального символа веры. Традиционно он представлялся как единство двух базовых элементов: неприкосновенность частной собственности и институт прав и свобод человека. Данная формула служит неким шаблоном, показывающим принад-

¹ Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. Сб.ст. СПб.1910. С. 139

² Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин. 1900. С.12

³ Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

⁴ Астрахан Владимир Иванович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой национальной безопасности Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

лежность или отсутствие таковой того или иного актора политических процессов к либеральному лагерю.

При этом речь идет именно о личностном и интеллектуальном принятии данного ценностного ядра либерального мировоззрения. Политико-правовая практика и партийная программатика начала XX в., дала многочисленные примеры, когда и примат частной собственности, и права человека содержатся в этих программных материалах, но не более чем в качестве тактической задачи. Одним из вполне наглядных примеров выступает программа-минимум РСДРП(б)¹.

Полагаем, что для получения более адекватного инструментария для отделения зерен от плевел, а, скорее, агнцев от козлищ, логично использовать еще один компонент для либерального символа веры, а именно ненасильственность предлагаемых методов социального конструирования. Этот компонент выступает в качестве своеобразного водораздела между либеральной идеологией и словесной эквилибристикой иных политических сил. Последние лишь эксплуатируют позитивное восприятие социумом, или его значимой частью, неприкосновенности частной собственности, равно как и идеи реализации института прав и свобод человека.

Соответственно, при отказе от насильственного пути преобразования социума актор данного процесса неминуемо оказывается перед необходимостью выбора иного, по законам Аристотелевой логики, мирного, ненасильственного пути. В самом общем виде под этой формулой понимается всенародное волеизъявление. При этом под термином всенародное понимается та часть общества, которая была признана в социуме на конкретном этапе его исторического развития в качестве носителя политической власти.

Сразу же отметим, что ни либерализм в целом, ни его отечественная разновидность начала XX в., ни в коем случае не могут расцениваться как некая реинкарнация пацифизма. Для тех, кто мог тешить себя подобной иллюзией, холодным душем были слова основателя теории российского либерализма Б.Н. Чичерина, который писал: «Либерал, облеченный властью, – писал либеральный мыслитель, – поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции»². Однако повседневная практика госуправления и приемлемая интеллектуально и мораль-

¹ Второй съезд РСДРП (июль-август 1903 года): Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 420-424 // URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html#0002 (Дата обращения: 15.11.2024)

² Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 201.

но идеология теории и практики социально-политических преобразований это, как мы полагаем, принципиально отличные вещи.

Отсутствие в отечественной либеральной политико-правовой мысли, а, соответственно, и партийных программных документах насильственных способов воплощения в жизнь сценариев социального реформирования автоматически ставит вопрос о выборе альтернативных методов. В развитие базовой идеи В.В. Шелохаева о разработке отечественными либералами комплексной модели социально-политического преобразования России, был опубликован ряд работ в развитие данной теории. Одним из базовых концептов стало предположение об ориентации отечественного либерализма на использование для реализации собственной программы реформ потенциала государства, для чего предполагалось изменить целеполагание государственной деятельности посредством участия либералов в деятельности законодательной власти¹.

К этому же выводу мы можем прийти и при рассмотрении такого общепринятого института как разделение властей. В этом случае последовательное рассмотрение возможностей использования каждой из них в качестве инструментария даст нам тот же результат. Если говорить о власти исполнительной, то история фактически не знает добровольного отказа действующей власти от монополии на исполнительную власть. Если же говорить о судебной власти, то, кроме, более чем «маниловской», идеи, встречающейся в комментариях С.А. Муромцева к переводной работе о превращении судьи в «творца права», каковой своей повседневной деятельностью будет изменять российское право, придаст ему либеральное направление трансформации, ничего подобного практически не встречается².

Соответственно мы можем сформулировать исследовательскую гипотезу о предпочтении отечественными либералами в выборе парадигмы своей борьбы за реализацию либеральной модели социально-политического преобразования России получения контроля (значимого влияния) именно в сфере законодательной власти. Как показала история России, именно по этому пути и будут развиваться и программатика, и политико-правовая теория российского либерализма.

¹ См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906-1917 гг. М.: Юрист, 2005 и др.

² Муромцев С.А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9. С. 117.

В отличие от современных исследователей, которые, как говорится, «живут в конце фильма» и критикуют позицию российских либералов исходя из событий последующей истории, российские либералы жили в современных им обстоятельствах, создавая на основе собственных умозаключений желаемый образ будущего¹. Это, соответственно, придавало их работам ориентацию на потребности текущего момента, отражая конкретные аспекты социально-политической ситуации в России, что и нашло своё отражение в их политико-правовом и законотворческом наследии.

Представляется, что вполне типичным и, вместе с тем, наверное, наиболее высокофундированным трудом в части структуры будущего парламента в контексте реализации в теории базовых либеральных ценностей, выступает работа Б.А. Кистяковского 1907 г.² В его анализе практики становления парламентских структур красной нитью проходит мысль о наличии сущностной взаимосвязи наличия верхней палаты с конкретными условиями формирования органа представительной власти в конкретной стране. Начиная свою работу с выявления уровня эффективности однопалатного парламента, рассматриваемого в качестве непосредственного наследника учредительного собрания, он приходит к выводу о неэффективности данной схемы, что само по себе весьма симптоматично. Причины этого кроются в том, что учредительное собрание по своей природе решает задачи отличные от тех, каковые встают перед классическим парламентом.

Как исследователь Б.А. Кистяковский не принимает выведение оптимальной структуры парламента исключительно из теоретических и логистических построений. Анализируя опыт, уходящий в XVIII в., он отмечает, что однопалатная структура выводится из формальных законов логики. «Вопрос об одной или двух палатах народных представителей до сих пор ставится и решается обыкновенно чисто рационалистически, отмечает Б.А. Кистяковский, – сторонники каждой из двух систем стараются подыскать аргументы, которые доказывали бы, что более разумна именно отстаиваемая ими система. Однако чисто рационалистически этот вопрос был вполне определенно решен в пользу одной палаты еще рационалистами XVIII в. Ведь большинство аргументов от разума, несо-

¹ См. Аронов Д.В., Аронова С.А., Астрахан В.И. Образ будущего в политико-правовой мысли российского либерализма конца XIX – начала XX в. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6. № 3. С. 842–866 и др.

² Кистяковский Б.А. Как осуществить народное представительство ? // 1907. № 3 (март). Ч. I. С. 113-134; № 4 (апрель). Ч. II. С. 156-168.

мненно, говорить за единство народного представительства, а не за его двойственность»¹.

Однако неудачная практика ряда попыток реализации парламентского строя правления в XIX в. обратила внимание к причинам устойчивости двухпалатной, прежде всего, английской системы. Однако объяснить двухпалатную систему рационалистически невозможно, ибо она иррациональна по своей природе. «Но именно рационалистические аргументы в пользу двухпалатной системы чрезвычайно слабы, – отмечает Б.А. Кистяковский, – двухпалатное народное представительство создано и развилось не в силу веления разума, а чисто историческим путем. Поэтому оно имеет, по преимуществу, иррациональный характер. Попытки рационализировать эту систему и доказать ее разумность всегда страдают известными натяжками и очень мало убедительны»².

Признавая научное и логическое превосходство теории однопалатного парламента, он справедливо указывает, что двухпалатная система «представляет необходимый компромисс, который на известной стадии исторического развития даже при самых различных политических условиях является наилучшим исходом».³ Более того, данное обстоятельство вовсе не снижает ценности конкретного компромисса, т.к. современный конституционализм и есть, по сути, результат определенного конкретными обстоятельствами политического компромисса.

Общий вывод Б.А. Кистяковского близок к положению Г. Гегеля о том, что практика есть критерий истины. «Но этому теоретическому решению вопроса не соответствует практическое, – читаем мы в его статье, – можно положительно утверждать, что еще не найдена такая организация народного представительства, при которой единое народное представительство могло бы быть осуществлено в обширном государстве, как прочное и нормально функционирующее учреждение»⁴.

Отсюда и вполне логичный его общий вывод: «Итак, народное представительство в чистом виде необходимо должно быть двухпалатным, – завершает он свою статью, – однако, последовательное проведение чистого принципа представительства требует, чтобы обе палаты были избираемы путем всеобщего голосования. Напротив, создание единого собрания народных представителей

¹ Кистяковский Б.А. Как осуществить народное представительство ? // 1907. № 3 (март). Ч. I. С. 113.

² Там же. С. 114.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 115.

осуществимо только при переходе от представительного образа правления к непосредственной демократии»¹.

Особое значение эти вопросы обретают в период становления общественно-политических движений, перехода к новым организационным формам существования. В данном случае формы будущего парламента отражали принципиальную позицию соответствующего политического течения по вопросам типологии реформирования социально-политического строя страны.

Еще одним обстоятельством, формировавшим позицию российского либерализма по оптимальной структуре парламента, а в случае двухпалатной структуры по распределению соответствующих полномочий, выступала его изначальная ориентация на государство, как главного средства социального реформирования страны. Сформулированная Б.Н. Чичериным концепция охранительного либерализма также подталкивала отечественных либералов к особому вниманию к месту, роли и структуре будущего парламента, нормам, определяющим объем принадлежащих ему полномочий.

История российского либерализма знает сравнительно короткий период, когда законотворческая работа касалась практически всех сфер жизни общества, в т.ч. и основ государственного устройства страны². На основе материалов либерального конституционного законотворчества мы можем говорить и о степени восприятия либеральными проектами Основного закона России как идеи доминирования ненасильственных способов социального конструирования, так и места в этом процессе законодательной власти вообще и типологии организации парламента в частности.

На настоящий момент мы располагаем рядом текстов либеральных проектов Основного закона, которые содержат статьи, регулирующие интересующие нас общественные отношения. В их числе т.н. «освобожденческий» проект³, который изначально создавался в агитационно-пропагандистских целях. Формально, практически его полной копией выступал т.н. «харьковский» проект. Проведенный нами текстологический анализ склоняет именно к подоби-

¹ Там же.

² Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 9.

³ Вышел под названием «Основной государственный закон Российской Империи». См.: Освобождения союз // Словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] // URL: <http://be.sci-lib.com/article075133.html>; Также существовало, но не получило распространение наименование проекта «земский» Кокошкин Ф.Ф. Биография [Электронный ресурс] // URL: <http://ibyu.narod.ru/kokosh.html> Дата обращения: 10.05.2022 г.

ному выводу, что, однако, не означает полного совпадения смыслов¹.

Хронологически близок к «харьковскому» и т.н. «герценштейновский» проект или проект Московской городской думы². Это самый «неизвестный» по степени достоверной информации об авторах и условиях создания конституционный проект.

Наиболее отработанным либеральным проектом, является т.н. «муромцевский» проект³, выражавший, как нам представляется, как политическую догму российского либерализма, так и его «символ веры».

Заметно своеобразие Проекта Государственной думы, составленного Екатеринославским земством⁴. В нем подчеркнута нежелательность однопалатного парламента, который назван «однопартийной системой», что потенциально ведет «к особой близости власти и общественного мнения и повлечет за собой колебания в государственной жизни». Выбор был сделан в пользу двухпалатного парламента, верхняя палата которого «сделала бы более устойчивым и правильным ход государственной жизни» и подстраховки в виде прежнего, отчасти реформированного, Госсовета.

Соответственно, все указанные проекты ориентированы именно на участие либерального политического лагеря в законодательной власти, реализуя, тем самым, мирный характер либерального социального конструирования. Таким образом, все проекты ориентированы на двухпалатный парламент.

Итоговым проектом российского либерализма стал текст Основного закона, персонифицированный с именем С.А. Муромцева. Главное отличие этого проекта скорее в структуре, рассчитанной на инкорпорацию либеральных разработок в имперское законодательство, чем в принципиальном отличии предлагаемой конструкции законодательной власти.

Мы вполне можем говорить о том, что «муромцевский» законопроект основывался на общетеоретических выводах о преимуществах двухпалатной системы в переходный, кризисный период.

¹ Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества – место и роль в либеральном конституционном законотворчестве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60-64.

² См.: Проект Основного закона Московской городской думы // Право. 1905. № 21 (29 мая). С. 1735-1746.

³ См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384-406.

⁴ См.: Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая (№ 21). Стб. 1746-1750.

Верхняя палата выступала в своём роде механизмом, способным компенсировать возможную радикализацию нижней палаты, избираемой всеобщим голосованием.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что российская либеральная политико-правовая мысль начала XX в. как содержательно, так и алгоритмически сгенерировала сценарий ненасильственной реализации либеральной модели преобразования страны. В его основе лежало вхождение либеральных политических сил во власть законодательную. Последняя же, что нашло отражение как в либеральном теоретическом наследии, так и в корпусе либеральных конституционных проектов, а, равно, либеральной партийной программатике, строилась по двухпалатному принципу. Последнее, хотя и расходилось с «чистой» теорией либеральных преобразований, но отражало реалии развития социально-политической ситуации в стране.

Непредвзято оценивая компромиссную природу российского парламентаризма¹, российские либеральные круги стояли на позициях безальтернативности мирных способов социальных преобразований общества. Соответственно за эти рамки носители отечественной либеральной идеи не вышли даже в условиях крайней опасности для институтов российского социума в целом. Полагаем, что эта проблематика достойна отдельного исследования.

Если же говорить о времени, когда в либеральной среде мы видим следы определенных настроений использовать революционное движение как средство, ускоряющее достижение продекларированных либеральных целей, то вполне уместны слова о том, что отдельные либералы, конечно, ошибались, но либерализм в целом оказался прав.

С.А. Аронова², П.А. Калугин³

¹ Дёмин В.А. Верхняя палата Российской империи. М., 2006; Дёмин В.А. Государственный совет Российской империи: состав, полномочия, структура, механизм функционирования: 1906 – 1917 гг. Дисс. ... д.и.н. М., 2007.

² Аронова Светлана Анатольевна – доктор экономических наук, профессор, директор департамента международных связей Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

³ Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В НАЧАЛЕ XX в.

Рубеж XIX-XX вв. – особая эпоха для расширения государственного регулирования экономики в наиболее развитых странах мира, включая Россию. Именно в этот период концепция невмешательства государства в хозяйственную жизнь (*laissez-faire*), господствовавшая на протяжении XVIII-XIX вв., начинает отходить на второй план в силу различных причин и обстоятельств. Начинается отход от принципов «*laissez-faire*», происходит постепенное осознание необходимости государственного вмешательства. Экономическая проблематика все больше входит в круг вопросов, по которым ведутся активные дебаты в парламентах многих европейских стран и в США. Не стала исключением и новорожденная Государственная Дума Российской империи.

Кроме того, развитие парламентаризма и расширение функционала парламентов влияют на данные процессы и ускоряют их.

Данная мейнстримовская тенденция не обошла и российскую практику начала XX в., где в деятельности Государственных Дум в 1906-1917 гг. увеличивается количество обсуждаемых экономических вопросов. Это было естественным запросом общества, которое воздействовало на практику государственного управления через национальные парламенты.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу взаимодействия парламентариев, правительства и представителей общества в рамках выдвижения и решения проблем хозяйственной практики, следует отметить, что, несмотря на длительность господства концепции невмешательства государства в хозяйственную жизнь (*laissez-faire*), многие исследователи предшествующих столетий не исключали полностью необходимость государственного регулирования. Применительно к европейской экономической мысли здесь уже можно упоминать меркантилистов, в основе учения которых явно обосновывалась экономическая роль государства в области поддержания активного торгового баланса. Аналогичной позиции придерживался в России И.Т. Посошков, который предлагал ряд конкретных мер, нацеленных на поддержание отечественной экономики¹.

Среди последующих наиболее известных экономистов, не отрицавших роль государства в экономике, можно упомянуть Адама

¹ Брикнер А.Г. Иван Посошков // Соч. А.Г. Брикнера. Ч. 1. СПб.: тип В.С. Балашова, 1876. С. 199-200.

Смита, которого считают чуть ли не главным рупором экономического либерализма (возможно благодаря тезису: «Государства нужно в экономике не больше, чем нужно»¹), Д. Рикардо, Дж. Миль. Первый признавал необходимость государственного управления для обеспечения не только внешней безопасности, но и внутренней, обеспечивающей членам общества возможность стабильного хозяйствования и развития, предполагал возможность расширения государственных функций². Но, тем не менее, это, скорее было допущением возможности государственного регулирования, чем его обоснованием. Однако, на рубеже XIX-XX вв. уже становилось явным, что повторяющиеся периоды инфляции и безработицы, начавшиеся мировые экономические кризисы, появление монополий, активизация профсоюзного движения и иные процессы требуют расширения сферы государственного управления и более активного вмешательства государства в экономическую жизнь.

Анализ партийных и парламентских документов дает возможность выявить как общее, так и специфическое с позиций экономико-исторической компаративистики в развитии как проблематики, так и вырабатываемых решений, что представляет интерес как ретроспективного плана, так и в контексте современной ситуации.

К основным экономическим вопросам, актуальные для рассмотрения в парламентах в начале XX в, можно отнести следующие: трудовое законодательство (ограничение рабочего времени, социальное страхование, деятельность профсоюзов, право на экономические забастовки и прочее); антимонопольную политику; протекционистские меры и степень открытости торговли; поддержку национальной промышленности, банков; проблемы налогообложения; бюджетные вопросы и аграрный вопрос. Однако степень их значимости в парламентах разных стран отнюдь не одинакова, что вполне укладывается в концепцию различий социально-экономического уровня развития и влияния материальных условий на политические дебаты. Если систематизировать по уровню значимости экономическую проблематику в табличном виде, то мы можем получить следующий контекст (см. таблица 1).

Таблица 1. Сопоставление круга экономических вопросов в парламентах России, Европы и США (по степени значимости)

Россия	Европа	США
Аграрный вопрос	Бюджетное регулирова-	Антимонопольное регули-

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 513.

² Там же. С. 511-513.

	ние	рование
Финансовое законодательство	Трудовое законодательство	Финансовое законодательство
Трудовое законодательство	Аграрный вопрос	Протекционизм
Бюджетное регулирование	Антимонопольное регулирование	Трудовое законодательство
Протекционизм	Финансовое законодательство	Бюджетное регулирование
Антимонопольное регулирование	Протекционизм	Аграрный вопрос

Если в России на первое место (особенно в I – III Государственных Думах) явно выходит аграрный вопрос, то в парламентах европейских стран и США он имеет куда меньшее значение, а вот проблематика антимонопольного регулирования, весьма активно обсуждаемая в США, практически не поднимается. Все это укладывается в концепцию А. Гершекрона о трех эшелонах развития мирового капитализма, согласно которой страны первого эшелона (страны Северной Америки и Западной Европы), к началу XX в. уже прошли многие этапы формирования экономических отношений, поскольку к модернизации они приступили с XIV в.), а Россия и страны Восточной Европы, вкупе с Турцией и Японией, чуть с опозданием проходили аналогичные процессы, поскольку относятся ко второму эшелону, присоединившемуся к преобразованиям с конца XVIII - середины XIX вв.¹ Это обусловило и несколько разную роль государства в экономике: от заметной в Западной Европе и США, до значительной в Восточной Европе, России, Турции, Японии. Государственная Дума России отличалась от ее западных парламентов ограниченностью в правах.

Актуальность дискуссий экономического толка, по которым все действующие партии России вырабатывали свою программу, определялась мейнстримом модернизации российской экономики, и определенной незавершенностью реформ 60-70-х гг., XIX в. в первую очередь, аграрной и финансовой.

Таблица 2. Динамика экономической проблематики в I-IV Государственных Думах России в 1906-1917 гг.

I Государственная Дума	II Государственная Дума	III Государственная Дума	IV Государственная Дума
-------------------------------	--------------------------------	---------------------------------	--------------------------------

¹ Herschenkmn A. The approach to European industrialization: a postscript // Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1962. P. 353—364.

24 апреля - 8 июля 1906 г.	20 февраля – 2 июня 1907 г.	1 ноября 1907 г. – 9 июня 1912 г.	15 ноября 1912 г. - 6 октября 1917 г.
499 депутатов: кадеты – 161, трудовики -97, мирнообновленцы - 25, социал-демократы – 17, партия демократических реформ – 14, прогрессисты – 12, беспартийные – 103, партия союза автономистов - 70	518 депутатов: трудовики – 104, кадеты – 98, социал-демократы - 65, эсеры – 37, правые – 22, народные социалисты – 16, умеренные и октябристы – 32, беспартийные - 50, национальные группы - 76, казачья группа – 17, партия демократических реформ - 1	442 депутатов: октябристы - 136, националисты -90, правые -51, кадеты – 53, прогрессисты и мирнообновленцы – 39, социал-демократы - 19, трудовики – 13, беспартийные – 15, националисты - 26	442 депутатов: октябристы - 98, националисты и умеренные правые - 88: группа центра - 33, правые - 65, кадеты - 52, прогрессисты - 48, социал-демократы – 14, трудовики – 10, беспартийные -7, национальные группы - 21
Основные экономические вопросы - аграрный	Основные экономические вопросы - аграрный	Основные экономические вопросы – аграрный; рабочее законодательство; бюджетное регулирование	Основные экономические вопросы –бюджетное законодательство, протекционизм
Затрагиваемые экономические вопросы – бюджетный вопрос; - рабочее законодательство; - финансовая помощь	Затрагиваемые экономические вопросы: - Бюджетное регулирование; - -рабочее законодательство; финансовая помощь	Затрагиваемые экономические вопросы: протекционизм; налоговое законодательство; помощь промышленности и торговле	Затрагиваемые экономические вопросы : аграрный вопрос, рабочее законодательство, налоговое законодательство, биржи, государственные займы

Анализ деятельности I-IV Государственных Дум России в 1906-1917 гг. и активность рассмотрения экономических вопросов в динамике показывает наличие определенной эволюции, которая отражена в таблице 2.

Аграрная проблематика продолжала оставаться центральной среди всех экономических вопросов, начиная с первой Думы до 1917 г. включительно, что соответствовало как чаяниям общества, так и интересам многих представителей власти имущих, допущенных в Думу. Однако, интенсивные процессы индустриализации в России в конце XIX столетия активизировали так называемый «рабочий вопрос», связанный с продолжительностью рабочего времени, с регулированием экономических забастовок, страхованием, легализацией деятельности профсоюзов и т.п. Это укладывалось в парадигму общеевропейской повестки, поскольку процессы, связанные с развитием промышленности, протестным движением ин-

дустриальных рабочих и необходимостью регулирования труда и доходов пролетариев были весьма характерны для многих партий и парламентов в Европе.

Не исключением в рамках взаимодействия парламентариев, членов Правительства и российского общества были дебаты по поводу бюджета, финансовой помощи, деятельности банков, финансовых преобразований (особенно обсуждение целесообразности деятельности С. Витте). Большое значение в рамках финансовых приоритетов играли вопросы протекционизма, налоговой политики. Изменение таможенных тарифов и пошлин объективно было обусловлено теми инновационными преобразованиями в аграрной сфере, в промышленности и торговле, в центре и на национальных окраинах, продолжением колонизации, модернизации денежной системы. Государственная дума в рамках обсуждения названного круга экономических проблем вынуждена была лавировать между интересами различных экономических и поэтических агентов.

Не стоит недооценивать участие Государственной Думы в рассматриваемый период в воздействии на финансовую политику страны. Законодательство свидетельствует о наличии у нее полномочий в области утверждения государственной росписи доходов и расходов. Дума могла отчасти контролировать и внешние заимствования государства. В тоже время наличие многих ограничений данных полномочий (например законодательные органы не могли обсуждать кредиты на расходы Министерства императорского двора и собственной его императорского величества канцелярии, сверхсметные кредиты на военные потребности, в доходной части – цены на алкоголь и тарифы железных дорог; ряд иных расходов и доходов), противоречия с представителями российского правительства, включая фигуру министра финансов, наличие разногласий с весьма консервативным Государственным Советом фактически привели к тому, что существенная часть доходно-расходной части бюджета оказались вне ведения Думы. Так при формировании бюджета треть его резервировалась правительством России, вето Думы по чрезвычайным расходам также достаточно легко обходилось. Именно утвержденные еще до начала работы первой Государственной Думы 8 марта 1906 г. Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов явились основанием новой бюджетной политики страны¹.

¹ Высочайше утвержденные правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не

Попытки исправить положение (например, проект по расширению полномочий Думы в области структуры расходов и доходов бюджета страны, предложенный в ноябре 1907 г. 40 кадетами при поддержке октябристов) оказались безуспешны. Проблема же внешней задолженности была весьма актуальна. В период, когда П.А. Столыпиным занял пост председателя Совета Министров, одновременно реализовано завершение получения самого крупного в истории России внешнего государственного займа – 5% займа 1906 г. В итоге, в конце 1906 года внешний долг России составлял огромную величину – 2285361026 рублей¹.

Взаимодействие законодательной и исполнительной власти было достаточно противоречивым в период деятельности четырех Государственных Дум, что сказывалось на эффективности решаемых вопросов. Следует, однако, отметить, что уровень противостояния по многим вопросам имел тенденцию к понижению при решении экономических проблем на протяжении 1906-1917 гг.

К основным экономическим вопросам, рассматриваемым в I Государственной Думе в поставленном контексте, можно отнести следующие: в рамках аграрного вопроса – отмену выкупных платежей и передачу земель в собственность; в рамках рабочего законодательства: размер заработной платы и отмена штрафов; в области бюджетных вопросов – функционал Государственной Думы в области бюджетных расходов и проблема сбалансированности бюджета; вопросы одобрения финансовой помощи промышленности и торговле, а также пострадавшим от неурожая.

Ключевым был аграрный вопрос, а точнее такой его аспект, как принудительное отчуждение частновладельческих земель. С 15 мая по 6 июня 1906 г. парламентарии рассматривали проекты земельной реформы с целью передачи их в аграрную комиссию. Фактически он стал основанием того, чтобы в течение нескольких недель после начала работы между Думой и правительством произошел разрыв. Законопроекты аграрной реформы, помимо правительственного, были выдвинуты на обсуждение Первой Думы следующие: правительственный, проект кадетов, проект трудовой группы, проект фракции социалистов-революционеров.² Совет Министров объявил в сообщении, что принудительное отчуждение способно нанести вред самим крестьянам и фактически объявил о реформе

предусмотренных от 8 марта 1906 г. // ПСЗРИ 3-е. Т. XXVI. Отд. 1. № 27505. С. 223–225.

¹ Ежегодник Министерства финансов. 1869 – 1916. Спб.: 1909. С. 238–239.

² Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы. М.: РОССПЭН. 2006. С. 656.

в правительственной интерпретации. Дума, в свою очередь, сочла, что исполнительная власть не может не подчиняться законодательной. Принятый Думой проект аграрного закона, в рамках которого крестьяне смогли бы получить арендуемые земли за компенсацию, которую парламентарии сочли «справедливой», и направленный правительству в форме запроса, был отклонен, что вызвало кризис и вынесения вотума полного недоверия Совету Министров. Вскоре, 8 июля 1906 г., Дума была распущена.

Фактически из всех экономических законопроектов был принят только один – об ассигновании 15 миллионов рублей в помощь населению губерний, пострадавших от неурожая. Сама процедура его принятия в условиях жесткой конфронтации между Государственной Думой и Правительством достаточно интересна и показала возможность достижения компромисса. Проект был инициирован Правительством. Продовольственная проблема фактически поставила перед Думой проблему необходимости дать средства правительству, которое не пользовалось ее доверием, что противоречило принципиальной позиции Думы, но невыдача средств восстанавливало против Думы голодающее население и давало фору основному органу исполнительной власти. В итоге документ прошел обе палаты, хотя объем помощи был иным, чем запрашивало правительство. В итоге принятый законопроект стал нормативной основой для оказания своевременной помощи голодающему населению¹.

Что касается остальных экономических вопросов (например, проблем регламентации трудовых отношений), то в рамках сессий они не рассматривались, несмотря на наличие обещаний, значимость в революционных событиях 1905-1907 гг. и отражения в соответствующих запросах. Главной причиной такого положения можно назвать конфликтное противостояние правительства и нового законодательного органа.

К основным экономическим вопросам, которые были затронуты во второй Государственной Думе в анализируемом смысле, можно отнести следующие: в рамках аграрного вопроса – передача земель в собственность и проблема крестьянской задолженности; в рамках рабочего законодательства: ограничение рабочего времени и урегулирования права на экономические забастовки; в области бюджетных вопросов – ограничение преференций окраинам и проект изменения денежной системы; вопросы оказания финансовой

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. 1906 г. Ч. 2. СПб., 1906.

помощи кустарной промышленности и агропромышленным предприятиям.

Аграрный вопрос во II Государственной Думе по-прежнему оставался главным; каждая фракция представила свой проект и вокруг этого вопроса развернулись основные дебаты. Вторая Государственная Дума также занималась рассмотрением продовольственного вопроса, принимала Государственный бюджет на 1907 г., рассматривала другие проблемы экономического толка. Как ни парадоксально, среди получивших силу закона законопроектов (3), два качались снова помощи пострадавшим от неурожая. О том, что законодательная власть и исполнительная вновь не находят общего языка свидетельствует такой факт: правительством России в Думу было внесено 287 законопроектов (включая бюджет на 1907 г., законопроект об ответственности чиновников, аграрной реформе и другие), из которых было одобрено только 20. Вопросы трудового законодательства, включая рабочее время, по-прежнему на сессиях не рассматривались, несмотря на обсуждение в комиссиях. Фактически, законодательная деятельность российского парламента, как вновь созданного законодательного органа, была ограничена субъективными и объективными причинами. Противоборство законодательного и исполнительного органа не позволяли проводить эффективную работу по почти всему спектру экономических вопросов, включая рабочее законодательство.

Государственная Дума III созыва начала работать 1 ноября 1907 г. Основные экономические вопросы, которые были затронуты во время куда более продолжительной деятельности третьей Государственной Думы – это следующий перечень: в рамках аграрного вопроса – по-прежнему, передача земель в собственность и появившаяся проблема сельской общины; в рамках рабочего законодательства: более эффективная попытка ограничения рабочего времени, урегулирования права на экономические забастовки, подняты вопросы социального страхования; в области бюджетных вопросов – законопроект об изменении бюджетного правила от 8.03.1906 г., проблема бюджетных приоритетов и покрытия бюджетного дефицита; обсуждаются протекционистские меры, а именно: пересмотр таможенных тарифов, отмена беспошлинного ввоза ряда товаров и закрытие порто-франко на Дальнем Востоке; также обсуждаются проблемы, которые направлены на поддержку промышленности и торговли, а именно: новый порядок открытия торговых и промышленных предприятий, налоговая реформа.

Уровень конфронтации законодательной и исполнительной ветвей власти в России стал затихать. В итоге, Государственная дума одобрила целый ряд правительственных законопроектов, в частности – в области налогообложения. За период деятельности III Думы, например, выросла оброчная подать в Сибири, земельный налог на Кавказе, были надбавлены гербовые сборы. Все эти мероприятия проводились с одобрения соответствующих комиссий и парламентариев¹. Но модернизация налоговых законов не изменили пропорции между прямыми и косвенными налогами, как ожидали ряд депутатов. Преобладание последних было очевидным.

Важным итогом деятельности Государственной Думы, связанной с регулированием трудовых отношений, стали законы по страхованию рабочих в случаях травматизма, инвалидности, заболеваний (законопроекты «О страховании рабочих от несчастных случаев» и «Об обеспечении рабочих на случай болезни»). Законопроекты были приняты². Они получили одобрение и со стороны промышленников. Это было отмечено в журнале «Промышленность и торговля»³. 10–11 января 1912 г. 23 июня 1912 г. Законы были подписаны царем Николаем II⁴. Ради справедливости следует отметить, что поскольку в законах не были указаны сроки вступления их в силу, никто не торопился на практике с их фактической реализацией. В целом они достаточно прогрессивны для своего времени, в их основу фактически заложены принципы социального партнерства.

Что касается отражения интересов промышленников и торговцев в Думах всех созывов, то наиболее значимой думской комиссией, от деятельности которой зависело исполнение намерений российских предпринимателей, была финансовая. В силу этого такая фракция как октябристы ввели в нее наиболее значимых своих представителей, а также возглавили ее. Например, пост председателя финансовой комиссии на протяжении всего срока полномочий III Думы последовательно занимали члены «Союза 17 октября», сначала М.М. Алексеенко, затем Г.Г. Лерхее. В данное время активность работы комиссий была наиболее заметной.

¹ Государственная Дума. Третий созыв: стеногр. отчет. Сессия вторая. Ч. 4. СПб.: Гос. типогр., 1909.

² Государственная дума. 3-й созыв. 5-я сессия: стенограф. отчеты. СПб., 1912. Ч. 2. С. 67, 107.

³ Промышленность и торговля. № 1. 1908. С. 24.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Пг., 1915. Т. XXXII. № 37446. С.855-868, 868-882.

К основным экономическим вопросам, рассматриваемым в четвертой Государственной Думе в поставленном контексте, можно отнести следующие: бюджетное законодательство (вопросы налогообложения и добавочных доходов; вопросы открытого утверждения использования средств; размер бюджетного дефицита); протекционизм (защита собственной промышленности и торговли; поддержка коммерческих банков); рабочее законодательство (социальное страхование; рабочее время; профсоюзы); государственные займы (объемы займов, бюджетное правило; целевой характер займов). Четвертая Дума продолжила разработку проекта реформы обложения наследственных имуществ. Налогообложение национальных окраин, Сибири и Дальнего Востока увеличилось, вопреки стремлениям либеральной части депутатов создать единую систему государственных тарифов и налогов, несмотря на вполне обоснованную идею о единой системе государственных тарифов и налогов. Полагается, что причина этого – улучшение состояния государства в финансовом плане после получения значимых урожаев 1909 и 1910 гг.

Это только краткий вариант перечисления наиболее значимых проблем экономического характера, обсуждение которых связано как с политической позицией парламентариев, так и с ориентацией на определённые электоральные группы.

Следует иметь в виду, что состав парламентариев существенно менялся от одной Думы к другой, что не могло не сказываться как на круге обсуждаемых экономических вопросов, так и предлагаемых мероприятиях, связанных с решением этих вопросов.

Анализ изменений субъектного состава парламентариев четырех Государственных Дум, помимо политической ориентации, позволяет выявить как минимум следующие тенденции:

- ✓ более молодые по возрасту I и II Государственные Думы, рост среднего возраста в III и IV Государственных Думах;
- ✓ рост образованности парламентариев;
- ✓ изменчивость социального состава депутатов в Думах;
- ✓ существенная разница между представителями города и деревни;
- ✓ несоответствие национального, религиозного и гендерного представительства.

Интересным является то, что первая российская Дума оказывается «моложе» парламентских сообществ Запада. В то время, как

в германском рейхстаге и во французской палате доля народных представителей в возрасте до 35 лет представителей составляла всего 5%, в первой Государственной Думе России эта доля была около 20%. Что касается старящих возрастов, то доля парламентариев в возрасте свыше 60 лет среди депутатов в Германии и Франции была в районе 17–22%, то среди в нашей стране их было 3%¹.

Основой анализа состава парламентариев в Государственных Думах России в 1906-1917 гг. являются исследования Н. Бородин, А. Смирнова, Н. Иорданского, Д. Стаховича, Н. Энгельгард и ряда других.

Изучение возраста представителей депутатского корпуса в первой Государственной Думе показывает, согласно исследованиям Н. Бородин следующее: депутатов менее 30 лет – 7,3%; в возрасте от 30 до 40 лет – 40,4%; в возрасте от 40 до 50 лет (37,2%); в возрасте от 50 до 60 лет (12,0%); в возрасте более 60 лет (3,1%)². Если следовать современным теориям, то тот факт, что более 75% народных избранников Государственной Думы находилось в расцвете физических и умственных сил, характеризует ориентированность российского выборщика на реформаторский парламент. Следует отметить, что средний возраст лиц, входивших в этот же период времени в Государственный Совет, составлял более 50 лет. Психологически это определяет некую разницу в системе принятия решений и возможность конфликтов, что фактически было реализовано. А. Смирнов, сравнивая возрастного состава депутатов первой и второй Государственной Думы, проведенный, подтвердил наличие тенденции на «омоложение» народных избранников. Несмотря на то, что количество парламентариев среднего возраста (30 – 40 лет) остался прежним, количество лиц от 25 до 29 лет возросло практически в три раза. Уменьшилась численность народных избранников в возрасте от 40 до 50 лет, и практически в полтора раза сократилось количество лиц от 50 лет и старше. Наибольшая доля людей до 35 лет было среди крестьянских депутатов (40,6%). Одновременно соотношение возрастных групп в их среде уравнивалось достаточным числом лиц в возрасте от 40 до 49 лет (каждый третий). Парламентариев, которые были старше 50 лет среди них обнаружено практически вдвое меньше (5,9%), чем среди народных избранников иных социальных групп (13,3%)³.

¹ Бородин Н. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С. 9.

² Бородин Н. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С. 13.

³ Смирнов А. Состав 2-й Государственной Думы // Речь. 1907. № 43. С. 3-4.

В Третьей Государственной думе, с точки зрения возрастной структуры, парламентарии оказались, как отмечал обозреватель кадетской газеты «Речь», старше представителей двух первых Дум. Доля парламентариев старше 50 лет возросла до 28%, а моложе 30 лет упала до 5,3%, тогда как в I Думе это соотношение было 15 к 7,3%, а во II Думе – 10,4 к 19,5%. Причина – новый избирательный закон¹.

Анализ образовательного уровня парламентариев обнаруживает то, что российские избиратели нацелены на образование кандидатов, возможно считая его одним из факторов эффективной политической деятельности. С этой точки зрения, выявляются наибольшие диспропорции. В России, согласно переписи 1897 г., численность неграмотных достигала 70,7%, но только два депутата первой Думы (0,4%) указали, что не умеют читать и писать, а 42,1% опрошиваемых заявили о наличии высшего образования (с учетом данных о том, что количество получивших высшее образование в составе российского населения составляло сотые доли процента).

Так, Н. Бородин выявил тенденцию ориентирования российских избирателей на образование кандидатов, считая, что это повысит продуктивность их деятельности в области политики. Он выявил, что на выборах сельское население отдавало предпочтение учителям, преимущественно имевшим крестьянское происхождение, а городское – субъектам, которые участвовали в выборах и имели университетское образование. Объяснял исследователь это исключительностью фигур с образованием и пиететом избирателей перед образованными лицами. «При довольно обширном участии в выборах крестьян это явление может быть объяснено не чем иным, как желанием безграмотного и малограмотного народа провести в парламент более знающих и более образованных людей, чем они сами»². А. Смирновым проведен сравнительный анализ образовательного уровня депутатов Первой и Второй Государственной думы, который выявил наличие связи между возрастом и грамотностью парламентариев, согласно которой более юный состав депутатов от крестьян привел к росту числа субъектов со средним (преимущественно учителя) и низшим образованием³. Несколько меньший процент дали народные представители с высшим образованием.

¹ Состав 3-й Государственной Думы // Речь. 1907. № 257. С. 3.

² Бородин Н. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С.14-15.

³ Смирнов А. Состав 2-й Государственной Думы // Речь. 1907. № 43. С. 2-3.

Что касается уровня образования депутатов III Государственной Думы, то он выше предыдущих парламентариев. 48,7% из 357 депутатов имели высшее образование (в I Государственной думе их было 42,1%; во II Думе – 38,6%). Возросла численность парламентариев со средним образованием до 25% (в I Думе – 13,8%, во II Думе – 20,8%). Численность народных избранников-самоучек осталось примерно такой же, как и во второй Думе 8% (в I Думе их было значительно больше 19,3%). Во многом это можно вязать с инновациями введенного нового закона о выборах.

Н. Иорданский, рассматривая несоответствие между итогами выборов в третью Государственную думу и реальными политическими приоритетами общества, констатировал победу правых и крайне правых партий, получивших две трети депутатских мест в нижней палате парламента, связывал ее с неконституционным изменением властными структурами установившейся избирательной системы. Статистика явно демонстрировала: только представители землевладельческой курии демонстрировали приверженность большинству (77%) правых партий, а в рабочей и крестьянской куриях, которые идентифицируются с многочисленными слоями русского населения, явно преобладают левоопозиционные настроения (97% и 53% соответственно). Это несовпадение по мнению выражающей интересы исключительно 130 тысяч помещиков России¹.

Если анализировать профессиональный состав депутатов I, II, III и IV Государственных дум, то можно прийти к выводу о том, что на смену учителям, крестьянам и рабочим приходили предводители дворянства, земские руководители, генералы и другие «служивые» люди.

Сравнительный анализ конфессионального и этнического составов депутатского корпуса Государственных Дум показывает доминирование избирателя русского толка, включая в это (несмотря на спорность) великороссов, малороссов, белорусов и обрусевших представителей целой плеяды малых народов – мордвы, чувашей, вотяков, болгар, молдаван и т.п., что существенным образом влияло на этнический состав парламентариев. Вместе взятые, они по разным оценкам, могли составить, от 72,3 до 81,1% общего числа депутатов. Общее число респондентов, отнесших себя к пред-

¹ Иорданский Н. Итоги выборов. Левые сторонники правой линии // Современный мир. 1907. № 11. С. 94.

ставителям православной религии, мало расходилось с вышеуказанной цифрой и составляло около 77%¹.

Этнокультурная составляющая выборов также исследовалась в русской социологии. Так Н. Энгельгард (монархист по убеждениям) считал, анализируя процесс первой думской кампании, что борьба в рамках выборов всюду связана с национальной составляющей². При этом он выявляет несоответствие между этническим составом и составом Думы. Рассматривая как пример выборы в Гродненской губернии, где 57% жителей составляли русские, 24,1% – поляки, а 17,5% – евреи, он указывает, что в составе губернского избирательного съезда из 107 выборщиков 40 составили представители русского населения, 40 или 42 – польского и 26–28 – еврейского³.

Отечественные публицисты отмечали, что существовала территориальная дифференциация электорального пространства. Уже выборы в I Государственную Думу позволили проследить особенности поведения представителей города и сельской местности в рамках проведения избирательных кампаний. Сельский уклад обуславливал, с одной стороны, тесную социально-психологическую зависимость жителей деревень друг от друга, достаточно выявляемый уровень общественного контроля в общинном житие на виду друг у друга, а, с другой стороны, показывал ограниченность связей коммуникационного характера среди представителей разных поселковых сообществ. Избиратели-крестьяне и их среда с этой точки зрения являла собой наиболее несовместимую коалицию лиц, которых объединяла потребность в завершенности аграрных преобразований, но разъединял тип местности проживания в огромной России. Д. Стахович писал, что: «многие избиратели (на сельском сходе, волостном) и многие уполномоченные и выборщики (на уездных, городских и губернских выборах), потому и старались во чтобы бы то ни стало избрать в выборщики или члены Государственной Думы непременно лицо из своего села, волости...»⁴

Следует отметить, что анализ контекста принимаемых решений электоральным предпочтениям в обобщенном виде представлен в таблице 3.

¹ Бородин Н. Государственная Дума в цифрах. СПб., 1906. С. 16.

² Энгельгард Н. Современная летопись // Русский вестник. 1906. Май. С. 22.

³ Там же. С. 18-28.

⁴ Стахович А. Как и кого выбирать в Государственную Думу. Что такое партийные выборы? Краткий обзор русских политических партий. М., 1907. С. 14.

Таблица 3. Контекст соответствия электоральным предпочтениям

Группы электората	Аграрии	Промышленники и торговцы	Рабочие	Крестьяне
Основные интересы	Завершение земельной реформы; преференции; налогообложение	Защита национальной промышленности: протекционизм, финансовая помощь, денежная реформа	Трудовое законодательство: ограничение рабочего времени, штрафов, заработная плата, экономические забастовки, социальное страхование	Завершение аграрной реформы; преференции, налогообложение
Итоги	Противоречивость	Совпадение интересов	Частичное решение	Противоречивость

Также стоит попытаться оценить степень решенности различных экономических вопросов парламентариями с учетом ожиданий электората и конечной реализации. Что также отражают социологические исследования и ретроспектральный анализ деятельности думских фракций в 1906-1917 гг. Он отражен на рисунке 1.

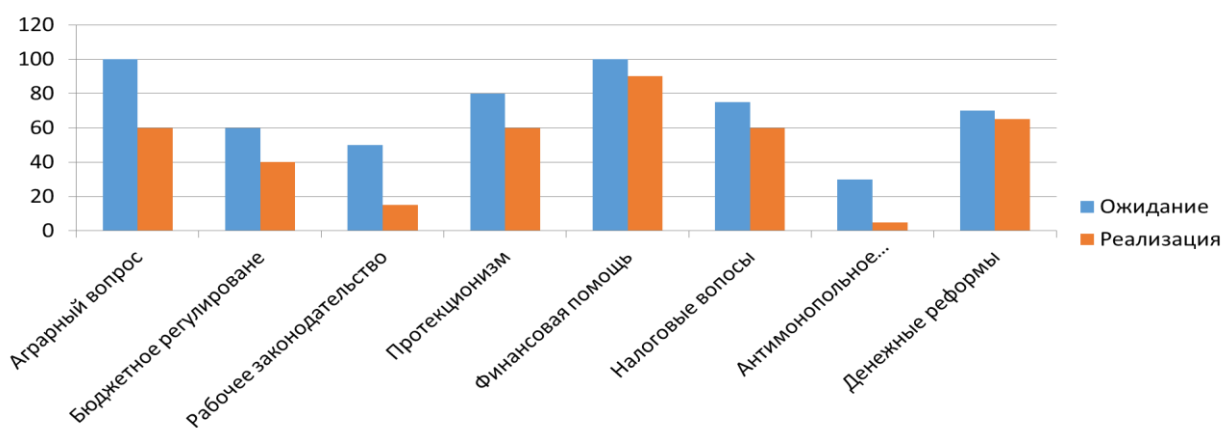

Рис. 1. Степень решённости различных экономических вопросов

Фактологический вывод позволяет указать следующее: российские парламентарии действовали вполне в контексте мейнстримовской тенденции расширения функций государства в экономике на рубеже XIX-XX вв. Специфика их деятельности была связана с особенностями становления российского парламентаризма и капитализма и отражала в достаточной степени электоральные предпочтения и особенности социально-экономической среды. Конфликт

между законодательной и исполнительной властью не позволял действовать достаточно эффективно.

В.В. Соколов¹

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО 1917 г. НА ПРИМЕРЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

События, произошедшие в России в феврале – марте 1917 г. коренным образом изменили ситуацию с нормативно-правовым обеспечением электоральных процессов в стране. На смену царскому правительству пришёл такой специфический по своей природе орган власти как Временное правительство, объединявший в своём лице законодательную и исполнительную власть. Вместе с тем, упомянутые выше события относились к периоду участия страны в Первой мировой войне, ситуации системного кризиса в важнейших отраслях народного хозяйства и государственного управления. В последнем, как известно, практически с формированием Временного правительства и складыванием «третьемартовской» политической системы возникает параллельный орган, опирающийся на народоправство в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Даже в тот период, когда Совет не претендовал на контроль за той или иной частью государственно-властных полномочий, но, со всей неизбежностью, он оказывал влияние на позицию и политику Временного правительства по принципу «Fleet in being»².

В этих условиях новым правительством страны вынужденно проводился курс, одним из компонентов которого было стремление совместить программные требования российского либерализма в сфере обеспечения избирательных прав населения страны с необходимостью легитимации собственной политической власти через

¹ Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент.

² «Флот влияет на политику уже самим фактом своего существования» Мэхэн Альфред - американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал, один из основателей геополитики // URL: <https://citaty.info/quote/458328>
<https://citaty.info/quote/458328> (дата обращения: 11.10.2024)

институт Учредительного собрания и решение задач текущего оперативного управления в условиях обострения политического противостояния с леворадикальной частью российского политического спектра.

Исходя из данной исследовательской гипотезы, обратимся к принципиально значимым для нашей работы ключевым точкам в таком знаковом для российских либеральных политических сил направлении деятельности, как нормативно-правовое обеспечение электорального процесса. Применительно к настоящей проблематике следует учитывать, что разрабатывалось не только нормативно-правовое обеспечение выборов в Учредительное собрание, но и такой основополагающий документ, как конституция России, предполагавшей ряд знаковых новаций в устройстве политической системы страны.

Прежде всего речь идёт о том, что в своей декларации от 2 марта 1917 г. Временное правительство провозгласило созыв Учредительного собрания. Соответственно речь шла о подготовке в кратчайшие сроки совокупности нормативных актов, определявших порядок выборов в этот орган, призванный установить основы социально-политической системы и государственности постреволюционной России. Также, в связи с фактическим переходом Россия к республиканской форме правления¹, требовалась разработка нового Основного закона – Конституции страны. В нём невозможно было обойтись без раздела, содержащего нормы, регулирующие избирательные права граждан. Проблемы российской государственности того периода более чем подробно изложены в отечественной и зарубежной историографии различных школ и направлений, что избавляет нас, как мы полагаем, от необходимости сколь-нибудь подробного изложения данной проблематики.

Соответственно, решение этих задач, особенно в условиях крайнего дефицита времени, особенно для решения первой из них, не могло не использовать существовавшие ранее законотворческие наработки. И здесь мы не можем не отметить ту прозорливость, которая была свойственна представителям либеральной части политического поля России, которые еще до революционных событий,

¹ См.: Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13-17.

причем не 1917, а 1905-1907 гг., задались целью обеспечения изменений социально-политической ситуации в стране адекватным нормативно-правовым материалом, отвечающим задачам предполагаемого направления дальнейшего развития общества. В отечественной историографии данная точка зрения содержится в комплексе работ В.В. Шелохаева¹, обосновавшего наличие у российских либералов теоретической модели реформирования страны, а также в трудах представителей его научной школы, развивающих идею о том, что данная модель содержится, в частности, в совокупности законодотворческого материала наработанного либеральными, прежде всего, кадетскими, юристами² в предреволюционный период³.

В качестве примера можно говорить о результатах работ весны и лета 1917 г., когда кадетские юристы подготовили комплекс проектов в сфере реформы местного самоуправления и управления. Целый ряд из них получил статус закона («О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» 15 апреля 1917 г.⁴; «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» 25 мая 1917 г.⁵; «Об изменении действующих положений о губернских земских учреждениях» 9 июня 1917 г.)⁶ и др.⁷ Общая направленность либерального законодотворчества данного пе-

¹ См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель реформирования России. М., 1996 и др.

² См.: Аронов Д.В. Законодотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906-1907 гг. М., 2005 и др.

³ Соколов В.В. Принципы построения избирательной системы в конституционном законодотворчестве временного правительства и либеральном законодотворчестве начала XX в. // Либералы и революция: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел, 2017. С. 92.

⁴ «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 1 мая 1917. № 95. Ст. 529. С. 805-832.

⁵ «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 14 июня 1917. № 137. Ст. 730. С. 1167-1177.

⁶ Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения» от 9 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 8 июля 1917. № 157. Ст. 870. С. 1455-1470.

⁷ См. например: Постановление Временного правительства 15 апреля 1917 г. о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях. Наказ министра внутренних дел городским общественным управлениям о применении Временных правил о производстве выборов гласных городских дум. Пг., 1917 и др.

риода состоит в попытке одновременного решения ряда задач. Это и ликвидация пережитков феодализма в системе управления, и попытка демократизации в либеральном духе местного самоуправления. При этом необходимо было искать баланс между общелиберальным пониманием принципов правового регулирования конкретных видов общественных отношений и ожиданиями широких слоев населения, уставшего от тягот военного времени и находящегося под влиянием крушения исторической монархической власти. Пример следования общелиберальной парадигме мы видим, в частности, в реализации в законотворчестве института всеобщего избирательного права. Это обеспечивало децентрализацию управления и способствовало качественному расширению компетенции органов местного самоуправления. Соответственно, на уровне поселка и волости выборы, по общему правилу, должны были производиться по мажоритарной системе. Вместе с тем, в компетенции уездной управы было использование пропорциональной системы выборов. В свою очередь, выборы в уездное и губернское земство проходили только по пропорциональной системе, позволяющей учесть как интересы меньшинства, так и местные особенности¹.

Подобная, весьма высокая, эффективность опиралась, прежде всего, на опыт законотворческих наработок, как теоретиков и идеологов, так и практиков отечественного либерализма. В данном случае мы видим достаточно оперативный ответ Временного правительства на общественный запрос на социальное реформирование необходимых для функционирования государства нового типа базовых, первичных структур гражданского общества, призванных формировать институты правового государства.

Следует отметить, что темпы и качество законотворчества в этой сфере имели под собой весьма солидную основу периода думского законотворчества российских либералов. В период думской деятельности в сфере преобразования местного управления у кадетов было подготовлено 6 проектов, in concreto характеризующих подходы либеральных кругов к реформированию правового регу-

¹ Соколов В.В. Принципы построения избирательной системы в конституционном законотворчестве временного правительства и либеральном законотворчестве начала XX в. // Либералы и революция: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел, 2017. С. 94.

лирования общественных отношений в данной сфере. К их числу можно отнести «Общий план реформы местного управления»; 3 проекта в области земского самоуправления – «Проект изменений и дополнений земского положения – с целью обеспечить самостоятельность земских учреждений», «Проект закона о выборах уездных земских гласных»; 2 проекта, посвященных организации городского самоуправления: «Проект городского положения» и «Проект закона о выборах в гласные городских дум»¹.

Интересна и техника подготовки проектов. Подобно тому, как конституционному проекту С.А. Муромцева умышленно была придана форма, делавшая возможным его органическое включение в ткань уже действовавших законов, так и законопроект «Об изменении порядка избрания губернских гласных» был специально подготовлен с расчетом на применение его норм к действовавшей системе земского управления².

Обращает на себя внимание высокая степень технической готовности проекта. Он представляет собой целостный нормативный акт, имеющий все признаки высокой законотворческой техники его создателей. В отличие от многих иных либеральных законодательных инициатив, проект имеет раздел «Общие положения», куда его авторы включили понятия и принципы выделения избирательной территории, определения лиц, пользующихся избирательным правом. Последующие разделы последовательно излагали систему учреждений обеспечивающих проведение выборов и гарантии их независимости от постороннего влияния, порядок учета избирателей и составления избирательных списков, порядок организации выборов с особой регламентацией процедуры голосования и определения их результатов, а также, сохраняя классическую структуру законопроекта, его завершал раздел, содержащий нормы о порядке обжалования результатов выборов³.

¹ Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. 133.

² Там же. С. 176.

³ Соколов В.В. Принципы построения избирательной системы в конституционном законотворчестве временного правительства и либеральном законотворчестве начала XX в. // Либералы и революция: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел, 2017. С. 95.

Анализ общих положений законопроекта позволяет говорить об основных идеях, которые закладывали в него его создатели. Прежде всего, речь идет о четком разграничении территорий избирательных округов применительно к городским и сельским поселениям. Это должно было обеспечить пропорциональное представительство городского населения в уездных земских собраниях, т.к. ранее города (кроме городского головы уездного города) не имели там отдельного представительства. Содержался и перечень городов, которые составляют исключения, т.к. они представляются отдельными делегациями. К числу отдельных самоуправляющихся единиц высшего порядка следовало, по мысли авторов, отнести значительное количество крупных городов страны, но стремление вписать закон в действующую систему законодательства привело к тому, что подобная реформа в нем не предусматривалась. Предполагалось установление точного количества гласных по каждому уезду в зависимости от населения. Верхняя и нижняя граница количества гласных в уезде определялась от 40 до 80 и выводилась на основе анализа результативности деятельности существовавших земских органов¹. Утверждение количества избирательных округов, распределение количества гласных, избираемых по округам в границах уезда, делегировалось уездной земской управе, городской управе или городскому старосте в зависимости от принадлежности избирательного округа к территории с определенным статусом (ст. 6). Решения исполнительных органов выносились на утверждение соответствующих представительных структур (ст. 7).

Принципиально важной была ст. 13, где определялись требования к лицам, имеющим право голоса. В основу было положено предоставление этого права «всем российским гражданам без различия пола, вероисповедания и национальности ... достигшим 21 года»². По вопросу о возрасте существовали определенные разногласия. Авторы законопроекта, вводя сравнительно низкий возрастной ценз, ориентировались на возраст гражданской правоспособности, хотя ранее в конституционных проектах возрастной ценз составлял 25 лет. Помимо возрастного ценза, статья содержала имущественный и налоговый ценз, которые могли заменять

¹ Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. 1905-1907 гг. С. 178, 188.

² Там же. С. 190.

ценз оседлости, равный 6 месяцам, что отличало кадетов от других либералов, которые считали необходимым увеличить ценз проживания до 2 лет. Природа всех этих цензов состоит в стремлении обеспечить реализацию принципа связи человека с определенной местностью¹.

Полагаем возможным сформулировать тезис о том, что нормативно-правовое обеспечение выборов в органы земского самоуправления и управления в практике Временного правительства было основано на фундаментальном теоретическом, партийно-политическом и законотворческом заделе, созданном представителями либеральной юриспруденции в думский период политической истории российского либерализма.

Однако в силу смены типологии государственной власти в России², необходимо было решать и вопрос о новом Основном законе страны, т.к. их редакция от 23 апреля 1906 г. (с последующими изменениями) мягко говоря, не соответствовала действительности. Соответственно, начиная с февраля и до октября 1917 г., в России конституции (Основного закона) не было. С точки зрения «чистой» либеральной теории, выработка конституции являлась функцией Учредительного собрания.

Временное правительство вело в этом отношении определенную деятельность, делая это весьма основательно, с детальной проработкой соответствующих вопросов. Так называемое Особое совещание для подготовки проекта положения о выборах было создано 25 марта 1917 г. В его состав вошли специалисты в области государственного права, статистики, общественные и политические деятели, представляющие основные политические течения России.

Об этом же процессе свидетельствует и ряд других документов. 20 июля 1917 г. увидело свет Постановление об утверждении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание. В законопроекте (глава II «Об избирательном праве»), с необходимой степенью подробности, рассматривались субъекты избирательного права. Там же содержались нормы, согласно которым возрастной ценз понижался на 5 лет, правом участия в выборах наделялись граждане обоего пола, которым на момент выборов исполнилось

¹ Там же. С. 180-181, 190.

² См.: Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13-17.

20 лет. Глава III «Об учреждениях, заведывающих производством выборов в Учредительное собрание» возлагала проведение выборов на: 1) Всероссийскую, окружные, столичные, уездные и городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и участковые избирательные комиссии, а также на 2) городские и поселковые управы и волостные земские управы. Глава IV «Об избирательных списках» возлагала составление избирательных списков на городские и поселковые управы, а также на волостные земские управы. В избирательный список вносились лица, имеющие право участвовать в выборах и проживающие на территории избирательного участка ко дню начала составления избирательных списков, даже в случае их фактического отсутствия. Прибывшие позднее могли быть внесены в списки лишь по их собственному заявлению. Глава V «О кандидатских списках» давала возможность заявить список группе граждан в количестве не менее чем 100 человек, с ограничением для граждан быть более чем в 5 списках по разным округам, но не по одному участку, смену кандидатов, их отзыва и т.п. Таким образом, можно говорить о вполне либеральном и демократическом контексте нормативного акта¹.

На практике, выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12 ноября 1917 г., были проведены на основе наиболее демократичной и репрезентативной для той эпохи пропорциональной (смешанной) системы, сочетавшей в себе институт выдвижения кандидатов от территориальных округов (7 фронтовых и 68 тыловых) с голосованием по партийным спискам. В избирательный процесс было вовлечено почти 50 млн. человек (впервые избирательные права не только в России, но и в таком масштабе и в мире получили женщины, ранее были частные примеры в Новой Зеландии и Австралии). Были реализованы демократические принципы всеобщих, прямых, равных выборов при реализации процедуры тайного голосования².

¹ Постановление Временного правительства от 20 июля 1917 г. «Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание» // Собрание узаконений Временного правительства. 1917. Ст. 916 // URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5411/> (Дата обращения: 05.09.2024).

² Соколов В.В. Принципы построения избирательной системы в конституционном законодательстве временного правительства и либеральном законодательстве начала XX в. // Либералы и революция: Сб. материалов Всероссийской научной конферен-

В рамках процесса по подготовке к выборам в Учредительное собрание начались работы и над проектом нового Основного закона страны. Особая комиссия по составлению проекта Основных законов (председатель – Н.И. Лазаревский, одновременно возглавлял и Юридическое совещание при Временном правительстве) начала свою работу 11 октября 1917 г.. В состав комиссии, постоянно пополняемый посредством кооптации «представителей науки государственного права и общественных деятелей», вошло около 30 человек, в большинстве представителей либеральной школы права (А.А. Боголепов, В.Д. Набоков, В.М. Гессен, М.М. Винавер, С.А. Котляревский, В.Ф. Дерюжинский, Б.Э. Нольде и др.).

Комиссия начала работу над проектом конституции, положив в ее основу общелиберальные принципы 1) народного верховенства, с определением формы правления (монархия или республика); 2) широкое развитие местного самоуправления; 3) признание и обеспечение индивидуальных свобод граждан.

Согласно проекту, Россия становилась буржуазной республикой, во главе которой стоял Президент, избираемый Учредительным собранием сроком на 1 год. Также создавался двухпалатный парламент, количество палат в котором вызвало весьма активную дискуссию, корни которой просматриваются еще в 1904–1905 гг. Политическую составляющую деятельности Особой комиссии В.М. Гессен сравнил с задачами, стоящими перед Учредительным собранием. По его словам, оно «исторически призвано к ликвидации великой революции, переживаемой Россией»¹.

Комиссия планировала разработать конституцию как «объемистый законопроект, приблизительно в 200 статей», что предполагало, как мы отмечали выше, возможность детальной проработки соответствующих норм. Проект основывался на принципах гарантии общегражданских прав и свобод; федерализма, автономии, самоуправления и государственного единства; народного представительства; двухпалатности парламента, независимости и несменяемости судов, ответственности министров. Он включал в себя разделы о президентской власти, организации судов, организации ад-

ции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. Орел, 2017. С. 98.

¹ Временное Правительство и Учредительное собрание // Красный архив. 1928. № 3. С. 108.

министрации, о Сенате, Совете министров, бюджете, займах, налогах, печати, гербе и знамени¹. Позднее было принято решение включить в будущую конституцию и главу о церкви.

Результаты компаративистского анализа данного проекта с либеральным законодательством 1904–1906 гг. в сфере конституционного и избирательного права, то представляется возможным сделать ряд выводов. Если не считать раздел о президентской власти, проекты, фактически, совпадают структурно. Значительно более высокая детализация структуры проекта 1917 г. Целый ряд разделов в проектах начала XX в присутствовал скорее формально, чего нет в анализируемом проекте. В целом в основе всех проектов лежат на общелиберальные принципы, что связывает эти проекты генетически, а участие в разработке одних и тех же специалистов, позволяло непосредственно использовать предшествовавшие постреволюционному периоду наработки.

По известным обстоятельствам проект не дошёл до стадии воплощения в реальную политико-правовую практику, оставшись памятником политико-правовой мысли российского либерализма. Однако с этой точки зрения полагаем его значимым этапом в её развитии и обращение к нему, как к одному из сущностно важных сюжетов в изучении конституционного законодательства российского либерализма начала XX в.

И.А. Чупов²

**Л.Н. ТОЛСТОЙ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРАКТИКЕ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ
ОБЩЕСТВЕННОМУ ДВИЖЕНИЮ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

Противодействие либеральной части российского общества со стороны власти насчитывает многовековую историю. Не стал исключением и период, предшествовавший парламентскому этапу в

¹ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 192-197.

² Чупов Илья Анатольевич - аспирант кафедры теории и истории государств и права ФГБОУ «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел.

истории российского либерализма. С неугодными власти представителями российского гражданского общества, в зависимости от текущей ситуации, кампанейщины, степени ретивости местных властей и т.п. Не были в этом ряду исключением и те, кто составлял и составляет гордость отечественной культуры. Применительно к Тульской губернии начала XX в., её выдающимся представителям речь, в первую очередь, идёт о выдающемся туляке – Льве Николаевиче Толстом, дело на которого, заведённое местной полицией, сохранило пометку «Хранить вечно».

По большому счёту, путь Л.Н. Толстого в политике начинается от его избрания, уездным земством, членом Крапивенского училищного совета и в нём же помощником председателя. В течении всего трех месяцев, благодаря его активной работе число школ в уезде увеличивается, а обучающихся возрастает более чем в два раза (с 956 до 2087). Была также предпринята попытка на базе его имения Ясной Поляны организовать семинарию для подготовки учителей – «университет в лаптях», но местные власти отнеслись критически к данной идее и разрешение на это не дали. Новый этап участия Л.Н. Толстого в местной политике связан с событиями 1887 г. В это время Л.Н. Толстой избирается губернским гласным от Крапивенского земства. Строго говоря, это было не единственное проявление общественно-политической деятельности писателя. В том же году он избирается членом попечительского совета женской гимназии в Крапивне. Биограф писателя Н.Н. Гусева отмечает по этому поводу следующее: «быть может, Толстой хотел на опыте проверить справедливость сложившегося у него отрицательного представления о земской деятельности, или же он надеялся хоть маленькую пользу принести крестьянству того небольшого уголка русской земли, в котором он жил, – Крапивенского уезда»¹.

Спустя некоторое время писатель столкнулся с невозможностью самореализации и разочарованием в общественно-политической деятельности в её формализованных рамках. Писатель так описал свой политический опыт: «Все эти учреждения, суды являются теперь какой-то насмешкой. Но и тогда,

¹ Гусев Н.Н. Л.Н. Толстой. Материал к биографии с 1870 по 1881 гг. М. 1963. С. 448–449.

при введении их, все это было в самом жалком виде. Я помню, я проделал все это: был земским, а потом губернским гласным, говорил, что-то отстаивал, старался провести, но, в конце концов, бросил. Я чувствовал, что окружен со всех сторон стеной, и мне предоставляется только чинить мосты. Положим, это довольно почетное занятие, но кто чувствует себя способным на какое-нибудь большое дело, тому тут делать нечего»¹.

Не имея возможности распространить свои благие намерения на весь уезд, губернию и тем более на всю Россию, Л.Н. Толстой решил, что будет наиболее полезен людям в рамках конкретной адресной помощи. Так, например, в 1902 г. на личные деньги Л.Н. Толстого в Ясной Поляне открывается больница. Поиск врачей и оплату их труда он также взял на себя². К писателю, с просьбами о той или иной помощи, регулярно обращались местные жители и, по возможности, помощь оказывалась каждому. Н.В. Давыдов³, близкий знакомый Л.Н. Толстого, частый посетитель Ясной Поляны, писал, по меньшей мере, о шестидесяти письмах подобного рода, сохранившихся у него как у прокурора⁴.

В 1896 г. Л.Н. Толстой, направляет письма министру юстиции и министру внутренних дел, Н.В. Муравьеву и И.Л. Горемыкину с просьбой освободить земского врача М.М. Холовенскую⁵. Позже, в 1903 г., Толстой также просил Николая II о помиловании крестьянина А. Агеева, привлеченного к суду за «богохульство», с избранием в отношении него в качестве меры воздействия лишения всех прав и ссылки в Ачинский уезд Енисейской губернии⁶.

В этом же году полиция установила тайный надзор и всячески противодействовала деятельности Л.Н. Толстого в связи с тем, что он был отнесен к сторонникам либеральных взглядов. Л.Н. Толстой собственноручно отмечал в своем дневнике: «Третьего дня был

¹ Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М. 1959. С. 99.

² Иванова – Жеребцова Н.Г. Л.Н. Толстой и село Ясная Поляна // Л.Н. Толстой в Тульской крае. Тула. 1978. С. 22.

³ Русский юрист и общественный деятель из рода Давыдовых, с 1878 г. – Тульский губернский прокурор, а с 1890 по 1896 гг. – председатель Тульского окружного суда, с 1896 по 1908 гг. председатель Московского окружного суда.

⁴ Давыдов Н.В. Из прошлого // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 202.

⁵ Шифман А. Дело Марии Холевинской // Литературная Россия. 1978. 28 июля.

⁶ Дробат Л.С. Вблизи Ясной Поляны // Л.Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978. С. 57-59.

жандарм Т., шпион, который признался, что подослан ко мне. Было приятно и гадко»,¹ – данная запись сделана 8 июня 1896 г. Толстой узнал о слежке за собой, в общем-то, случайно, в результате сложившихся товарищеских с назначенным для этого офицером П.Т. Кирилловым. Последний получал от Л.Н. Толстого книги, которые из-за цензуры было очень сложно найти в свободном доступе. Итог вполне в духе эпохи. После того как стало известно о его неформальных отношениях с поднадзорным писателем, он был уволен с позором².

В 1891–1892 гг. Европейская территория России стала зоной сильного неурожая и, как следствие, голода. Вслед за голодом начинается и эпидемия холеры. Тульская губерния также оказалась в эпицентре этих событий.³ Осенью 1981 г. Л.Н. Толстой пишет цикл статей «О голоде», где, подобно М.В. Ломоносову в работе 1761 г. «О сохранении и размножении российского народа», писатель открыто назвал причины голода, о которых все знали, но боялись говорить в открытую: «Народ голоден от того, что мы слишком сыты. Разве может не быть голоден народ, который в тех условиях, в которых он живет, то есть при тех податях, притом малоземелье, при той заброшенности и одичании, в котором его держат, должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощают столицы, города и деревенские центры жизни богатых людей? Все эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, все эти богатства, — все это выработано этим самым голодающим народом, который делает все эти ненужные для него дела только потому, что он этим кормится, т.е. всегда этой вынужденной работой спасает себя от постоянно висящей над ним голодной смерти. Таково его положение всегда. Нынешний год только вследствие неурожая показал, что струна слишком натянута. Народ всегда держится нами впроголодь. Это наше средство, чтобы заставить его на нас работать»⁴.

В дневниках Л.Н. Толстого, можно встретить немало мест где, без всяких прикрас, описывается невыносимо тяжёлая жизнь

¹ Толстой Л.Н. Дневник / Полн. собр. соч. в 90 т. Юбилейное изд. М., 1992. Т. 53. С. 98.

² Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910 гг. М. 1960. С. 212.

³ Отчет по общественным работам Тульской губернии. Тула, 1894. С. 4.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. юб. Т. 29. С. 106.

крестьянства. Тем не менее, писатель искренне верил, что власть имущие при должном объяснении им происходящего, и осознании насколько много вреда и боли причиняет бедность крестьянству в силах пойти на реформы и изменения самостоятельно и добровольно. По этому поводу уместно привести слова великого писателя: «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят»¹.

Цензура Российской империи постоянно отказывала в печати статьям и произведениям Л.Н. Толстого. Но бывали случаи, когда его работы через другие страны доходили до России. Так в Англии, в начале 1892 г., в одной газете опубликовали серию статей о голоде в Российской империи. После этого газета «Московские ведомости», сделав перевод с английского языка, печатает удобные для пропаганды части статьи, дополняя их соответствующими отношению газеты к писателю комментариями: «Письма гр. Толстого <...> являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда»².

Вторили газете и официальные лица, в частности министр внутренних дел П.Н. Дурново, назвавший слова Л.Н. Толстого «Наиболее возмутительным революционным воззванием»³.

Во время голода писатель оказывал масштабную помощь населению Тульской губернии. Он лично посетил Крапивинский, Ефремовский, Епифанский и Богородицкий уезды. Как и другие либерально настроенные общественные деятели, он использовал личные средства для открытия столовых (около 20) для детей и взрослых. 8 апреля 1901 г. Л.Н. Толстой записал в дневнике что: «в Епифанском, Ефремовском уездах <...>, действовало 246 столовых, в которых кормилось 10–13 тысяч человек <...> было

¹ Толстой Л.Н. Дневник. 13 сентября 1891 г. // ПСС: В 90 т. Т. 52. М., 1952.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. юб. Т. 29. С. 391.

³ Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891–1910 гг. М. 1960. С. 65.

создано 124 «приюта» – пунктов по выдаче молочной пищи детям. В них получали питание 2–3 тысячи детей».¹

В 1898 г., прибывая в состоянии крайнего недовольства деятельностью правительства, в частности, администрацией Тульской губернии, Л.Н. Толстой публикует, ставшую весьма известной, работу «Голод или не голод?». В результате проверки цензурой статья блокируется и не пускается в печать. Только после существенной переработки работу разрешают к печати в газете «Русь» № 4, 5 от 2-3 июля 1898 г.

В это время в Чернском уезде произошёл эпизод о котором пишет Л.Н. Толстой: «В Чернском уезде <...> полицейские власти, приехав в деревню, где были столовые, запретили крестьянам ходить в них обедать и ужинать, для верности же исполнения те столы, на которых обедали, разломали, – и спокойно уехали, не заменив для голодных отнятый у них кусок хлеба ничем, кроме требования безропотного повиновения»².

В 1899 и 1900 гг. Л.Н. Толстой пишет ряд статей, с острой критикой власти по отношению к условиям социальной, экономической и политической жизни трудящегося человека: «Рабство нашего времени»³ и «Неужели это так надо?»⁴

Литература Л.Н. Толстого станет основанием и причиной для возбуждения уголовных либо административных дел по целому ряду эпизодов. Показательным можно считать ситуацию, сложившуюся в 1912 г. в Одоевском уезде. «Летом 1912 г. при Одоевском Уездном земстве были учреждены временные педагогические курсы для учителей начальных школ уезда, – указано в архивных документах, – Мысль о их учреждении принадлежит председателю Одоевской земской управы князю Кропоткину».⁵ «Среди литературы имеется брошюра Л.Н. Толстого «Учение Христа, изложенное для детей». Согласно содержанию донесения, подобным брошюрам нет места в помещичьих курсах. После чего курсы были закрыты»⁶. Вдобавок к этому всплывает изложенная в донесении инфор-

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. юб. М., 1992. Т. 29. С. 162-164.

² Толстой Л.Н. Голод или не голод? (дополнения к статье) / Там же Т. 29. С. 228.

³ Толстой Л.Н. Рабство нашего времени // Полн. собр. соч. юб. М. 1992. Т. 34. С. 144-199.

⁴ Толстой Л.Н. Неужели это так надо? // Там же. С. 216-238.

⁵ ГАТО Ф. 1300. Оп. 3. Д. 778. Л. 23.

⁶ ГАТО Ф. 1300. Оп. 3. Д. 778. Л. 24.

мация о: «лжеучение Л.Н. Толстого. Женщина врач Цина Копелева Варшавская еврейка ведет в Одоевском лазарете для раненых пропаганду лжеучений. Обыски у нее выявили революционную литературу, в виде брошюр Л.Н. Толстого. Она относится к князю Кропоткину по партийной линии. А также близость у них имеет интимный характер»¹. Данные материалы использовались помимо прочих для возбуждения уголовного дела в отношении кадета князя С.С. Кропоткина.

Учитывая открытую обличительную позицию Л.Н. Толстого по отношению к действиям властей, большая часть второй половины его жизни прошла под постоянным надзором жандармов. П.Н. Дурново требовал от Тульского Жандармского Управления установить за Толстыми «особое, совершенно негласное наблюдение»².

Л.Н. Толстой активно критиковал власть на страницах своих произведений политического и социального характера. Обличал он и насилие, и несправедливость по отношению к крестьянам и рабочим. Имевшего авторитет в российском и мировом сообществе писателя, невозможно было подвергнуть административной репрессии как обычного оппонента власти. «Два царя у нас», – высказывал А.С. Суворов о влиянии Толстого в России – «Николай II и Лев Толстой. Кто их них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно колеблет трон Николая и его династии <...> Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост»³. Тем не менее, борьба с влиянием Л.Н. Толстого на умы людей велась постоянно, что отражалось на жизни и здоровье писателя и его членов его семьи.

Давление на Л.Н. Толстого не ограничивается только светскими методами воздействия. В 1900 г. к дискредитации Толстого и его семьи подключается Священный Синод. Его решение было следующим: «воспретить совершения поминовения, панихид и заупокойных литургий», так как писатель «ясно показал себя врагом православной христовой церкви».⁴ 24 февраля 1901 г. было

¹ ГАТО Ф. 1300. Оп. 3. Д. 778. Л. 29.

² Государственный музей Л.Н. Толстого в Москве. 1-В, 6-А. Кт. 9401/7. Лл. 33об.-34.

³ Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. 1891-1910 гг. М. 1960. С. 65.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 43-а. Л. 2.

опубликовано решение в отношении Л.Н. Толстого об отлучении писателя от церкви¹.

Общественность конечно возмутилось этому. Протест этот выразился путем аплодисментов, криках «Браво», забрасывания портрета цветами и антиправительственных лозунгов у портрета Л.Н. Толстого на Петербургской выставки картин². Реагируя на это губернатор Тулы В.К. Шлиппе, в ответ на требование МВД принять самые решительные меры, чтобы не допустить подобного на других аналогичных выставках, запретил публично выставлять портреты Л.Н. Толстого в губернии.³

13 декабря 1910 г. с пометкой «Срочно» и «Совершенно Секретно» Тульскому Полицмейстеру писал губернатор Тулы в связи 40 дня со времени кончины графа о запрещено проведение любых «манифестаций и противоправительственных выступлений»⁴. Полный текст документа звучит следующим образом: «В виду возможного большого скопления 16 сего декабря в сороковой день кончины Графа Л.Н. Толстого посетителей на могиле последнего мною, в мести с сим, предписано Тульскому Уездному Исправнику о командировании 15 сего декабря в Кочаки двадцати стражников, под начальством старшего, которые по прибытии должны поступить в распоряжение Пристава 2 стана Крапивенского уезда Карякина, коему надлежит находиться при них. Наблюдение и все распоряжение по охранению порядка мною возлагается на Вас, при чём в Ваше распоряжение поступают Крапивенский Уездный Исправник и Пристав 2 стана Крапивенского уезда Уарякин с упомянутой выше стражей. Давая о сём знать, предлагаю Вам выехать в Ясную Поляну, где и находиться в течении 16 декабря, при чём иметь неукоснительное наблюдение за точным соблюдением временных правил о собраниях и в случае нарушения означенных правил, по установлении личностей, виновных в том привлекать к законной ответственности»⁵.

¹ Определение св. синода от 20—22 февраля 1901 г., с посланием верным чадам православная грекороссийския церкви о графе Льве Толстом // Церковные ведомости, издаваемые при святейшем правительствующем синоде. 1901. № 8 (24 февраля). С. 45-47 (общая годовая пагинация).

² Позойский С. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М. 1979. С. 113.

³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 4. Д. 110. Л. 148-148 об.

⁴ ГАТО. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 146-а. Л. 44.

⁵ ГАТО. Ф. 445. Оп. 5. Д. 288. Л. 1-2.

Краткий очерк, посвящённый попыткам местных властей противодействовать распространению взглядов Л.Н. Толстого, каковые по устойчивой полицейской традиции определялись как либеральные, позволяют нам показать ту атмосферу, в которой проходила деятельность политически активной и либерально ориентированной части тульского общества. Всемирная слава, дворянское происхождение, близость к высшим слоям российской аристократии не спасали от назойливого внимания, а, порою, и прямого противодействия со стороны власти. Соответственно, это позволяет показать, насколько сложнее было другим тульским политическим деятелем практически на всех этапах парламентского периода политической истории российского либерализма.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мне кажется, что я не ошибся в своем прогнозе, ибо в прослушанных на чтениях докладах и сообщениях, обращенных к изучению «политико-правовой практики» российского либерализма, показана тенденция к «соединению» либеральной теории с либеральной практикой. Этот процесс был раскрыт на примерах практической деятельности отдельных выдающихся представителей российского либерализма, попытавшихся перейти от «салонных теоретических разговоров» к практической работе среди масс. Намеченный исследовательский вектор, надеюсь, будет подхвачен новым поколением не только историков, но и философов и социологов. Все это говорит о том, что у исследователей либерализма есть перспектива.

Что касается предложений на будущее, то я хотел бы озвучить пожелания постоянного участника «Муромцевских чтений» доктора исторических наук В.В. Журавлева, который, к сожалению, не смог принять участия в работе данной конференции. По его мнению, проблематикой следующих «Муромцевских чтений» могли стать вопросы историографии российского либерализма (2025), а в 2026 г. проблемы законотворчества либеральных фракций, что можно было приурочить к 120-летию Государственной думы в России.

Что касается лично моих соображений, то они сводятся к следующему. На мой взгляд, опыт уже состоявшихся XVI «Муромцевских чтений» дает мощный импульс приступить к подготовке многолетнего обобщающего коллективного труда по истории российского либерализма. Думаю, что для реализации этой идеи у участников «Муромцевских чтений» есть вполне реальные и весомые наработки для всестороннего осмысления места и роли российского варианта либерализма в «общей мировой системе либерализма». Речь идет о всестороннем анализе его общетеоретических основ (философских, социологических, исторических) в динамике их генезиса и эволюции. Следовало бы обобщить наработки отечественных исследователей историографического (отечественная и зарубежная литература) и источниковедческого (включая отечественные и зарубежные архивы) характера. В данном труде следовало бы раскрыть общее и особенное различных модификаций российского либерализма, а также формы и методы его практического действия

на различных исторических срезах. Говоря об исторических срезах, я имею не только временной, но и географический диапазон, учитывая специфику региональных особенностей (экономических, социальных, национальных, конфессиональных), в которых пришлось действовать российским либералам.

Думаю, что выполнение этой задачи вполне по плечу участникам «Муромцевских чтений».

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ
ПРАКТИКЕ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА
КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX в.**

XVI МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной научной конференции
11-12 октября 2024 г., г. Орел

*Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Д.В. Аронова*

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru
Подписано в печать 24.11.2024. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18. Тираж 200 экз. Заказ № 06.
Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орел, ул. 3-я Курская, 20 www.variant-orel.ru